

*«Я встретил вас —
И все бывшее
В отжившем сердце
Ожило...»*

Именно ей были адресованы эти строки

О жизни и творчестве художника Йозефа Карла Штилера
читайте на странице 66.

Неизвестное об известном

<i>Денис Логинов</i>	Сестра жены поэта 4
<i>Юрий Осипов</i>	Алексей Крученых: «Забыл повеситься / Лечу к Америкам» 50

Рассказ

<i>Светлана Савицкая</i>	Рейнике Королева 18
--------------------------	----------------------------------

Замечательные современники

<i>Андрей Колобаев</i>	«Любовь земная» и неземная36
<i>Елена Воробьева</i>	Елизавета Лотова: «Я человек сложный, очень требовательный и к себе, и к другим»75

Кремль России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Ивангород 61
----------------------	---------------------------

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Портрет Амалии Крюденер Йозефа Карла Штилера 66
---------------------	--

Итоги конкурса

<i>Александра Кентауская</i>	Запах скошенного сена 81
------------------------------	---------------------------------------

Фантастика

<i>Сергей Чекмаев</i>	Лауреат 88
-----------------------	-------------------------

Поэзия

<i>Александр Ратнер</i>	Стихи 100
-------------------------	------------------------

Новое имя

<i>Елизавета Маренина</i>	Ромашковое поле 104
---------------------------	----------------------------------

История любви

<i>Алла Зубкова</i>	Полонез для мадам Санд 108
---------------------	---

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Свадьбы не будет 124
--------------------------------	-----------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Йозеф Штилер.
Портрет Амалии Крюденер

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.02.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Крестьянку с русского Севера Ирину Федосову называли «народной поэтессой», и в этом не было никакого преувеличения: ее причитания на самом деле были во многом «авторские». Судьба этой «поэтессы-плакательницы» уникальна. Она едва ли не единственная осталась в русской истории не скупой строчкой «слова народные», а признанным творцом. Хотя и оставалась при этом обыкновенной крестьянкой, чуждавшейся всяких наград и регалий. Они находили ее сами...

Денис **Логинов** «Северный соловей»

«Фраза «сказочник Андерсен» стала уже аксиомой, и для этого были веские основания, так как его перу принадлежат свыше 200 сочиненных им сказок, составивших золотой фонд детской и мировой литературы. За свой чрезвычайно насыщенный самыми разнообразными встречами, знакомствами и путешествиями земной путь он, увы, так и не смог завести ни семью, ни детей. Поэтому его общение с юными отпрысками семейств своих друзей и знакомых отличалось некоторыми особенностями. Сам же он всю свою жизнь оставался большим ребенком. Милым и наивным, с удивительно добрыми голубыми глазами, но при этом капризным и неврастеничным...

Дмитрий **Зелов** «Человек, ненавидевший детей?!»
(Ко дню рождения великого сказочника)

«Живописец, график, поэт, издатель, мастер эпатажа и скандальных презентаций, человек исключительной одаренности и неумемной энергии, Давид Бурлюк стоит у истоков русского авангарда и по праву считается «отцом отечественного футуризма».

Юрий **Осипов** «Алхимик слова и цвета»

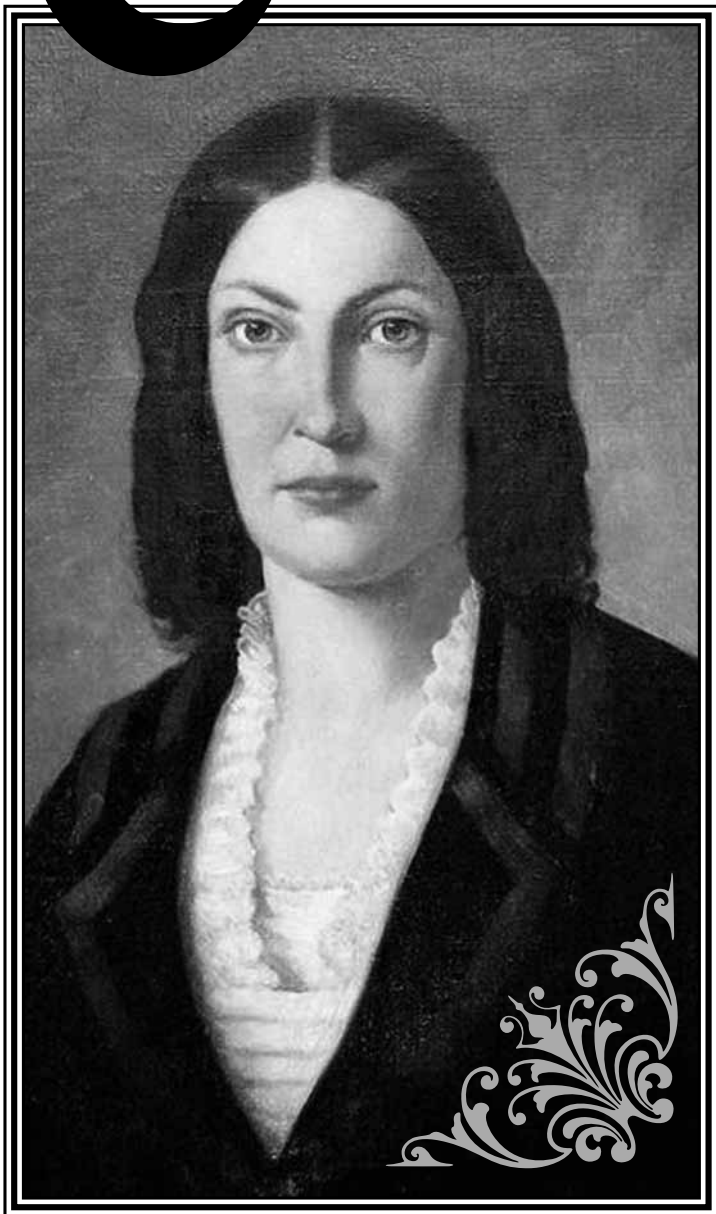
«Коктебель — сакральное место притяжения творческих людей, которое вдохновляло и продолжает питать энергией сердца и души поэтов, писателей, художников и музыкантов. Неслучайно здесь некогда обосновался Волошин, гостили Булгаков, Толстой, Петров-Водкин, Ахматова, Гумилев и многие другие. Вот и крымчанин Вячеслав Федорович Ложко — лауреат многих почетных званий, титулов и наград — остается верным своему призванию — служить лире и Отечеству. В 2006-м году он основал Международный Гумилевский фестиваль «Коктебельская весна», на который съезжаются лучшие представители современной литературы и поэзии.

Елена **Митрохина** «Коктебельская весна поэта»

«Детектив Елены **Колчак** «Не будите спящую собаку».

Сестра жены поэта

Денис Логинов

Сестра жены поэта

Если бы ее младшая сестра Наталья не вышла замуж за «солнце русской поэзии», вряд ли кого-нибудь заинтересовала бы судьба обычной уездной барышни, красивой, но не слишком родовитой и богатой, едва не оставшейся старой девой. Никого не заинтересовала бы и баронесса фон Фризенгоф, которой она стала после довольно позднего замужества.

Но она была свояченицей самого Пушкина. И поэтому получила свою долю внимания пушкинистов и свой персональный «ушат грязи», на который не поспешили современники. Правда, высший свет был к ней достаточно снисходителен: Александра Николаевна была пожалована в фрейлины императрицы.

Но и только.

А жизнь стремительно утекала сквозь пальцы; пусть старшая и младшая се-

стры были не слишком счастливы в браке, но они были замужем, имели детей. А к Александрин прочно пристало клеймо «сожительницы Пушкина», хотя одному Богу ведомо — почему.

И второй, диаметрально противоположный ярлык: ангела-хранителя домашнего очага Пушкиных, настоящей хозяйки дома, воспитательницы детей. Хотя и дом был чужой, и дети сестры интересовали ее весьма умеренно. Если вообще интересовали. Просто незамужняя девушка в те времена должна была жить с кем-то из родственников.

Попробуем проследить подлинную судьбу одной из сестер Гончаровых, с которой так несправедливо обошлась людская память.

Средняя из дочерей Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых, Александра, будущая баронесса Александрин, родилась в июне 1811-го, за год до нашествия Наполеона. Как и все дети Гончаровы (их было шестеро — три брата и три сестры), она получила хорошее, но заурядное домашнее образование. Детство и юность провела в родовом поместье Полотняный Завод.

Была красавицей, точнее, была бы признана таковой, если бы все лавры не достались младшей сестре. Темноволосая, темноглазая, с классически-правильными чертами лица, с тончайшей талией. Прекрасная музыкантша и великолепная наездница. Большая любительница чтения — в отличие, кстати, от обеих сестер. И — невероятно несчастная из-за того, что всю молодость провела сначала под гнетом деспотичной маменьки, а затем — в тени младшей сестры.

Детство и юность были также омрачены припадками безумия отца. Он получил тяжелую травму головы, упав с лошади, и навсегда впал в помешательство — обычно тихое, но порой по-настоящему опасное для окружающих. Он мог броситься на жену с ножом во время обеда, начало которого ничего такого не предвещало.

Но были и редкие минуты просветления. Тогда Николай Афанасьевич, человек тонкий, умный, получивший образование за границей, играл на маленькой скрипке. Дети навсегда запомнили эти нечастые домашние концерты.

Мать семейства, бывшая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, блестящая красавица и умница Наталья Ивановна Загряжская, пожалуй, больше других страдала из-за трагедии с мужем, круто изменившей жизнь семьи.

Гордая и своенравная, она взяла все управление большим имением, фабрикой и конным заводом на себя.

Бесконтрольное самовластье сильно испортило ее характер. Детям она почти не уделяла внимания, будущее дочерей ее мало заботило, точнее, совсем не волновало. Она с огромной неохотой согласилась на замужество младшей, Таши, как ее звали в семье.

А вот с Александрinou вышло иначе. Серьезные ухаживания калужского соседа-помещика Александра Юрьевича Поливанова, человека серьезного и интересного, отставного подполковника, уездного предводителя дворянства, закончились ничем: матушка невзлюбила кандидата в зятя, помешала и ухаживанию, и сватовству, вбив себе в голову, что Поливанову нужно слишком большое приданое.

Не помогло и заступничество Пушкина, только сильно испортило его и без того нелегкие отношения с тещей. Это происходило в 1831 году, Александрине было 20 лет.

У нее начались приступы черной меланхолии, выразившиеся в сильных мигренях, приступах плохого настроения и тихой подавленности. Когда приступ проходил, она становилась почти прежней: очень остроумной, веселой, метко язвила в отношении калужских знакомых, веселилась на уездных балах, посвящала долгие часы конным и пешим прогулкам, собирала гербарии, рисовала...

И страдала от бессонницы и страха навеки остаться старой девою в провинциальной глуши.

Наверное, именно несостоявшееся замужество Александрины послужило основным мотивом для решения Натальи Николаевны взять обеих сестер к себе в Петербург, где, по ее мнению, им легче было найти подходящую партию вдали от деспотичной матери. Старшая, Екатерина, была куда спокойнее, но и ей никто не спешил делать предложение руки и сердца: ни особой красоты, ни большого приданого, зато странная, мягко говоря, родня.

Пушкин был не в восторге от решения жены, но возражал довольно вяло. Он сам достаточно натерпелся от непредсказуемого характера тещи и понимал, что с такой матерью у девушек практически нет шансов достойно устроить свою жизнь.

Сестры Гончаровы приехали в Петербург в конце 1834 года, полные самых радужных надежд. И первоначально все, казалось, складывалось в высшей степени благоприятно.

Александра или, как ее называли в семье, Александрина, была внешне очень похожа на Наталью, только той небольшое косоглазие придавало неповторимый шарм, а у нее оно совсем не украшало лицо.

«Люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в явный ущерб Александре Николаевне», — отмечали современники.

«Они красивы, его невестки, — писала сестра поэта Ольга Павлицева о сестрах Гончаровых, — но они ничто в сравнении с Натали».

Всякое сравнение условно. Сами по себе сестры не страдали от недостатка внимания со стороны окружающих.

«Ну, Нина, посмотрела бы ты на нас, так глазам не поверила, — писала Екатерина Николаевна гувернантке. — Мы теперь часто бываем в большом свете, так кружимся в вихре развлечений, что голова кругом идет,

шое впечатление и прекрасна как день».

Наталья Николаевна умолчала о том, что сестер нужно было сопровождать при каждом выходе в свет. В основном все заботы ложились на плечи младшей сестры, которая из-за этих выездов обрела незаслуженную репутацию большой любительницы светских развлечений.

Кроме того, были и материальные трудности. Сестры получали от брата по три тысячи рублей ежегодно: более чем достаточно для провин-

Е *е можно было назвать красавицей, если бы все лавры не достались младшей сестре. Прекрасная музыкантша, великолепная наездница и большая любительница чтения — в отличие, кстати, от своих обеих сестер. И при этом — невероятно несчастная из-за того, что всю молодость провела под гнетом деспотичной маменьки, а затем — в тени младшей сестры*

ни одного вечера дома не сидим. Однако мы еще очень благоразумны, никогда не позволяем себе больше трех балов в неделю, а обычно — два. ...я несравненно больше люблю наше интимное общество у Вяземских и Карамзиных, так как если мы не на балу или в театре, мы отправляемся в один из этих домов и никогда не возвращаемся раньше часу...»

Из письма Натальи Николаевны подруге:

«Мадам Александра всю масленицу танцевала. Она произвела боль-

ции, но явно мало для столичной жизни.

Поначалу предполагалось, что обе сестры станут фрейлинами. Пушкин летом 1834 года писал жене на Завод:

«...Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. <...> Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора, в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку

Екатерина Николаевна

(Е.И. Загряжскую) нельзя вам всем навалиться».

Тем не менее, Екатерина вскоре после переезда именно стараниями тетки получила фрейлинский шифр, но, вопреки обычаю, не переехала во дворец, а продолжала жить у младшей сестры. Так что на материальной стороне жизни высокое назначение старшей сестры никак не сказалось, скорее, наоборот, усугубило уже имевшиеся трудности: статусу надо было соответствовать.

Вот строки из очередного письма Александры Николаевны к брату:

«Несмотря на всю нашу экономию в расходах, дорогой братец, деньги у нас кончаются. У нас, правда, есть немного денег у Таши, и я надеюсь, нам этого хватит до января, мы постараемся дотянуть до этого времени, но, пожалуйста, дорогой братец, не заставляй нас ждать денег долее

Александра Николаевна

первого числа. Ты не поверишь, как нам тяжело обращаться к тебе с этой просьбой, зная твои стесненные обстоятельства в делах, но доброта, которую ты всегда к нам проявлял, придает нам смелости тебе надоедать. Мы даже пришлем тебе отчет в наших расходах, чтобы ты сам увидел, что ничего лишнего мы себе не позволяем...»

В Петербурге Александра Николаевна познакомилась с братом А.О. Смирновой Аркадием Россетом и увлеклась им. В октябре 1836 года, в начале нового петербургского сезона, С. Карамзина писала: «...возобновились наши вечера, на которых с первого дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром, Александрина — с Аркадием».

Но и этому браку не суждено было состояться: Россет был беден,

Наталья Николаевна

а трагические события в семье Пушкиных навсегда отбили у него охоту связывать свою жизнь с Александрин. Да и ходившие по Петербургу слухи о слишком близких отношениях между ней и Пушкиным не могли не оказать своего действия. Хотя молва, приписывавшая Наталье Николаевне несколько скандальных романов, и в случае с ее сестрой ничем конкретным не подтверждалась.

Да, Александрина тепло относилась к своему прославленному зятю, причем это отношение началось задолго до переезда в Петербург. Еще до брака младшей сестры, она, как и все барышни того времени, вела литературные альбомы, выписывала в них понравившиеся стихотворения, цитаты из любимых книг. Альбомы эти сохранились. Больше всего в них стихотворений А.С. Пушкина, которые уездная барышня зна-

ла наизусть и безмерно ими восхищалась.

Современники считали, что Александрин «была влюблена в него (Пушкина) заочно». Нужно хорошо понимать эзопов язык девятнадцатого века, с его тонкими понятиями кокетства, «влюбленной дружбы», галантности и определенного кодекса поведения, чтобы не делать далеко идущих выводов. Но большинство пушкинистов впоследствии это сделали: «влюбленная дружба» превратилась в скандальный адюльтер.

Доказательства? Крестик (или просто цепочка) Александрин, найденная в постели родственника. Есть сотни причин, по которым они могли там оказаться, но очень уж заманчиво было превратить просто близкие и хорошие отношения в любовную связь. Что и произошло, изрядно испортив репутацию девушки не только в настоящем, но и в будущем времени.

Параллельно возникла легенда о том, что свояченица, якобы, взяла на себя все заботы по ведению хозяйства, а также воспитанию детей. В этой версии вообще нет ничего правдоподобного: Александрин была слишком занята светской жизнью, личными проблемами и периодическими приступами тяжелой меланхолии.

Александра писала брату Дмитрию в 1835 году:

«Одна моя Ласточка (лошадь) умна, за то и прошу ее беречь!.. Никакой свадьбы. Пусть она следует примеру своей хозяйки. А что? Пора, пора!

А пора прошла, того и гляди — поседеешь... Знаешь ли ты — я не удивлюсь, если однажды потеряю рассудок. Не можешь себе представить, как я чувствую себя изменившейся, скисшей, невыносимого характера. Право, я извожу людей, которые меня окружают. Бывают дни, когда я не могу произнести ни одного слова, и тогда я счастлива...»

Подобная тоска присуща, наверное, каждой женщине, ценящей уют и теплоту домашнего очага, заботы близких, их внимание. Но время шло, а своего дома все не было. Зато была усиливавшаяся напряженность в доме Пушкиных в связи с появлением Дантеса и его скоропалительным браком с Екатериной Гончаровой, влюбленной в него до безумия.

Александрина, кстати, ни на минуту не подпала под обаяние блестящего кавалера, пыталась вразумить старшую сестру и как-то поддерживать младшую, тяжело переносившую разгоравшийся вокруг ее имени скандал. Возможно, именно эти темы были основными в долгих — за полночь — беседах с Пушкиным. Увы, оказавшимися бесполезными.

Известно и письмо Александры Николаевны к брату Дмитрию, написанное буквально накануне дуэли, где она характеризует свои отношения с «дядей и племянником» (так она называла Геккерна и Дантеса) как очень холодные.

После роковой дуэли и отъезда Екатерины с мужем за границу отношения между сестрами прервались

окончательно. Александрина осталась с младшей сестрой и даже уехала вместе с ней в Полотняный Завод, фактически поставив этим поступком крест на своей личной жизни. Почти тридцать лет — возраст по тем временам более чем зрелый — и уединенная жизнь в провинции... какие уж тут надежды на замужество?

Александрина любила гулять — пешком и верхом, часами музицировала, а остальное время проводила с сестрой и ее детьми. Именно в это время она действительно стала для Натальи Николаевны опорой и поддержкой, а не девицей на выданье, которую нужно беспрестанно вывозить в свет. И вместе с ней соблюдала траур об ушедшем, причем не показной, а совершенно искренний.

Любила ли Александрина Пушкина, как пытаются уверить многие пушкинисты, ссылаясь на свидетельства современников? Вряд ли. Уважала, ценила, как талантливое поэта, интересного собеседника, но образ жизни знаменитого зятя не мог вызвать понимания и сочувствия.

Осенью 1838 года сестры с детьми вернулись в Петербург. И по протекции все той же своей тетки Е.И. Загряжской Александрина в январе 1839 года была пожалована в фрейлины императрицы, но большую часть времени проводила дома. Во всяком случае, первое время, очень для нее непростое: младшая сестра вновь собиралась замуж, чего Александрина не могла ни понять, ни принять.

Александр Сергеевич и Наталья Николаевна Пушкины

Тем не менее, брак Натальи Николаевны с генералом П.П. Ланским состоялся. Общественное мнение молчаливо осудило его: предать память великого поэта, трагически погибшего на дуэли, и променять его на «обыкновенного генерала». Но этот брак оказался куда счастливее первого: Петр Ланской жену боготворил, к ее детям относился великолепно, а появление собственных детей окончательно скрепило этот союз.

Все бы хорошо, но... Но явное недовольство сестры изрядно отравляло жизнь Натальи Николаевны Ланской и мучило ее куда больше, чем полное отсутствие отношений со старшей сестрой, Екатериной, баронессой фон Геккерн.

Александра Николаевна тяжело переживала свое одиночество и окончательное крушение надежд на брак.

Из воспоминаний Араповой, дочери Натальи Николаевны во втором браке:

«Привыкшая никогда не разлучаться с матерью, она мучила ее своей ревностью, за которой, может быть, таилось чувство зависти. Живя в доме зятя, она чуждалась его общества, обращалась с ним сухо и свысока и днями сидела у себя в комнате, требуя, чтоб мать не оставляла ее в одиночестве. Доходило до того, что мать никогда не решалась ни прогуляться, ни прокатиться вдвоем с мужем, чтобы не навлечь на себя сестрин гнев... Тетушка со своей стороны искренне любила мать, но как-то по-своему: эгоизм преобладал в ней».

Александра Николаевна прожила в доме сестры восемь лет, вплоть до своего замужества в 1852 году. Но ничто не изменилось в ее харак-

тере, неустроенность своей собственной судьбы еще больше ожесточила ее.

«Я в таком мрачном настроении, — пишет Александра Николаевна брату 10 апреля 1846 года, — в таком глубоком сплине, что я покидаю тебя, дорогой Дмитрий, чтобы не очень докучать тебе... Что касается меня, то я живу и прозябаю как всегда. Годы идут, и старость с ними, это печально, но верно. Ничто не вечно под луною, и все иллюзии исчезают».

достойного человека. Но, увы! Она считала поступок сестры предательством памяти великого человека. По-видимому, ей надлежало скорбеть и молиться оставшиеся годы.

Из-за постоянных — скрытых и открытых — стычек Александры Николаевны с генералом Ланским мир в семье сохранить было не просто. Но Наталье Николаевне это удавалось. Она считала, что в случае замужества сестры все неровности ее характера сгладятся, а если брак вознаградится детьми — тем более.

Ходили слухи, что Александрин, якобы, взяла все заботы по ведению хозяйства и воспитанию детей на себя. Но в этих слухах нет ничего правдоподобного: она была слишком занята светской жизнью, личными проблемами и периодическими приступами тяжелой меланхолии

Характер «тетушки Ази» накладывал мрачную печать на весь дом, причем приступы меланхолии учащались. Но Наталья Николаевна прощала ей все из-за той преданности и любви, с которой Александрина ухаживала за ней и ее детьми в самые тяжелые годы.

Как эта преданность совмещалась с откровенной неприязнью к новому мужу младшей сестры — непонятно. Казалось бы, Александра Николаевна могла только радоваться тому, что ее Таша, вдова с четырьмя детьми, вышла вторично замуж за весьма

Хотя с годами надежда на брак Александрин становилась все более эфемерной. Красавица и умница почему-то никак не могла добиться простого личного счастья. И все чаще сама разбивала зарождавшиеся отношения с «подходящими женихами»: ни один из них не был Пушкиным, то есть блистательным и признанным властителем дум.

Планка стояла слишком высоко, хотя вряд ли Александрина отдавала себе в этом отчет. Но быть невесткой великого поэта и стать — невесткой «простого генерала»...

*Александра
Николаевна
Гончарова*

Разочарование в изменении собственного положения в свете оптимизма не добавляло.

Но судьба — большая мастерица на неожиданности.

Александрина была очень дружна с супругой австрийского дипломата барона Густава фон Фризенгофа Натальей Ивановной Ивановой, которая до замужества была воспитанницей их тетки, Софьи Ивановны де Местр. По некоторым предположениям, Наталья Ивановна была незаконнорожденной дочерью Александра Ивановича Загряжского. Если

это действительно так, то она и Гончаровы были двоюродными сестрами. Когда Наталья Ивановна тяжело заболела, кузина Александрина терпеливо и преданно ухаживала за ней до самой ее смерти в 1850 году.

Внимательность и заботливость Александрины, несомненный ум и все еще сохранившаяся красота произвели впечатление на оставшегося вдовцом Фризенгофа. И не просто впечатление — пожилой дипломат страстно влюбился в подругу своей покойной жены.

Через год он сделал предложение сорокалетней Александрине. И она его приняла. Опубликованные записки барона фон Фризенгоф к Александре Николаевне, в бытность его женихом, показывают, что чувство было серьезным и глубоким, хотя и он, и Александра Николаевна были уже не молоды, особенно по понятиям того времени...

Вот одна из таких записок:

«Правда ли, дорогая подруга моего сердца, что ты меня любишь, как и раньше? Я был бы счастливейшим из мужчин, если бы был совершенно в этом уверен».

Подписи на записках тоже очень трогательны:

«Мадемуазель Александрине Гончаровой, самой лучшей из невест»,
«Любимейшей из невест».

Как тут не вспомнить бессмертные строки Тютчева:

«О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...»

В 1852 году Александра Николаевна стала баронессой фон Фризенгоф и уехала с мужем за границу, в Австро-Венгрию. Больше в России она никогда не была, хотя поддерживала связь частыми письмами младшей сестре. Времена меланхолии и нервных припадков остались позади: семейная жизнь баронессы Александрины была абсолютно счастливой.

Она поселилась в замке мужа в Бродзянах, много времени и сил отдавала воспитанию пасынка — Грегора, который на всю жизнь сохранил к ней уважение и теплые чувства.

А в 1854 году у нее родилась дочь Наталья, названная в честь любимой младшей сестры и крещеная в Вене по православному обряду. Само по себе по тем временам это было чудом: первый ребенок, благополучно появившийся на свет у матери далеко не первой молодости.

Счастлив был и барон, души не чаявший в дочери, необыкновенно похожей на мать.

Богатая, знатная, титулованная, обожаемая мужем и обожавшая его и свою дочь... В одном из писем к Наталье Николаевне Александрина заметила: «Ради такого счастья стоило и подождать...»

Со старшей сестрой, баронессой Д'Антес, и в дальнейшем с ее семьей фон Фризенгофы отношений не поддерживали. А вот с младшей, генеральшей Ланской, баронесса Александрина переписывалась до самой смерти той в 1863 году, сохранила дружескую привязанность ко всем ее детям, особенно — к детям Пушкина.

В усадьбе Бродзяны, где летом жила Александра Николаевна, а позже в замке мужа ее дочери, герцога Ольденбургского — Эрлаа — конечно, сохранился обширнейший архив с письмами и документами, но, как и архивы многих знатных семейств Европы, он закрыт для публичного доступа. Письма и дневники считаются семейным достоянием.

Возможно, это и к лучшему: и так жизнь Натальи Николаевны и ее сестер в России оказалась чуть ли не всеобщим достоянием, причем каж-

дый толковал имеющиеся письма и документы так, как ему было удобно.

Годы семейного счастья для Александры Николаевны были долгими, прочными и счастливыми — она прожила с мужем 37 лет. Ей повезло в жизни, как это ни парадоксально, больше, чем другим сестрам Гончаровым. Намного больше, если не воспринимать брак Пушкина с прекрасной Натали, как подарок судьбы, ибо это, скорее, было тяжким испытанием.

Но они никогда не прочли строк гениального поэта, не сумели почувствовать всего их очарования, не могли понять очевидного преклонения баронессы перед покойным зятем, единственного, что сохранилось в неприкосновенности со времен ее юности.

В ее обширной библиотеке было много книг на русском языке. В том числе и сочинения А.С. Пушкина. Вспоминала ли она свою затянувшуюся петербургскую молодость, беря

Несомненный ум и все еще сохранившаяся красота произвели впечатление на австрийского дипломата барона Густава фон Фризенгофа, и, будучи вдовцом, он сделал предложение сорокалетней Александриной, и она охотно его приняла. Став баронессой фон Фризенгоф, Александрина, наконец, обрела семейное счастье, о котором уже даже не мечтала

Дочь Александрины, Наталья Густавовна, вышла, как мать, по любви за герцога Ольденбургского, хотя титула не получила: брак был морганатическим. Но баронесса Александрина с годами все меньше обращала внимания на нюансы сложной жизни высшей аристократии: успела убедиться, насколько все это эфемерно.

Жалела только о том, что не удалось выучить дочь русскому языку, о том, что многое, ей дорогое и близкое, оставалось непостижимым и для Натали, и для двух ее детей, которых бабушка безумно баловала.

их в руки?.. Конечно, да... Сожалела ли о чем-то? Вряд ли. Петербург Пушкина, пушкинская эпоха все более отдалялись, становились чем-то зыбким, почти нереальным, особенно из-за границы.

Баронесса часто принимала участие в званых обедах и приемах, музыкальных вечерах, устраиваемых герцогской четой. Любила представления домашнего театра. В пьесах часто сама играла небольшие роли.

Она успокоилась с годами, и это спокойствие было заслуженным и совсем не показным.

*Александра
Николаевна,
баронесса
фон Фризенгоф*

Справа:
*Барон
Густав
Фогель фон
Фризенгоф,
муж
Александры*

Воспоминаний Александра Николаевна не оставила. Перед смертью уничтожила большую часть личных бумаг, а позднее дочь по ее просьбе сожгла оставшееся. Единственный рассказ о петербургских событиях, исходящий от Александры Николаевны, известен по письму Густава фон Фризенгофа, написанному, вероятно, по ее поручению, в 1887 году (в то время она была уже парализована).

Письмо адресовано ее племяннице А. Араповой, собиравшей материал для своей книги о матери, и содержит рассказ о событиях, пред-

шествовавших последней дуэли и смерти Пушкина.

Но племянница предпочла опираться на куда более «романтичные» воспоминания других очевидцев. Те же, в основном, лишь передавали слова печально известной Идалии Полетики, которой якобы делала признания сама Александра Николаевна. Но она никогда не была особенно дружна с Полетикой, поэтому не могла делать ей подобные «признания».

Сообщение же Араповой о том, что Пушкин «не допустил» Александру Николаевну попроситься с ним

перед смертью, опровергается воспоминаниями Данзаса:

«Пушкин пожелал видеть жену, детей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы с ними проститься».

Почему-то в это верится больше. И уж совершенно не верится в высказанное той же Араповой предположение, что перед злосчастной дуэлью и Пушкин, и Дантес были влюблены в Александрину. Никаких доказательств этой влюбленности нет, кроме теплого отношения Пушкина к свояченице и несколько преувеличенной светской любезностью Дантеса, который вообще имел привычку почти автоматически волочиться за каждой хорошенькой женщиной.

А теперь пофантазируем немного и представим себе, что за Пушкина вышла замуж не Натали, а Александра. Почему бы и нет? Тоже красавица, хотя и не такая, как младшая сестра, умная, тонкая, рассудительная. Идеальная жена для Александра Сергеевича? Нет?

Увы, нет. Внутренние достоинства чаще всего скрыты, к тому же в девятнадцатом веке ум у женщины считался скорее недостатком. Сам Пушкин полушутливо-полусерьезно в стихах отрекся от интеллектуалок:

*«Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль у разъезда на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце».*

Парадокс заключался в том, что ему нравилось беседовать именно

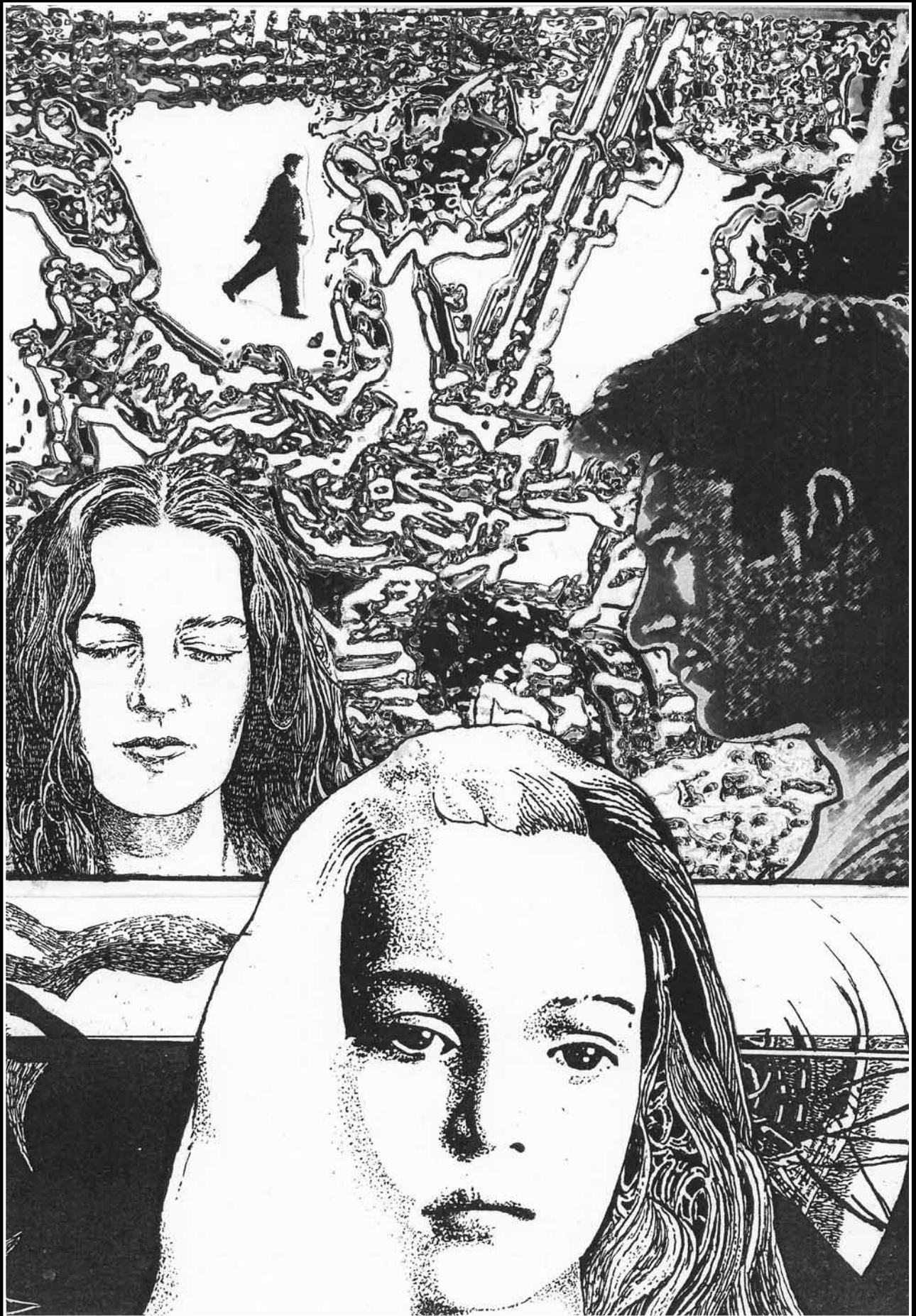
с умными женщинами (одна дружба с княгиней Голицыной чего стоит!), но в жены себе он выбрал, прежде всего, красавицу. Чтобы все завидовали? Возможно. Странно, что не подумал: будут не только завидовать, но и стараться отбить эту драгоценность. А при его бешеной ревности...

Случилось то, что случилось.

А Александрина обрела такое семейное счастье, о котором, если честно, даже и не мечтала.

Баронесса Александра Николаевна Фогель фон Фризенгоф, урожденная Гончарова, скончалась «80-ти лет от роду в последнем десятилетии прошлого века», как было написано в одной из газет, в рубрике светской хроники.

Долгая по тем временам жизнь и очень разнообразная. Но кому она была бы интересна, если бы не родство с Пушкиным?.. □

Рейнике Королева

Вопросы дочери, как гвозди. Ответы матери, как шляпки. Студентка МГУ Римма забивала их в блоги. Пост за постом стояла «на посту» перепостов настоящего времени, и эта работа делала неуязвимой ее империю... до тех пор, пока не появился Славка.

Краем обложной тучи заслонил Славка Ситников пространство Риммы.

На вопрос, ждать ли его на выходных, ответил:

— Постараюсь. Но... не обещаю...

Это значило бросить привычные дела, заняться уборкой, готовкой, наполнением холодильника, перетряхиванием шкафов в поисках приличной одежды — на случай: а вдруг и впрямь постарается.

Когда Славка все-таки не появился, и даже отключил телефон, чтобы не отвечать — «почему?», она угрюмо пришла в комнату матери и, тупо уставившись в окно, проворчала:

— Не обещаю. Не обещаю... День потерян...

— Слова-убийцы произносят люди-палачи, — изрекла Зинаида, не отрывая глаз от клавиатуры, на которой автоматически набирала новый ряд чисел. — Никогда не знаешь, кем он окажется, твой индивидуальный, твой голубоглазый, твой восхитительно-прекрасный палач сегодняшнего дня. Однако шею всегда можно убрать из-под удара, если призвать на помощь мудрость, смекалку и опыт.

— А любовь?

— Это наш главный палач, детка. Но и она против профессионализма зачастую оказывается бессильной. «Dies diem docet» (лат.) — «Один день другой учит». Или по-русски: «Утро вечера мудренее».

Римма на выпады матери реагировала одинаково — просто вбивала их в Instagram. Появлялись короткие афоризмы, которые потом копировали подписчики ленты:

— Жизнь — это бочка. Изменник наполняет ее изменами. Банкир деньгами. Разбойник трупами. Алкоголик водкой. Когда бочка наполнена, наступает смерть...

Римма родилась столь умной, что сверстники, восхищенные быстротой и уникальностью мышления, не замечали ее красоты.

Блестящий дар очаровывать аудиторию описывался одним словом — восторг наблюдавших. Виртуозно реагирующий на перемены разум Риммы придавал завораживающе яркий блеск глазам, что отличало ее от окружающих.

Легко справляясь с университетскими науками, Римма Крылова своими затейливыми вопросами запросто вводила в затруднение профессоров истфака. Шутила с охранниками и обслуживающим персоналом, с солидными чиновниками из деканата и самим ректором. Не забывала подкармливать вечно беременную комендантскую кошку Грейс.

Слышит, к примеру, в свой адрес:

— Вы с Румянцевой, случайно, не родственницы?

И мгновенно парирует:

— Нет. Только однофамильцы.

А в соревнованиях КВН ей вообще нет равных. После занятий скидывала рабочий пиджачишко и неслась то на ипподром, то в художественную галерею, то в кино, то на выставку какого-нибудь авангарда...

Ее мать, Ратникова Зинаида Алексеевна, всегда знала, что родит гения. По вечерам нежно читала толкающемуся в животе плоду классическую литературу. И стихи. Заводила музыку. Из многообразия продуктов знакомила с чем-нибудь новеньким, угощала свежесжатыми соками.

Так повелось еще с декретного отпуска, что Зинаида работала дома, развернув оба компа. Раньше нужно было обеспечивать ипотеку, теперь — взрослеющую дочь.

Ее внимание высокопрофессионального бухгалтера занимали цифры. Уверенно рассекала она юридические лабиринты, как косатка — океанические воды. В выходные навещалась в Салтыковку, в скромненький дом, доставшийся от родителей, где ждали птички, пчелки, яблоньки. И воспоминания о коротком замужестве.

Замуж второй раз она не вышла — слишком обожглась в отношениях с Олегом Крыловым, подарившим ей дочь, а дочери — свою фамилию. Крылов работал на Красной Розе в садовом питомнике под названием «Флос». Помог однажды осенью довести саженцы до участка, да так и остался при-

маком. Хотя толковых ухажеров и так хватало, но Олег буквально ворвался в ее жизнь. После свадьбы все было нормально. Нормально. Нормально.

Всю зиму нормально. Пока по весне не набухли почки тех самых яблонь. Потребовался особый уход. Обрезка. Поливка. Удобрения. А еще огород. С водой проблемы. То, се. Учил он ее всему, что знал о яблонях и саженцах. О смородине и крыжовнике. О клубнике, жимолости и черемше. Сначала терпеливо. Ожидая послушного погружения в грядки. Потом все чаще срываясь.

Садовый участок, между тем, стал вовлекаться в коммерческий оборот. Крылов быстро сообразил, где и как можно обменять редкие кусты домашних многолетних гортензий и пионов. Сколько срезать веток груш и кому в поселке их привить. Участок пустел. Но зато стал казаться просторней. Не особенно это все нравилось, но Зинаида поняла, что беременна, и по тяжести в животе, и по особой легкости во всем теле. Зачем углубляться в межличностные конфликты несоответствий. Ей казалось, что она не идет, а летит над утренней росой. Босиком. Из «совы» организм перестроился в «жаворонка», полюбил встречать восходы солнца и ложиться с закатом. Из холерика Зина переродилась в меланхолика, точно бабочка стала обратно гусеницей, и, подобно русалке, распускала волосы. Это голова бунтовала против металлических заколок. Мозг требовал извилин для будущей жизни, зарождающейся в сложной конструкции организма. Зина с загадочной улыбкой наблюдала, как ворчит муж, настаивая, чтобы она белила деревья. Зачем? Ведь гораздо важнее — империя, вызревавшая целым миром в ее животе!

Руки его, тянущиеся к груди, ставшей за последнюю неделю полной и сочной, останавливала плавными жестами:

— Послушай, как соловьи поют...

— И что?

— ...они... о счастье вечном!..

А в уме выстраивала фразу, которой хотела удивить любимого мужа, как еще никто не делал. Искала и не находила новых слов. Поэтому завороченно вглядывалась в глубинную суть своего секрета.

Но однажды услышала, как у Олега с губ в сердцах слетело:

— Вот дура ленивая, ходит по саду, как чучело! — И он уже громче добавил: — Зин! Надо соседям помочь. Я быстро. Татьяна просила яблони подрезать.

— Что на обед приготовить? — машинально спросила Зинаида. — Котлеточек пожарить?

— Пожарь! — отрезал он, взял секатор, дрожащими нетерпеливыми руками несколько раз безуспешно попытался затворить калитку и, наконец, закрыв ее, быстро ушел, не оглянувшись на долгий взгляд жены.

Из того рокового дня помнила она еще, как подошла к зеркалу, взглянула на отражение и показалась себе прекрасною королевой. Заметно поднявшийся бюст, ставшие нежными чувственные пальцы, припухшие губы, идеальный овал лица, затуманившиеся влажные глаза...

— Чучело? Может, он не обо мне?

Но почему так дрожали руки, открывая калитку, как в тот день, в тот первый день их близости?..

Зинаида принесла из колодца воды. Тяжело. Ну да ладно. Потом постаралась отвлечься, накрутила мяса на жесткой мясорубке, приготовила котлет. И все посматривала на соседский дом, где Олег невыносимо долго подрезал яблони...

Она же хотела обрадовать его, что с понедельника будет зарабатывать больше, согласившись на дополнительные полставки должности бухгалтера. Теперь они могут взять кредит, внести первый взнос в ипотеку и переехать в трехкомнатную квартиру в Новогиреево.

Котлеты остыли. Сердце заныло в груди. Так заныло, что правой ладонью пришлось успокоить его, это сердце.

На ужин Олег тоже не пришел.

Стемнело. Упала роса. Соловьи, очумело перекрикивая один другого, завели свои трели.

И только сердце продолжало болеть, и слезы накатывали. Виски набухли, молоком ударяя в голову.

Ясно теперь, какие яблони «подрезал» ее муж и с кем. Миловидная вдовушка Татьяна с зимы на Олега засматривается! А руки... его дрожащие руки!.. Они дрожали от нетерпения залезть в гостеприимно распахнутое для всего поселка декольте.

В час ночи Зинаида подумала, а что скажет ему? Что ответит он? Попросит прощения?

Стало невыносимо стыдно за него. Стало стыдно перед неродившимся человечком за пока не случившийся, но неизбежный скандал, не пролившуюся слезами истерику. А нужен ли ребенку теперь нервный срыв? А выдержит ли такое потрясение младенец? И невысказанный упрек умер в горле. Решение простой задачи с тремя известными и одним неизвестным пришло естественно, в пользу неизвестного.

Зинаида собрала вещи Олега. Их оказалось мало, все вошло в широкую спортивную сумку. Выставила ее на крыльцо. Сверху — сковороду с нетронутыми котлетами и нехитрые его инструменты. Закрыла дверь, а утром уехала в Москву, временно перекаптоваться у сестры.

Собственно, вот и вся ее жизнь, если не считать быстрого неловкого для обоих развода. И женитьбы Олега на соседке Татьяне...

— Мама, а как понять, ты уже любишь, или это еще не любовь? — спросила Римма.

— Когда тебе станет мучительно стыдно за любимого, и ты сумеешь простить. Значит, любишь...

— Ничего себе проверочка... Типа как по-Экзюпери: «Не испытывайте любимых. Они не пройдут испытания»? Поэтому ты одна?

— Да.

— Мой отец не прошел испытания?

— Я не прошла...

— Ты?!

— Не все могут преодолеть унижение стыда за человека, которому доверил душу. Я не смогла...

— И не сможешь?

— И не смогу, — ответила мать. — Значит, не любила.

Она приучала дочь к строжайшей дисциплине с пеленок, без права нарушения режима. Три часа — бодрствование. Полчаса — прием пищи. Сон...

В восемь месяцев Римма уже знала, что такое горшок, а в девять — пошла. В год — сама стирала тряпочки в маленьком тазике. В два — полола с матерью клубнику. С трех лет посещала кружки иностранных языков и танцев. В четыре — уверенно села на лошадь.

Тонкая организация жесткого режима посекундно приучала Римму заполнять день новыми знаниями и навыками с максимальной пользой.

«Cras melius fore (лат.) — «Известно, что завтра будет лучше».

В шесть лет мать устроила ее в самую престижную школу Москвы. Загрузила репетиторами и дополнительными занятиями. Вручила мобильный телефон.

В десять Римма свободно изъяснялась по-английски, по-французски, по-немецки, по-испански. Самостоятельно изучала латынь.

В одиннадцать у девочки появился первый коммуникатор. Первый стационар. И планшет.

В тринадцать, когда Римма из девочки стала превращаться в девушку, произошел и первый сознательный бунт, какие бывают в переходном возрасте. Мать застала Римму в соцсети за компьютерной игрой. Причем счет на верхней строке участников и самих геймов фиксировался уже не малый.

— Соцсети — игры, которые играют в людей, — грубовато свернула Зинаида программу, обнулив замаячившие рекорды.

— Ма, ну что ты сделала?! Всего три жизни осталось...

— Запомни раз и навсегда. Геймы манипулируют сознанием незаметно для пользователей, которыми пользуются. Ты готова до смерти затягиваться в «ящик»?

— Но ты ведь затягиваешься?! — воскликнула негодующая дочь.

— Я работаю с компьютером, — впервые акцентировала внимание Зинаида на серьезных вещах, понизив голос до грудного контральто, — не более четырех часов в сутки, если ты заметила. Это жестко... но это работа. Она оплачивает свет, воду, квартиру, дом в Салтыковке, занятия, одежду, питание, поездки к морю. Найдешь подобную мотивацию — никто не будет против! Компьютер — вещь системная, что заложишь, то и получишь. А сама система основана на работе всего двух цифр — нуля и единицы. Теперь взгляни на всю систему с другого ракурса: допустим, при помощи нулей, как инструментов, единица мега-мозг управляет миллионами подростков, убивающих время за компьютерными играми, миллионами одноклассников, общающихся по интересам в соцсетях, миллионами землян, упивающихся мирами цифровых фотографий инстаграм... Понимаешь цель?

— Власть. Деньги. Слава...

— Совершенно верно. Так вот. Я не запрещаю ни игры, ни Интернет, ни соцсети, — добавила мать чуть тише, но от этого еще строже. — Только будь добра, соблюдай режим. Не более двух часов в день распределяй в Интернете время так, чтобы это не мешало, а помогало твоему развитию.

И Римма задумалась. Нулем как-то не хотелось становиться. Но как же стать единицей?

Первую формулу по управлению системой она нарисовала в метро, обозначила некую точку, как центр круга, от которого исходили стрелки к оброчам и обратно. Линии укрепляли арматуру дочерних колец.

И вот одновременно на все доступные бесплатные интернет-сети накинудись ее личные дополнительные сеточки. Поначалу рабочие аккаунты пригласили для взаимодействия знакомых, играющих в компьютерную игрушку. Но по мере наполнения контентом каждый из них приобретал лицо, форму, и, как следствие — новых подписчиков.

Римма узнала, что домохозяйки любят оставлять комментарии о тонкостях приготовлении блюд. Специально для них она везде завела ники с именами, в которых было заложено что-то съедобное.

Для любителей флоры и фауны: лошадей, кошек, собак, пресмыкающихся, охоты, рыбалки, цветов и так далее.

Появились вполне реальные, с портретами и живыми событиями, люди, увлеченно занимающиеся кто лыжами, кто коньками, кто утренним бегом, кто хоккеем...

Появились любители фотографий закатов и рассветов. Увлеченные литераторы. Физики. Путешественники.

Был особенный зверинец, куда сливались озабоченные дядьки, осыпающие сердечками и прочей чепухой в «личку».

Завелись и домены с принадлежностью к разным странам.

Имена адресов выбирались разные, по смыслу общих доменов с окончанием, принадлежащим к России:

Бе.ру на письме получалось, как be.ru; вед.ру как ved.ru; вет.ру как vet.ru; вече.ру как veze.ru и так далее.

Римма долго не понимала, что создала империю, где нашлось место для групп ученых и политиков, рабочих и крестьян, учителей и философов, любителей прекрасного. В каждой социальной сети она определила точки торговли. Обмена. Коммуникаций и путешествий. Свежих не фейковых новостей.

К примеру, Зинаида не заморачивалась на утиль, а выкладывала вещи на первом этаже у лифта. Но когда Римма завела секторы продаж, ненужные вещи и книги быстро находили покупателя.

В пятнадцать лет у девушки появилась возможность замкнуть сети вместо компьютера на мобильный телефон.

Ей не нравилось слово блогерша, да и по факту она ею не являлась, раз получилось создать некий цифровой кластер без границ на наиболее популярных языках мира. Нет. Она не просто перебрасывала контент с одного адреса на другой. Так она училась говорить. Общаться в свободном обучении с разными жителями планеты. Понимать, что надо им. О чем болят их души. Чем наслаждается человек. Город. Общество...

Она запускала в работу группы. Целые системы, галактики, которые далее вращались сами собою, притягивая людей, одержимых той или иной темой.

Когда любой из адресов набирал более 10 тысяч подписчиков, она позволяла запускать в них рекламу. Один за одним созревали адреса, как зародыши, готовящиеся со временем приносить неплохие деньги.

Лишь поэтому трудно было объять необъятное ее личной системы некоего демиурга тем, кто находился рядом в физическом, не электронном виде.

Но правило — проводить в Интернете не более двух часов в день — ей удавалось соблюдать.

Она ждала свидания со своим проектом иногда всю ночь. Ждала, как ждут кружку вожделенного кофе! Ждала, как свидания ждут заключенные. Она обдумывала в течение дня, находясь на занятиях, какую информацию, полученную сегодня, на какие ленты аккаунтов или группы поместит. Выкладывая «пищу для мозга», образовывала не только себя, расширяя кругозор до планетарного уровня, но и всех, кто причастен к невидимой виртуальной реальности, возвращая читателя и собеседника.

Римма цитировала выражения древних философов и писателей, Цицерона, Платона, Сенеки. И понимала одно — «Docendo discimus» (лат.) — «Обучая, мы учимся сами!»

Любой «контакт» мог воспользоваться общими знаниями, опытом, открытием — или не воспользоваться. Но заинтересовать, ненавязчиво пригласить к диалогу, тем самым поместить под незаметное жесткое управление — вот в чем состояла главная задача Риммы, делящейся в широком спектре интересов в ежедневных многочисленных открытиях на сотни индивидуальностей, составляющих грани ее естества.

В шестнадцать лет, когда электронная империя окрепла и расширилась, пошел отбор.

Римма приобрела два новых мощнейших мобильника для себя и матери. И завела реальные аккаунты, завязанные на прямые номера. Появился первый открытый пользователь без маски — Римма Олеговна Крылова под ником РИМ. Nike. Римников в общей сложности было уже не так много, всего 12, по числу задействованных соцсетей.

А дальше работа пошла творческая. Чтобы привлечь сливки культурного думающего общества на свои ленты, из всего многообразия она копировала лучшие публикации людей, вовлеченных в процесс. В разные по содержанию контенту приглашала «дружить» наиболее выдающихся личностей, красивых и сильных духом, с которыми реально интересно общаться. Случайные приглашения в дружбу отклоняла, но открыла подписку, со скоростью снежного кома набирая читателей.

За себя Римма выступала теперь сама, впервые выкладывая в ленты Римников свои фото, на которые, как побочный эффект любой рекламы, неожиданно посыпались комплименты мужчин. Там она и подцепила Славку. Подцепила как простуду, ветрянку или краснуху. Как неприличную болезнь.

А вот Зинаида Алексеевна встретила нововведение в штыки, и даже слушать не хотела, не собиралась вникать, а тем более принимать участие в том, что сама когда-то и спровоцировала. Мать не испытывала к соцсетям ни малейшего влечения. Считала их врагом собственного личного пространства и времени. Андроид отказывалась даже запускать, ссылаясь — кто бы мог подумать? — на сложность конструкции. Ругала новые мобильные телефоны — что их держит в руках подавляющее число пассажиров метро, как зомби!

«Стареет, что ли?» — думала Римма, а вслух сказала:

— Ма, смотри, это точно такой же «комп», как у тебя на рабочем столе. Там тоже есть Wind и Word, но, плюс к ним, встроен навигатор, сиджик, универсальный переводчик и система подсчета шагов в километрах. Ты легко можешь войти в инстаграм, вацап, вебер, мессенджер, авито, сбербанк, прослушивать музыку, просматривать литературу, фильмы, снимать встроенной камерой с большим разрешением видео, делать фото и прямые трансляции...

— Нет! Нет! И нет! Мне мобильная связь нужна только лишь для того, чтобы время от времени звонить тебе и моему начальнику! Все!

— Круто! Мам! И ты в век коммуникаций и электронных систем... ты — бухгалтер с большой буквы — будешь ходить по банкам и позориться с этой лягушкой?

Доводы рациональности цивилизации на Зинаиду не действовали.

— Старую собаку по-новому лаять не научишь! — отрезала она.

—... как хочешь, — отстала от нее Римма.

Телефон некоторое время валялся без дела. Но она, помня, что завела его по паспорту матери, все-таки задействовала по полной простаивающий ресурс, уже без спроса.

Для мамы, Зинаиды Алексеевны Ратниковой, она завела ники РЕЙ. Nike. Всего четыре. Но каких!!! А вот вместо фотографии на аватар пристроила символ Золотой короны.

В общем-то и не понадобилось раскручивать особенно Рейников, которые фактически и венчали мудростью всю гиперсистему соцсетей Римников в соцсетях мира.

Римма просто стала публиковать все перлы, что выдавала мать при общении с ней утром и вечером, понимая, что мать, как медведка, «самозасыпаясь» землей, уходила все глубже в лабиринты спирали души.

Периодически дочь задавала жизненно важные вопросы:

— Почему у тебя нет подруг?

— Дай им брошку, захотят сумочку, подаришь сумочку, захотят платье. Отдашь платье — захотят твоего мужчину...

И хотя мать не рассказывала, что бывает с теми, у кого оказывается в руках твой мужчина, в лентах Рейников озвученного механизма было достаточно для массовых перепостов.

Зная, что пользователи реагируют еще и на видеоряд, Римма оформляла мудрые мысли матери самыми изысканными рисунками и удачными фотографиями со всего мира!

Не сговариваясь, некую даму, напитывающую Интернет мудростью афоризмов, тут же окрестили «Рейнике Королева». Ее цитировали. Множили.

Это происходило как-то само собой, но девушка иногда с андроида матери заходила к системным друзьям и оставляла комментарии. И тут сенсация накрывала счастливец: О! На меня обратила внимание сама Рейнике Королева!

Так империя, созданная Риммой, обрела тайну. Загадку. Мистический смысл.

Славка Ситников, троечник по жизни и наглец, приостановил триумф электронного успеха простыми комплиментами в личку. Густо набрасывая

сердечек, улыбочек, цветочков, он не исключал возможности копировать свежее фото Риммы и оставлял комментарии.

— Историчка лютует. Прикинь? Заставила всех писать контры от руки! Жесть! — однажды вклинился он в обычный бешеный темп.

— Не нравится МГУ — иди в Метроспецстрой. Зарплаты больше, мозговых извилин тратить меньше! — парировала Римма.

— Ты красивая, — обрадовался, что его заметили, Славка.

Сразу прицепился и уже не давал прохода. Обозначился по периметру очевидных систем. Провожал до дома. Выслеживал, когда девушка появлялась «на радарх его коммуникатора». Начал выяснять — где была, чем занималась, как будто имел на это право. Когда дошло до поцелуев, Римма подумала, что это любовь.

— Открой секрет, — спросил Славка, — почему, когда я пишу что-нибудь умное, у меня два-три лайка, а когда ты помещаешь какую-нибудь глупость, у тебя их триста-пятьсот?

— Глупость? — подняла бровь Римма и улыбнулась: — Например?

— Что может быть глупее выращивания кошачьей травки на подоконнике? — тут же объяснил кавалер. — Вот ты дала об том «инфу», и народ с ума сошел от счастья.

— Дело не в теме, а в процентном содержании интереса подписчиков.

— Почему у меня их мало? — спросил Славка.

— Добавить?

Он хмыкнул. Перевернул кепку назад козырьком:

— Ну, добавь, если это тебе ничего не стоит...

— Пароль какой на адресе?

— 1234567...

— Почему такой простой?

— А что там взламывать?

Инстинктивно беря под крыло «питомца», она заглянула в полный бардак его электронных сетей. И занялась Ситниковым с профессионализмом популярного блогера.

Сказать, что это ей ничего не стоило, было бы неверным. Первые дни она раскручивала захождение на ленты Славки, значительно превышая двухчасовой лимит. С дочерних адресов постила ему новости, давала команды по группам на них реагировать.

Двух месяцев не прошло, как Славка Ситников стал популярным блогером. Римники запустили на блог рекламу. Пошли первые деньги.

И Римма оставила процесс, как оставляла всегда любой из адресов, который выводила в самостоятельное плавание за рубеж 10 тысяч подписчиков.

С деньгами и популярностью Славка вдруг почувствовал себя уверенно и начал удаляться с ее поля зрения на час-два, потом на день-два. И вот побит рекорд — они не виделись целый месяц!

А тут еще весна.

«Любовь — это наш главный палач», — забила Римма слова матери в блоги.

Почему? Она пока не понимала. Ждала Славку.

Но явился, как говорится, Deus ex machina. (Бог из машины) — в квартиру Зинаиды Алексеевны Ратниковой случайным образом позвонил некий Борис.

— Простите, это не ваша машина стоит у подъезда? Я выехать не могу.

— К сожалению, у меня нет машины, — улыбнулась Зинаида, держа в руках дымящуюся кружку свежесваренного кофе, и заметив, как незнакомый симпатичный мужчина едва уловимой мимикой оценил аромат напитка, тут же среагировала, — но, к счастью, есть кофе.

— Кофе? Это неожиданно.

Так началась их дружба.

Борис уже не представлял свою жизнь без ежедневного личного общения, и это всем нравилось. Он ухаживал красиво и естественно, удивляя мать и дочь необычным выбором, безошибочно угадывая вкусы Зины. Мог подарить, например, не цветы, а пакет луковиц тюльпанов или гиацинтов.

Это было удивительно, ведь еще недавно мать ворчала на подаренные к женскому дню и увядшие букеты. И эту досаду Римма транслировала по всем каналам: «Вот если бы мужчины дарили женщинам на 8 марта не вершки, а корешки, планета превратилась бы в цветущий сад!..»

Однажды он ознакомил всех с техникой заваривания чая по рецепту, лишь накануне опубликованному на ленте Рейников и Римников.

Очередным фантастическим совпадением мыслей стала фраза «По ком точится нож...» — когда Борис на кухне нашел отделение с ножами и взялся за ножеточку.

Зинаида недоумевала. Она и предположить не могла, что за нею «записывают» мысли.

А дочь устроила для Бориса ловушку, в которую он тут же с готовностью и попал.

— Жизнь не может состоять из одних действий. Иногда надо просто встать и улыбнуться! — воскликнул Борис.

Мать тут же отреагировала на это радостным восклицанием:

— Я тоже! Я тоже так думаю. Дочь! Подтверди! Вы просто читаете мои мысли!

— Я всего лишь просматриваю блоги Рейнике Королевы! Она супер!

— Красавица? — ступевалась мать.

— Да нет. Шифруется. Ее никто так и не вычислил, хотя многие пытались. Она самая популярная в инстаграм. А какой у вас адрес?

Но Зинаида так естественно подскочила и тут же сменила тему:

— Ой-ой-ой! Курица горит!

Было совершенно очевидно: мамуля дозрела до интернет-коммуникаций, и теперь просто не хочет признаться понравившемуся Борису в том, что для нее сложно сделать в этом направлении первый шаг. Выяснилось и другое — неожиданный поклонник подсел и на нее, и на ее электронные публикации. Вот это номер!

Славка, между тем, так и не проявился.

Римма начала волноваться по-настоящему.

— Ма, как ты думаешь, куда Славик исчез, месяц не вижу?

— Так ведь экзамены... — ответила Зинаида.

И Борис неуверенно подтвердил:

— Экзамены.

Но предчувствие подсказывало что-то иное. А получив несколько раз отбой на мобильный вызов, Римма задумалась всерьез — и что же ей теперь делать?

Вспомнив старую мысль, что клин клином вышибается, девушка принялась пристальнее разглядывать мужское население собственной Империи. Отобрала двенадцать кандидатов из тех, кто давненько периодически предлагал свидания. Десять из них выдали себя зеленым «маячком». Всем забросила простой тест на интеллект: «Сижу на квесте. Парюсь. В условии задачи: пять станков делают пять деталей за пять минут. За сколько минут сто станков такой же мощности сделают сто деталей? Ответ нужен срочно!»

Семеро ответили «100». Трое написали правильный ответ «За 5 минут»!

Этим трем пошел второй вопрос: «Площадь зарастания пруда ежедневно увеличивается в два раза. Полностью он зарастает за 48 дней. За сколько дней зарастет половина пруда? Быстро!» На этот раз правильно ответил один: «За 47 дней».

Третий контрольный вопрос Римма послала с уверенностью, что ответ получит верный. Так и случилось. На ее: «Мяч и скакалка вместе стоят рубль десять копеек. Мяч дороже скакалки на рубль. Сколько стоит скакалка?» — ответ был получен правильный: «Пять копеек».

И тогда Римма пошла ва-банк: «Почему бойфренд раньше приходил ежедневно, а теперь месяц не вызванивается?»

Ответ пришел сразу: «Женщину нашел»...

Женщину?!

Римма откинулась на спинку стула. Как ей самой это в голову не пришло?
«Это очевидно, — не унимался двенадцатый. — Если бы у меня была такая девушка, умная и красивая, я бы не исчезал и на пять минут. Я давно за тобой наблюдаю. Лайкаю. Я твой верный, можно сказать, лайкот!»

«Вижу».

«Любовь и кашель не скроешь». На латыни это звучит, как...»

«Amor tussisque non celantur», — опередила Римма. — На аватарке ты «Кошачий корм». А имя есть?»

«Сергей».

«Римма».

«Ты с аватаром одно?»

«В этом блоге — да».

«Вечером встретимся?»

— ...

«Шоколад любишь?»

«После выходных», — отрезала девушка. И неожиданно получила фото мужественного, ладного мужчины лет сорока с проседью на висках. Ух, ты!.. Хорош!

«А еще фотки есть?» — ответила на подарок.

Сергей прислал еще с десяток фотографий. Она с интересом разглядывала, потом не удержалась от комплимента:

«Разве бывает в человеке все так органично?»

«Мне 40. Не женат. Всю жизнь искал, чтобы умная и красивая. Кажется, нашел...»

«Мне надо понять, есть ли у меня бойфренд... или...»

«Конечно, или! Это очевидно».

Римма отключила компьютер. Два часа вышли.

Борис с Зинаидой готовились к поездке в Салтыковку на все выходные. Римма засобиравалась с ними.

А у подъезда вдруг увидела озадаченного Славку, а чуть в стороне узнала немного смущенного Сергея.

— Слушай, тут такое дело, Рим, — быстро подскочил к ней Славка, — я обещал одному товарищу, что ты его блог тоже поднимешь. Ради меня сделаешь?

— Ладно, назови ник, — кивнула она.

— Барс, он у меня в друзьях. Надо, чтобы к понедельнику. Там кое-кому нос утереть...

— Разберемся! — проговорила Римма, укладывая пакеты с продуктами в багажник.

— Обещала! — уже на ходу бросил Славка.

Только он скрылся из виду, подошел Сергей.

— Как ты меня нашел?

— Работа такая, — усмехнулся он и показал удостоверение силовых структур. — Если вы на дачу, могу помочь. Хочешь, ко мне в машину сядем?

— А давай! — вдруг согласилась она. — Ма! Я с Сережей! Он с нами на дачу...

Работа нашлась всем. Мужчины занялись ремонтом теплицы. Зинаида — мангалом, Римма — прополкой.

Мимо калитки несколько раз прошла соседка Татьяна. Наверное, Олег опять загулял, и она искала его у бывшей «жены Зинки». Прислушивалась к голосам. Высматривала.

Зинаида уже почти справилась с приготовлением обеда.

Римма открыла ноут.

Некий Барс лайкнул фразу Рейнике Королевы:

«Жизнь — это бочка. Изменник наполняет ее изменами...»

— Мило. Ну-ка, что тут у нас нарисовалась за проблема, — пробурчала она себе под нос, заходя на личную почту Славки Ситникова. — Пароль за последнее время не сменил. 1234567. Вот олух! Там ведь деньги идут от рекламы!... Разве можно такие простые пароли оставлять на денежных потоках?

Через адрес Римма вошла в личные переписки соцсетей. И даже не удивилась, что ее Славка, с которым провели много милых встреч, убивал, оказывается, часы в интимных разговорах одновременно с несколькими девочками из универа. А вот и Барс, скорее Барса — его новая пассия. А вот и его коменты по поводу Риммы... Наглец не стеснялся переходить на личности...

— Ничего так, барсик, — вспыхнула она от прочитанной грязи в свой адрес, но тут же взяла себя в руки: — Хорошенькая. Купальник только жмет. А вот и без купальника. Правильно. Раз жмет, то... Что ж мне с вами делать? Казнить или помиловать?

— Казнить, — подсказал проходивший мимо за инструментом Сергей.

— Ты знал, что он там с этой Барсой?

— Нет, конечно... тебе видней... но мне кажется...

— Я тоже так думаю...

Римма еще не приняла окончательного решения, а руки автоматически удаляли собственные знаки внимания, оставленные на ленте под постами бывшего бойфренда.

— Ave, Caesar, moritūri te salūtant! (лат.) — «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — шептала она словами приветствия рим-

ских гладиаторов. Восстание Римма подавляла тем, что уничтожала одного за другим «живых спартанцев», преступивших закон Великого Рима и предавших Великий Рим...друзей. — Я уничтожу тебя, тоже мне, Спартак нашелся!

Чем дальше — тем больше сердце наполнялось решимостью возмездия. После нескольких сотен удаленных лайков она безвозвратно стала удалять темы на его ленте, вместе со всеми комментариями.

— *Dictum est factum* (лат.) — «Сказано — сделано», — гасила одного за другим друзей и подписчиков, распиная мысленно на крестах, как побежденных рабов когда-то нейтрализовал Красс от Капуи до Рима! — Если бы ты учил историю, милый мой Слава, знал бы, что в восстании Спартака было обезврежено 120 тысяч рабов, женщин и детей... Вот прямо как сейчас. Ты великий блогер? А я — Великий Рим, распинаю на придорожных столбах все твои эсэмэски! Красс тебя же и убьет. Беглые рабы, эти эсэмэски пора вернуть хозяйке!

Ты бросил вызов Риму! Ты обвинил целый Рим, что мои публикации глупы...желая сделать его виноватым, а значит, управлять им! То есть... мною! И ты воевал с целым Римом, осуществляя грабежи моего времени! — Римма заходила на акунты Римников и, улыбаясь от собственных сравнений, продолжала воевать со Славкой, только в несуществующем параллельном мире. — Я призываю Помпея и Лукулла помочь уничтожить тебя! Войско твоих эсэмэсок, делающее еще вчера меня слабой и безвольной, удаю. Твои эсэмэс поражены! Ты просто меня использовал, и снова захотел использовать для Барса. Ничего, я и до нее доберусь.

12300 писем и сообщений пришло для него на электронную почту от подписчиков.

Очистить переписку!
Очистить Месенджер!
Очистить Майл!
Очистить Яндекс!

— Ты понимал, что я сильнее, — продолжала оглашать приговор Римма. — Но она требовала войны от твоего бездарного войска. Иди на Краса! — твердили неграмотные рабы. Иди к Римме! Пусть она создаст мне такую же систему, как у нее. И тебе, как Спартаку, пришлось подчиниться какому-то бездарному Барсу! Надеюсь, ты понимаешь, что это твой последний бой!

Взмах — и более 6 тысяч «пленных публикаций» удалено одним умелым движением руки.

Восстание рабов было подавлено.

— Пожалуй, то, что ты тут сам поместил, я тебе оставляю. И нескольких друзей. Они твои по праву. Возвращаю все, что было в девственном со-

стоянии, Слава Ситников! Осталось сменить пароль. Попарься, восстанавливая, дружочек...!!!

По всем Римникам и Рейникам полетела «инфа»:

— Подавляющее большинство из всех 150 тысяч восставших рабов под предводительством Спартака было убито на поле боя. 6 тысяч самых смелых и воинственных распяты вдоль дороги от Капуи до Рима!!!

Красс получил свой венок из Мирта. Лавры достались Помпею. Жребий брошен! Ты думал, что я уничтожила битые сектора? Нет, у нас в хозяйстве ничего не пропадает, их компьютер добросовестно хранит! — Римма, вспомнив обещание помочь Барсу с подписчиками, скопировала ее многочисленные откровенные фото из личной переписки со Славой Ситниковым, поместила на группы того самого зверинца, где вождельные мужчины сомнительного происхождения искали встречи с женским полом. — И, кстати, интерфейс в Салтыковке работает как часы! Получи подарок, милая!

Барсу посыпались предложения о дружбе, и Римма с улыбкой смотрела, как дурочка хватается новых друзей, себе на беду... радуется подписчикам, приветствуя в комментариях...

Нет. Это не друзья. И не подписчики. Это — интернет-мусор!

— Ну что ж... Довольно на сегодня. Так пусть же оружие уступит место тоге! Пусть на смену войне придет мир!

Римма крадучись, как котенок, вошла на кухню:

— Ма! Ты меня не убьешь?

— Постараюсь. Что ты там опять придумала?

— А помнишь, ты мне про отца рассказывала. И про любовь. И про то, когда стыдно. И про бочку...

— И?

— Вот, ма, твой андроид. Я ничего не выдумывала. Я тебе адреса завела. И назвала ники Рей. Почти как фамилия Ратникова. Рейнике. Их всего-то четыре. Всего четыре, ма. Управляются элементарно. Смотри. Вот кнопки. Вот «вкл.», вот «выкл.» А королеву уже подписчики твоей ленты придумали, ма.

— Ты хочешь сказать, что легендарная королева соцсетей Рейнике — это я?

— Ты.

— Вот это номер!

— Не ругай меня, пожалуйста.

— А давай тогда мою фотку прямо сейчас туда зафиндилим? Представляешь? Мне Борька все уши с этой королевой прожужжал, какая она там где-то обитает загадочная и мудрая... А это, оказывается, я!

— Давай! Смотри, как себя фотографировать. Это просто. Кнопку нажми, и все!

Птицы купались в молодой траве. Пили росу. Щебетали. Пели песни. И на душе Зинаиды наступило полное равновесие.

Первое, что самостоятельно поместила Рейнике Королева в инстаграм, была фотография аккуратно побеленной яблони, и — на ее фоне — из века в век актуальное латинское изречение: «*Domus propria — domus optima*. — Свой дом самый лучший»...

Не зря в этот день искала Татьяна Олега. Он и впрямь жадно вглядывался во все глаза, пытаясь понять, что за переполох случился в усадьбе его бывшей жены. Мужики какие-то незнакомые починили теплицу. Окучили картошку, привели в порядок грядки, побелили яблони... А он, гад такой, ни разу так и не помог...

Дочь вышла — красавица. Глаз не отвести! Да и сама Зинаида ничуть не хуже. Держит себя в форме. Не то, что эта Танька! Эх!!!..

Не выдержало сердце, подтолкнуло его к калитке, точно заноза много лет сидевшая в нем, до сих пор не давала покоя и сна. Вина его, как ни напивался Олег, колола глаза, выливалась горькими слезами. Вот и теперь пригнала, как чужого, поглазеть на людское добро.

— Зин, а Зин? — позвал он женщину через заборчик.

— Ну, чего тебе?

— Ты прости, — развел он руками, изобразив на небритом лице виноватую улыбку. — Засуха тут всю неделю стояла. Да я вот себе сад полил, а тебе нет...

— Дождь польет... — бросила через плечо Зинаида, собираясь вернуться к своим гостям.

— Ты еще это... прости меня за то, что я тогда... ну, в общем, прости за все...

— Бог простит... — без тени обиды и сожаления, спокойно ответила она. □

Андрей Колобаев

«Любовь земная» и неземная

Зинаида Михайловна Кириенко... Знаменитая звезда советского экрана. Она же... Аида Георгиевна Широкова. Согласитесь, уже невероятный сюжет: красавица-актриса, которую знают и любят сразу несколько поколений зрителей, всю жизнь прожила под чужим именем, фамилией и отчеством.

Но, оказывается, сколько еще загадок и хитросплетений в жизни этой удивительной женщины! Там перемешались и стремительный взлет после «Тихого Дона», и отлучение на 8 лет от кинематографа на самом пике карьеры — так Председатель Госкино отомстил строптивой красавице за то, что дала ему от ворот поворот, и счастливая любовь, и триумфальное возвращение на экраны. «Я не из тех, кто сдаётся, плывет по течению. Мне удастся сохранять силу духа, оптимизм, — сказала Зинаида Михайловна в самом начале нашего долгого разговора. — Это благодаря сильному характеру и любви, которой меня наградила судьба».

Будущая народная актриса появилась на свет в Махачкале 9 июля 1933 года. Отец — Георгий Широков, выпускник Тбилисского юнкерского училища, по образованию — военный музыкант. Мама — Александра Иванова, работала в отделе кадров Махачкалинского рыбоконсервного завода. Он — из состоятельной старорежимной семьи, «белогвардеец», сосланный на ПМЖ в глухие дагестанские аулы, она — пламенная комсомолка, сознательный строитель коммунизма. Уже гремучая смесь!

И с именем их дочери действительно вышла целая история. В каком-то смысле трагикомическая, в каком-то — героическая и романтическая. Но как потом оказалось — пророческая на все сто процентов. Мама, будучи беременной, запоем прочитала роман о судьбе древнегреческой драматической актрисы по имени Аида. Книга произвела такое неизгладимое впечатление, что она твердо решила: у нее обязательно родится дочь, которая непременно станет драматической актрисой. Поэтому даже имя придумала до ее рождения — Аида.

«Надо было знать мою маму, — улыбаясь, говорит Зинаида Михайловна. — Лихая кавалеристка — она в седле сидела как амазонка. Слова поперек не скажи! Огонь, а не женщина! Красивая, волевая, энергичная... Решила, что будет девочка, значит, так и будет! Но когда я родилась, мама сильно заболела, и реги-

стрировать меня пошел отец — Георгий Широков. Шел и размышлял: "Аида? Зачем такое замысловатое заморское имя русской девчонке?" И записал: "Зинаида". Когда матери метрику показал, она забилась в истерике. А он успокаивал: "Смотри, Шура: Зина и Ида — два имени. Одно — как ты и хотела"».

Поэтому все мое детство и юность я была Идой. Когда родители развелись, я стала Ида Иванова. Во ВГИК поступала как Ида Кириенко — в 14 лет я взяла фамилию и отчество отчима — Михаила Игнатьевича Кириенко. Так и однокурсники меня называли, пока в титрах фильма «Надежда» не понадобилось паспортное имя написать. Герасимов спросил: *«Почему ты Зинаида по паспорту?»* Я ему всю эту историю и рассказала. С тех пор я — Зинаида. Но все равно привыкала я к этому имени с большим трудом. Только в последнее время смирилась, когда стала Зинаидой Михайловной».

Тридцатые годы прошлого века — время для страны было крайне тяжелое. Коллективизация, индустриализация, раскулачивание, репрессии... Потом — война. Семья переехала на Ставрополье — в станицу Новопавловская. Мама не могла всю себя без остатка посвятить воспитанию дочери, водить ее по кружкам и приучать к сцене. С утра до вечера она то яростно училась, то восстанавливала разрушенные войной элементы. Кроме того, руководила

*«Сорока-
воровка»*

кружком ворошиловских стрелков, воспитывала будущих кавалеристов...

Но, судя по всему, родительские гены (все-таки папа обладал абсолютным слухом) дали свои плоды. Лет в 9 на пару с двоюродной сестрой они уже всюду разыгрывали импровизационные сценки. Например, изображая царицу, Ида залезла на трон и кричала: «А подать сюда жареного солдата!» Почему именно «жареного солдата», никто не мог понять, да она и сама этого не знала... Девочка с детства неплохо пела, читала стихи, с удовольствием участвовала в школьной самодеятельности. Когда стала чуть постарше, коллектив их драмкружка ездил с концертными программами на полевые станы и пользовался огромной популярностью. Вскоре в местном доме культуры они поставили

«Сорочинскую ярмарку», где Ида сыграла Параску. Это был ее первый выход в «настоящем серьезном» спектакле.

«Помню, у нас в школе был учитель Василь Василич, худой такой, длинный, замороченный. Во время войны он четыре года провел в немецком плену, там выучил немецкий язык и его же у нас преподавал. Он очень любил, когда я и еще один мой одноклассник пели вместо урока. "Кириенко, Примаков! Спойте мою любимую..." И мы затягивали на два голоса: "Скажи, сынок, скажи родной, скажи, казак мой молодой..." Василь Василич слушал и, прикрыв лицо ладошкой, плакал. Потом ставил нам по пятерке».

По собственным воспоминаниям, в детстве и юности девушка она была очень романтичная, немного чу-

даковатая — не от мира сего. «Одно-классницы уже вовсю влюблялись в сверстников, а я любила в одиночку уходить на природу, общалась с луной, со звездами. Любила полежать в полыни, надышаться запахом чабреца и долго-долго смотреть в небо. Какая любовь? Я — пела. Выходила в степь и — "О-о-о-о!!!" Ни души же вокруг — красотища! Вот такие были у меня порывы!»

Но, несмотря на рано проявившиеся способности, всерьез о сцене Ида не думала. Пока в 13 лет не

прочитала откровенные дневники своей тети — родной маминой сестры. Тетя Женя была известной циркачкой — в тридцатые годы семейная пара Яков Пименов и Евгения Иванова гремела на всю страну. К сожалению, случилась трагедия — в 22 года она умерла во время родов... Ида сама не раз бывала на их выступлениях: дядя Яша, коверный и клоун, виртуозно играл на концертно размером от спичечного коробка до футбольного мяча и во время своего «коронного» номера

перепрыгивал семь автомобилей. А тетя Женя творила чудеса не только под куполом цирка, еще восхитительно пела, танцевала. И красоты была просто невероятной!.. В этих дневниках тетя подробно и ярко рассказывала, как с детства мечтала выступить на цирковом манеже, как в 15 лет влюбилась в одного из братьев-циркачей Яловых, убежала из дома с бродячим цирком шапито и стала воздушной акробаткой. Описано это было так, что дух захватывало. Оказывается, есть совсем другой мир — волшебный, как будто из сказки. Со сценой, зрителями, прекрасными муками творчества... Дочитав последнюю страницу, Ида загорелась: вот и мне бы так! Именно тогда все было решено окончательно: она пойдет учиться на артистку.

Окончив школу, поехала в Москву — поступать во ВГИК. Конкурс в 1952 году был сумасшедший, но Кириенко приняли — на курс Юлия Яковлевича Райзмана. Правда, с припиской «условно». А это значит — ни общежития, ни стипендии. А где жить, на что?

«Помню, сижу, горюю: как быть? Вдруг ко мне подходит Тамара Федоровна Макарова, которая была в приемной комиссии: "Деточка, мой тебе совет: езжай домой. А на следующий год Сергей Аполлинарьевич Герасимов будет свой курс набирать. Он тебя возьмет". Вот что это было? Судьба? Сейчас, спустя много лет, я могу предположить — уже тогда он присматривал актеров для "Тихого Дона". И увидел во мне свою Наталью...»

Но через год, в 1953-м, конкурс был еще более «космическим» —

539 человек на место. И сдавать все экзамены пришлось заново. На последнем Герасимов вдруг задал ей вопрос: а почему вы решили стать актрисой? Ида ответила мгновенно: «Хочу играть, чтобы зрители сопереживали мне так же, как я сопереживала Марецкой и Тарасовой». И в числе двадцати трех счастливых, прошедших отбор, была принята. А вскоре стала одной из лучших студенток и уже на первом курсе сыграла свою первую главную роль в кино.

Кстати, на съемках дебютной ленты — короткометражки Сергея Герасимова «Надежда», о молодой девушке, которая после школы едет поднимать целину, — с ней случилась история, которую все эти годы актриса вспоминает с улыбкой.

«Там, в Сталинграде, я Сергею Аполлинарьевичу призналась в люб-

ви. Так смешно вышло... Я специально пришла на репетицию пораньше. Сажу на диванчике, сердце ходит ходуном. Герасимов говорит: "Ну, расскажи о себе. Где ты жила, как?" И я начала рассказывать про семью, про детство — да про все. Потом спрашиваю: "Вам, наверное, каждый рассказывает свою судьбу?" "Да нет, — улыбается, — так, как ты, еще никто не рассказывал". Я потупилась и говорю: "Сергей Аполлинарьевич, а я люблю вас!" Причем, это был, скорее, эмоциональный порыв — ведь все мы, его ученики, его боготворили. Согласитесь, был бы Герасимов ловеласом и сердце-едом, как потом о нем говорили, воспользовался бы этой ситуацией, однако его реакция была потрясающей. Он не удивился, а сказал, как ни в чем не бывало: "Да, это очень

хорошо. Молодец!" И добавил: "Только знаешь, надо свои чувства уметь сдерживать. Потом будешь себе благодарна всю жизнь! — Взял двумя ладонями мое лицо, поцеловал в темечко: — Умница! Ну, давай — что у нас завтра?"»

Вообще у педагога Герасимова было железное правило: на курсе — никаких любимчиков, дисциплина одинакова для всех. Студенткам была непозволительна любая вольность — нельзя было красить губы, делать завивки, перманенты, красить ногти. Никаких экспериментов с внешностью — Боже сохрани! Герасимов не делал скидок даже за талант.

Однажды и у Кириенко возник с мэтром конфликт, который мог по-

ставить крест на всех мечтах начинающей актрисы.

«Герасимов с Макаровой аскетически нас держали, внедряли в мозги, что жизнь — это серьезная обязанность человека "достойно пронести себя". У нас тогда проходили репетиции сцен в "Тихом Доне", и у меня была сложнейшая сцена: когда Наталья, узнав об измене Григория, кричит: "Господи, покарай его!" Я пришла на репетицию, слегка высветлив волосы. Чтобы Сергей Аполлинарьевич не заметил, специально на голову платочек повязала и мгновенно забыла об этом — вся была сосредоточена на сцене, где Наталья срывает с головы платок, падает лицом на мокрую землю и рыдает. И сыграла я это просто здо-

Слева:

*с мужем
Валерием
Тарасевским
и сыном*

*«Поэма
о море»*

рово — сама от себя такого не ожидала, у меня даже слезы брызнули. Упала — и лежу счастливая, жду от Герасимова похвалы. Вдруг открываю глаза и вижу: мой-то платок на полу лежит. А вокруг — гробовая тишина. И вдруг он как понес: "Как ты могла, как посмела?!" Я от обиды не выдержала и взорвалась. Вскочила и как заорю: "Ну и не надо! И не нужен мне ваш ВГИК, и Москва мне ваша не нужна! И вы, и ваш Шолохов вместе с "Тихим Доном"! Герасимов испугался, долго молчал. Потом подошел, погладил меня по голове и произнес: "Да успокойся, будешь сниматься, будешь. Молодец, ты актриса. Умница! Но волосы приведи в порядок!" Вот этим все и кончилось. Ни разу в жизни он больше на меня голос не поднимал. И сцену эту мы больше не репетировали — ее сняли с одного дубля».

Роль Натальи Мелеховой в «Тихом Доне» принесла актрисе не только небывалую известность и зрительскую любовь, но и славу одной самых красивых актрис Советского Союза. К пятому курсу за ее плечами уже было пять фильмов, включая нынешнюю киноклассику — картины «Судьба человека», «Сорокаворовка», «Поэма о море». О таком начале карьеры можно было только мечтать! Лучшие режиссеры приглашали ее в свои новые фильмы. Чиновники Госкино активно включали в состав советских делегаций на всевозможные зарубежные кинофестивали — как тогда говорили, «для улучшения имиджа Советского Союза».

Особенно Зинаиде Михайловне запомнилась одна из первых поездок — на «Фестиваль фестивалей» в мексиканский Акапулько. В про-

«Казачи»

Справа:

«Судьба»

грамме фестиваля была представлена и наша картина «Судьба человека». Осень 1959-го. В числе делегатов — Герасимов с Макаровой, Кириенко, Юткевич и писатель Симонов. Удивительное дело: информации о том, что будут показывать советскую драму, не было нигде, но простые мексиканцы и гости фестиваля — по какому-то неведомому «сарафанному радио» — узнали об этом. Кинотеатр был забит до отказа. После финальных титров — мертвая тишина, и вдруг... зал взорвался аплодисментами. Публика бросилась благодарить создателей фильма и членов делегации — всех, включая исполнительницу роли Ирины, Зинаиду Кириенко, вынесли на улицу на руках. Все плакали — не могли сдержать слезы.

«Конечно, со стороны иностранцев все мы ощущали повышенное внимание, — вспоминает эту поездку Зинаида Михайловна. — Все-таки для остального мира Советский Союз был закрытой одиозной страной. Кстати, я приехала в Акапулько в платье, купленном в обычной московской комиссионке и, конечно, попала под пристальные взгляды зарубежных актрис и журналистов. Ведь много тогда за рубежом иронизировали, что в СССР нет моды, магазины пусты, женщинам надеть нечего. А через несколько дней мне принесли журнал с моей огромной фотографией. Подпись под фото гласила: "Советская актриса Кириенко — эталон советской моды".

Никогда не забуду, как в составе первой советской делегации от ЦК

комсомола я поехала в турне по США, и какой мы произвели там фурор. Американцы смотрели на нас как на инопланетян. Ведь они представляли СССР и наш советский быт по фильму-сказке "Каменный цветок". На полном серьезе думали, что в Москве по улицам медведи ходят, и люди — в лаптях и кафтанах. Поэтому у них буквально глаза были на лбу. Мы тогда главный советский праздник — 7 ноября — справляли в Главном полицейском управлении. Скинулись по 7 долларов, устроили вечеринку. Американцы нам еще ящик вина притащили, а потом вместе с нами гимн СССР и "Интернационал" пели. Словом, дружбу народов крепили не на словах».

60-е годы прошлого века были для Зинаиды Кириенко самым «золотым

временем»: она снималась в «Казаках», в картинах «Вдали от Родины» и «Повесть пламенных лет», в историко-революционной ленте «Залп «Авроры», в военной драме «Самый медленный поезд»... Работы было столько, что часто приходилось даже отказываться — больше всего она избегала однотипных ролей. Параллельно замечательно играла в спектаклях Театра киноактера.

Со своим будущим мужем — Валерием Тарасевским — Зинаида Михайловна познакомилась в 1961 году на съемках фильма «Казачьи» в Грозном. Вечером шла на концерт Аркадия Райкина, который как раз там гастролировал, а навстречу молодой парень — красавец, великолепно сложенный, как потом выяснилось, спортсмен. «Вы — Зинаида

Кириенко?» «Да». Оказалось, что его тоже пригласили поучаствовать в съемках «Казачков» — в массовке. Вскоре они встретились на съемочной площадке. Ухаживал он необыкновенно... Единственное, что немного смущало актрису, которую к тому времени знала и любила вся страна: Валерий был моложе на 11 лет. Она поехала за советом к маме. Другая бы мать сказала: «Да ты что, с ума сошла? За пацана выходить, спортсмена! Найди кого-нибудь получше. Ведь сколько было ухажеров, даже литераторы известные!»

Но мама ответила: «Если любишь — забирай». Ровно через два месяца после знакомства в доме бабушки Валерия сыграли свадьбу. Судьба!

«Самое смешное, — говорит актриса, — что, когда съемки закончились, и мы уехали в Москву, местные жители шутили: мол, приехала мо-

сковская артистка и увезла самого красивого казака. На следующий год у нас родился сын Тимур... Мне тогда было 28 лет. А в 35 я второго сына, Максима, родила».

Ради жены Валерий взял все семейные обязанности на себя: дом, быт, воспитание сыновей. По сути (хотя и окончил университет, получил профессию экономиста), пожертвовал своей карьерой ради семьи. Сидел с мальчишками, когда они болели, занимался дачей, огородом... Благодаря мужу ей удавалось ездить на гастроли, играть в театре и кино. Зинаида Михайловна была в семье добытчиком, и их с мужем это ни капли не смущало. Она занималась любимым делом — Валерий обеспечивал тыл. И разницу в возрасте они никогда не ощущали.

Идиллия закончилась внезапно. В 1966 году актриса вдруг почувствовала, что вокруг нее происходит

Слева:

*с мужем
Валерием
Тарасевским*

*«Люблю.
Жду. Лена»*

что-то нехорошее. Еще недавно она не успевала сняться в главной роли в одной ленте, тут же приглашали в другую. А тут... Проходит месяц, два, полгода, год — ни одного звонка. Как отрезало! И это в самом расцвете творческих сил, на самом, как казалось, пике карьеры. Знакомые, коллеги, даже иногда прохожие на улицах спрашивали: *«Почему вас нет в новых фильмах?»* Она не знала, что ответить. За восемь лет Зинаида Кириенко снялась от силы в 3–4 картинах, да и то в крохотных эпизодах — по несколько секунд на экране. Как она потом признавалась, *«у меня было четкое ощущение, что кто-то это делал специально, как будто очень хотел меня унижить»*.

Правда открылась только на фестивале в Баку в 1974 году. *«Разве не знаешь, — спросил ее известный кинорежиссер Станислав Ростоц-*

кий, — что ты была в списке, где стоял наверху "крестик": "не снимать"»? *«Нет!»* *«А помнишь свои отношения с таким-то (он назвал известную фамилию деятеля Госкино)?»* *«Да у нас с ним не было никаких отношений!»* *«Так вот поэтому тебя и не снимали! Он сам мне рассказывал, как ты ему отказала»*.

Другая актриса с амбициями на ее месте, возможно, впала бы в депрессию, натворила бы глупостей и, в конце концов, погибла — таких случаев множество. Но — не Кириенко!

«А я выбрала раз и навсегда! Только не профессию, а любовь — семья всегда была для меня на первом месте. Любимый муж и дети меня от всех бед спасали. К тому же у меня был Театр киноактера, гастролью по всей стране с песенной программой. Я всегда любила петь, могла публику увлечь так, что зри-

телям и два часа мало будет! Самое смешное, что совершенно случайно все эти годы моим коронным номером была донская лирическая песня "Виновата ли я?"»

А закончилась вся эта неприятная история неожиданно. На том же фестивале в Баку к Кириенко подошел знаменитый актер и режиссер Евгений Матвеев: *«Зина, я затеваю картину "Любовь земная" по роману Петра Проскурина. Там для тебя будет интересная роль»*. Только благодаря Матвееву, который первым снял негласный запрет, опальная актриса вернулась в кино. Матвеев был мощной фигурой, независимой. С ним считались!

Ее возвращение вышло триумфальным — в 1975 году «Любовь земную» посмотрели более 50 миллионов зрителей, а еще через несколько лет за роль Ефросиньи Дерюгиной Зинаида Кириенко получила Государственную премию и звание народной артистки.

«Лично для меня история Ефросиньи — некое продолжение истории Натальи из «Тихого Дона» как типа исконно русской женщины, — говорит Зинаида Михайловна. — Ведь почти все мои героини — это были женщины-страдалницы, на которых земля наша держится. Такие войну помогли выиграть, выстоять в самые суровые для страны времена... Да и я сама из таких — могу любые трудности пережить, какие не каждая женщина вынесет. Могу! Только измены не смогла бы пережить, наверное».

После «Любови земной» актриса снялась в продолжении этой дилогии — фильме «Судьба». И снова — успех! Дальше были картины — «Лекарство против страха», «Люблю. Жду. Лена», «Господин Великий Новгород», «Любить по-русски-2»... Причем лента «Любить по-русски-2» того же Евгения Матвеева стала для нее особенной — сбылась еще одна давняя мечта. В ней Зинаида Михайловна сыграла прокурора — Зинаиду Георгиевну Широкову. В честь своего родного отца!

«Это я предложила Матвееву назвать мою героиню так. Уж очень хотелось, чтобы хотя бы в кино прозвучали мои настоящие отчество и фамилия. Ведь у моего папы очень нелегкая судьба. Перед революцией он учился в тбилисском юнкерском училище на армейского музыканта. В 1919 году белогвардейцы этих молодых ребят посадили на корабль и отправили в Лондон, чтобы спасти от расправы. Но в Англии в те годы был кризис, королева не приняла корабля, юнкеров выбросили в никуда. Вот так он мыкался восемь лет. Работал в ресторане — подсобным рабочим. Бабушка рассказывала, что они там очистки картофельные варили и ели, чтобы не умереть с голоду. Когда в 1925-м вышло постановление Совнаркома о возможном возвращении таких, как он, папа еще два года копил деньги на обратный билет. Приехал, а ему определили места жительства — аулы Дагестана, где они и встретились с мамой, и где я родилась. Мне

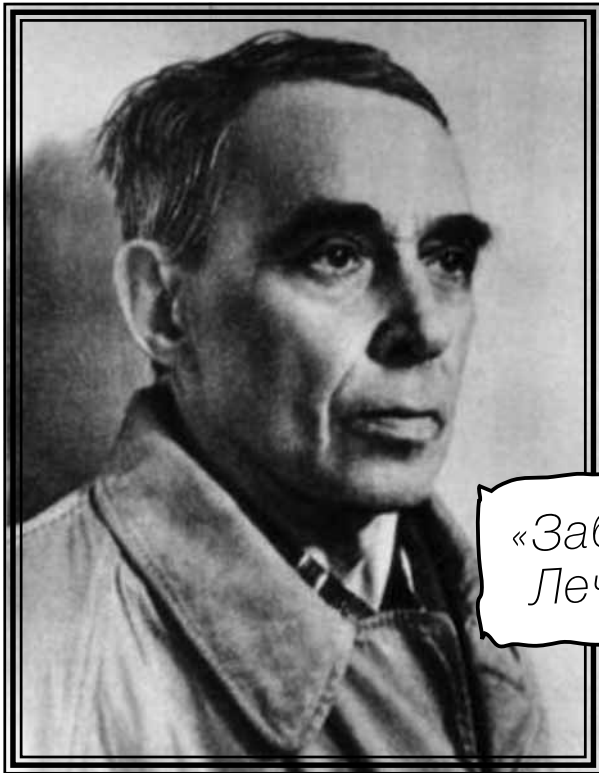

было года три, когда они разошлись. И фамилию мне сразу поменили — боялись, что фамилия отца-белогвардейца выйдет мне боком. А в 39-м папу арестовали. Придумать могли любое — что угодно. Конечно, я многого не знаю, и где кончил дни свои мой отец — никто до сих пор не знает».

Сегодня Зинаида Михайловна Кириенко, несмотря на возраст и болячки, живет полной жизнью. Правда, 13 лет назад пережила трагедию — не стало мужа. Обширный инфаркт!

«Мы прожили с Валерой в любви и согласии 44 года, и все эти годы я его называла — «мое счастье». На-

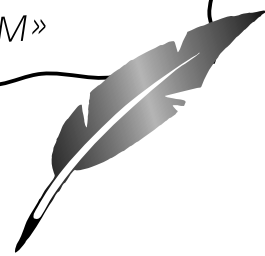
верное, это есть та самая настоящая любовь, до гроба. Теперь его не хватает безумно... Чем занято свободное время? А его, к счастью, почти нет. Концерты, встречи, слава Богу, на все фестивали приглашают. Скучать не приходится! У меня же еще три внука, две внучки, правнук и правнучка, которыми я горжусь. Считаю ли я себя счастливым человеком? Я любила и была любима. Оставила после себя потомство. Конечно, очень много в профессии не сделанного... Но зато сколько людей со слезами благодарности подходят ко мне на улице, благодарят за фильмы! Разве я могу быть несчастной как актриса?!» □

Юрий Осипов

к Алексей Крученых:

*«Забыл повеситься /
Лечу к Америкам»*

С именем Крученых связаны важные открытия и начинания русского авангарда первых двух десятилетий XX века. «Маленький человек с украинским акцентом, Крученых был всегда очень трезв в жизни и сумасшедш в стихах».

Авангардисты той удивительной эпохи, говоря сегодняшним языком, эпатажники и нонконформисты. Они рисовали на лицах самолеты и собак, надевали разноцветные «кричащие» кофты и полосатые цирковые штаны, дразня добропорядочных обывателей.

Но они «делали моду», на их концерты билеты раскупались за месяц. А они, выходя на сцену, плевали в переполненные залы и издевательски заверяли публику, что надо рифмовать «корову» со «столом». Печатали свои сборники на обойной бумаге, под дикими названиями, типа, «Взял!», «Ряв! Перчатки», и разрисовывали обложки абстрактными рисунками.

Это, разумеется, Маяковский — громадный, красивый, завораживающий дам. Был еще хитроватый Давид Бурлюк, самый старший и самый предприимчивый. И — Велимир Хлебников, тихий гений с отрешенными глазами, набивавший рукописями своих стихов наволочку, скитавшийся с ней по стране, используя ее как подушку и периодически теряя...

И все же самым крутым в этой крутой разношерстной компании являлся он, Алексей Крученых. Истеричный, крикливый, радикальный,

головокружительно дерзкий. До революции его много издавали, причем книги Крученых иллюстрировали ведущие художники русского авангарда — К. Малевич, М. Ларионов, Н. Гончарова и другие. Для футуризма это имело особое значение, поскольку одним из главных принципов нового литературного направления провозглашалась ориентация поэтического слова на достижения новейшей живописи (Хлебников прямо заявлял: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью»).

Газеты давали отчеты о скандальных концертах футуристов: «Крученых, с искаженным лицом и растопыренными пальцами, проговорил что-то бредовое и закончил оригинальным аккордом: стукнулся головой о стол». Он читал под занавес: «Забыл повеситься/ Лечу к Америкам / На корабле полез ли кто/ Хоть был пред носом». Публика стучала ногами. Тогда он завершал выступление традиционным «хитом»: «Дыр, бул, щыр...» И тут уже в зал входила полиция.

В соавторстве с Хлебниковым и М. Матюшкиным Крученых написал текст первой футуристической оперы «Победа над Солнцем». Малевич рисовал к ней декорации. Треугольники, круги, движущиеся механизмы. Актеры в костюмах из картона и проволоки, в противогазах...

После громких и скандальных всероссийских турне у футуристов завелись деньги. Маяковский сшил себе фрак. Бурлюк ящиками покупал шампанское в «Бродячей собаке». Они дрались с жандармами, устраивали вечеринки с кордебалетом, рассекали ночами по Петербургу на ошалелых извозчиках. А следом бежали восторженные почитательницы...

В конце десятих они поссорились. Крученых уже не был в их тусовке, да и самой тусовки больше не было. В 22-м в глухой новгородской деревушке умер Хлебников. Николая Бурлюка расстреляли в 20-м. Давид оказался умнее и эмигрировал в Японию, потом в США. Маяковский кумиром толпы разъезжал по Москве на привезенном из-за границы авто, страдая от любви к Лиле Брик.

Крученых со всем размахом души включился в строительство социализма, и бывшие эксперименты со звуком стиха ни ему, ни его новым читателям стали не нужны. Он на собственные деньги мизерными тиражами выпускал экспериментальные брошюры с кричащими названиями, серию своих рукотворных коллажных альбомов, собирал книжные раритеты, из страха перед микробами по четыре раза кипятил воду в чайнике и в тридцать с небольшим казался стариком. Его постепенно забыли. А он был. Пытался сотрудничать с «ЛЕФом», уча-

ствовал в последней футуристской группе «Центрифуга», писал итоговые книги «Фактура слова», «Сдвигология русского стиха», «Апокалипсис в русской литературе»...

Наведывались иногда к нему как к соратнику Маяковского молодые поэты. Он отвечал на их вопросы, а потом просил денег. Продавал в нужде букинистам книги с автографами Маяковского, ходил мимо его памятника, вспоминая, вероятно, про ночевки с ним под одной крышей и понимая, что ему лично памятник не «светит».

Из плеяды русских футуристов Крученых единственный умер на родной земле, практически уже в наши дни. И хотя до конца 1980-х годов его творчество оставалось неизвестным массовому читателю, влияние этого самобытного экспериментатора лаборатории стиха ощутили на себе многие современные поэты. И продолжают ощущать.

Утром 17 июля 1968 года в Москве, в убогой коммуналке умер одинокий старик. Не встретив его на общей кухне, соседи постучались к нему, потом вошли. В крохотной комнатке, под потолок заставленной книгами, покойника на полу едва было видно. И ничего в комнате не говорило о присутствии хозяина.казалось, тут жили книги, а не он.

Костюма у него не нашли, рубашку, пиджак и брюки принесли все те же соседи, так что в гробу Алексей Елисеевич Крученых выглядел пристойно...

Один из самых последовательных и смелых экспериментаторов среди щедрой плеяды русских футуристов, создатель «заумного» языка, предварающий свои книги предупреждением: «читать в здравом уме возбраняется» или «прочитав — разорви»,

родился в феврале 1886 года в крестьянской семье на Херсонщине. В Херсон семья переехала из деревни в 1892 году, а в 1902-м Алеша поступил в Одесское художественное училище, которое окончил с дипломом учителя графики и рисования.

Первая русская революция не обошла будущего футуриста стороной. Он втянулся в деятельность первых марксистских кружков и некоторое время находился под арестом за хранение нелегальной литературы. Тогда же, кстати, и познакомился с Бурлюком. Давид, поэт и художник-импрессионист, переметнувшийся к началу десятых годов в неопрIMITивисты, фронт в лаковом цилиндре, с вытатуированной на щеке лошадкой и искусственным глазом, прикрытым лорнеткой, не мог не повлиять на юного Алексея и увлечь того за собой.

В 1907 году Крученых перебрался в Москву и, надо заметить, быстро освоился в Первопрестольной. Как художник участвовал в знаковых выставках и печатал работы, посвященные живописи. А затем уже пришел черед художественной прозы. И только после этого понемногу начались «странные» стихи.

С Маяковским и Хлебниковым он познакомился в 1912 году. Эти двое гигантов придали стремительное ускорение его начинающемуся поэтическому творчеству. Крученых стал членом их культовой группы «Гилея» и активно включился в борьбу за «новое» искусство. Под скандально-знаменитым манифестом кубофутуристов «Пощечина общественному вкусу» красовалась и его подпись. Тогда же увидели свет первые книги стихов Крученых «Старинная любовь» и «Игра в аду».

*И черти ставят единицы
Уставшим мучиться рабам.*

*И птиц веселые станицы
Глаза клюют, припав к губам...*

Всего за свой счет поэт издал 124 книги. Причем каждая из них по своему художественному оформлению есть настоящее произведение искусства — от бумаги и шрифта до обложки и иллюстраций. Тем более что в оформлении ряда этих книг принимали непосредственное участие М. Ларионов, Н. Гончарова, К. Малевич, О. Розанова, В. Татлин — друзья автора.

Авторские книжные издания Крученых стали одной из важнейших

и наиболее оригинальных форм нового искусства, созданного русскими авангардистами начала века. Многие принципиальные установки отечественных футуристов нашли здесь свое яркое воплощение. Взять хотя бы попытки синтезировать поэзию и живопись. Или — использовать европейскую теорию simultaneity, когда наш глаз при восприятии какого-либо цвета автоматически требует появления его дополнительного цветового оттенка, а если таковой отсутствует, то симультанно, то есть одновременно, замещает его сам.

Получается, что симультанные цвета возникают лишь как ощущение и объективно не существуют. Отсюда протягивается ниточка к «не укладываемому в слова» особому значению почерка и всего рукописного

текста в целом, которые, по мысли Крученых, способны передавать эмоции и ощущения автора.

Причем он был не только изобретателем нового типа изданий, но часто переписывал издаваемые тексты литографским карандашом, чтобы затем накатать их на гектографе. Серия поэтических книг Крученых того времени, напечатанных на гектографе или написанных карандашом от руки с использованием копировальной бумаги, представляет сжатые звуковые и визуальные формы экс-

татической речи, которые не поддаются расшифровке рассудком. Последовательно разлагая язык на первичные элементы, автор находил аналогии в супрематизме К. Малевича, пытавшегося выразить структуры мироздания при помощи геометрических форм.

Давид Бурлюк попросил друга написать стихотворение из «неведомых слов». Так родились «дыр, бул, цыр...», которые сделались своеобразной визитной карточкой Крученых, основателя «заумного» поэти-

ческого языка. Его характеристику и теоретическое обоснование автор дал в «Декларации слова, как такового», выпущенной им в Петербурге в 1913 году.

Согласно теории «зауми», слово самоценно, вне зависимости от своего смысла, и вообще может не иметь смысла. Эксперименты с «заумным» языком оказались весьма заразительными — им отдали дань многие современные Крученых поэты, и даже сам «Председатель Земного шара» Велимир Хлебников.

Перед Первой мировой войной в русской литературе, предчувствовавшей великие потрясения, расплодились всевозможные течения, направления и группировки со своими манифестами и воззваниями. Многие из них лопались, как дождевые пузыри на воде. Некоторые же просуществовали достаточно долго и обросли кучей сторонников. К таковым, прежде всего, относятся футуризм и имажинизм, представленный С. Есениным и А. Мариенгофом.

Крученых со всем размахом души включился в строительство социализма, и бывшие эксперименты со звуком стиха ни ему, ни его новым читателям стали не нужны. Он на собственные деньги мизерными тиражами выпускал брошюры с кричащими названиями и свои коллажные альбомы. В тридцать с небольшим лет он выглядел уже стариком. Его постепенно забыли. А он был...

Над разработкой, уточнением и развитием изложенных в «Декларации» принципов и формулировок Крученых будет упорно трудиться несколько лет. Основные положения этой теории получают развитие в совместных с Хлебниковым манифестах «Слово как таковое», «Буква как таковая», а также в работе Крученых «Новые пути слова». Однако если у Хлебникова «заумь» явилась лишь одним из использовавшихся им поэтических языков, то для Крученых она, увы, превратилась в самоцель.

Круг тогдашних увлечений футуриста Крученых, в свою очередь, повлиявших на его творчество и концепцию «заумного» языка, достаточно парадоксален. Здесь и философские сочинения Ницше, и теософские книги П. Успенского, и научная литература о сектантской глоссолии, и работы Фрейда, и исследования мистического экстаза...

В 1913 году в Петербурге состоялась знаковая постановка оперы «Победа над Солнцем» (пролог — В. Хлебникова, музыка — М. Матюш-

кина, декорации — К. Малевича). Текст оперы, написанный Крученых, строился на алогизмах, а отдельные персонажи говорили на «заумном» языке. Эта постановка предвосхитила театр абсурда. Тогдашние критики не случайно указывали, что оперу Крученых следует воспринимать сквозь призму сновидений, «столько туда вколочено пленительных нелепостей, провальных событий, шарахающих перспектив, от которых станет мутно в голове любого режиссера».

Абсурдистская опера принесла писателю известность, но не улучшила его материального положения. Со второй половины 1914-го года Алексей Елисеевич жил преимущественно на Кавказе, где трудился поначалу гимназическим учителем рисования, а после призыва в 1916-м на воинскую службу — чертежником

при управлении Эрзерумской железной дороги. Однако там тоже нашлись футуристические группировки, с которыми он тесно контактировал. В этот период Крученых, продолжая разрабатывать концепцию «заумного» языка, создал оригинальную версию «моментального творчества», предвосхитившую некоторые аспекты сюрреализма, и увлекался техникой коллажа.

Валентин Катаев так описывает его в мемуарно-художественной книге «Алмазный мой венец»: «Левый из левых, самый непонятный из всех русских футуристов, выюн по природе... он питался кашей, сваренной впрок на всю неделю из пайкового риса, хранившейся между двух оконных рам в десятифунтовой стеклянной банке из-под варенья. Он охотно кормил этой холодной кашей своих голодающих знакомых». (Поясним, в эпоху военного коммунизма.)

Февральская и Октябрьская революции отгремели для него где-то далеко. Как пронеслась вдали и буря Гражданской войны. Случайно рождались невероятные рифмованные стихи: *«Комета забила ко мне под подушку/ Жужжит и щекочет, целуя колючее ушко». Или же: "Если бьешься и злая рифма никак не выходит \ Пойди и плюнь другу на розовый жилет \ Затанцуют в горле твоём бриллиантовые колоды \ И посыпятся зуботычины созвучий как с Олимпа велосипед».*

Говорят, Крученых неплохо играл в карты (на деньги, разумеется),

обыгрывая, в частности, Маяковского, который был очень азартен и проигрыши в карты и на бильярде воспринимал болезненно.

По-разному отзывавшийся о творчестве соратника, Владимир Владимирович в статье «Как делать стихи» все же заметил, что «стихи Крученых: аллитерация, диссонанс, це-

левая установка — помощь грядущим поэтам». Да, весь лабораторный, экспериментальный, он впрямь больше для поэтов, нежели для читателей, что отнюдь не умаляет его значения.

Опосредованно принял Крученых советскую власть и в 1920–21-м годах заведовал отделом в бакин-

ских «Окнах РОСТА». В Москву он приехал осенью 21-го, а на следующий год опубликовал «Фактуру слова» и — под влиянием теории сновидений Фрейда — «Сдвигологию русского стиха», обобщающие его предыдущие исследования.

фуга». И все же в журналах «ЛЕФ» и «Новый ЛЕФ» под редакцией Маяковского Крученых еще успел напечатать свои стихи, антимилитаристский памфлет «1914–1924», а также лубочно-сатирические «уголовные» романы «Разбойник Ванька-Каин и

Один за другим писателя покидали близкие ему люди: умер Хлебников, эмигрировал Давид Бурлюк, застрелился Маяковский... С годами он все яснее понимал, что реальная советская Россия мало похожа на столь желанную футуристами страну-Утопию, где торжествует безграничная свобода творчества

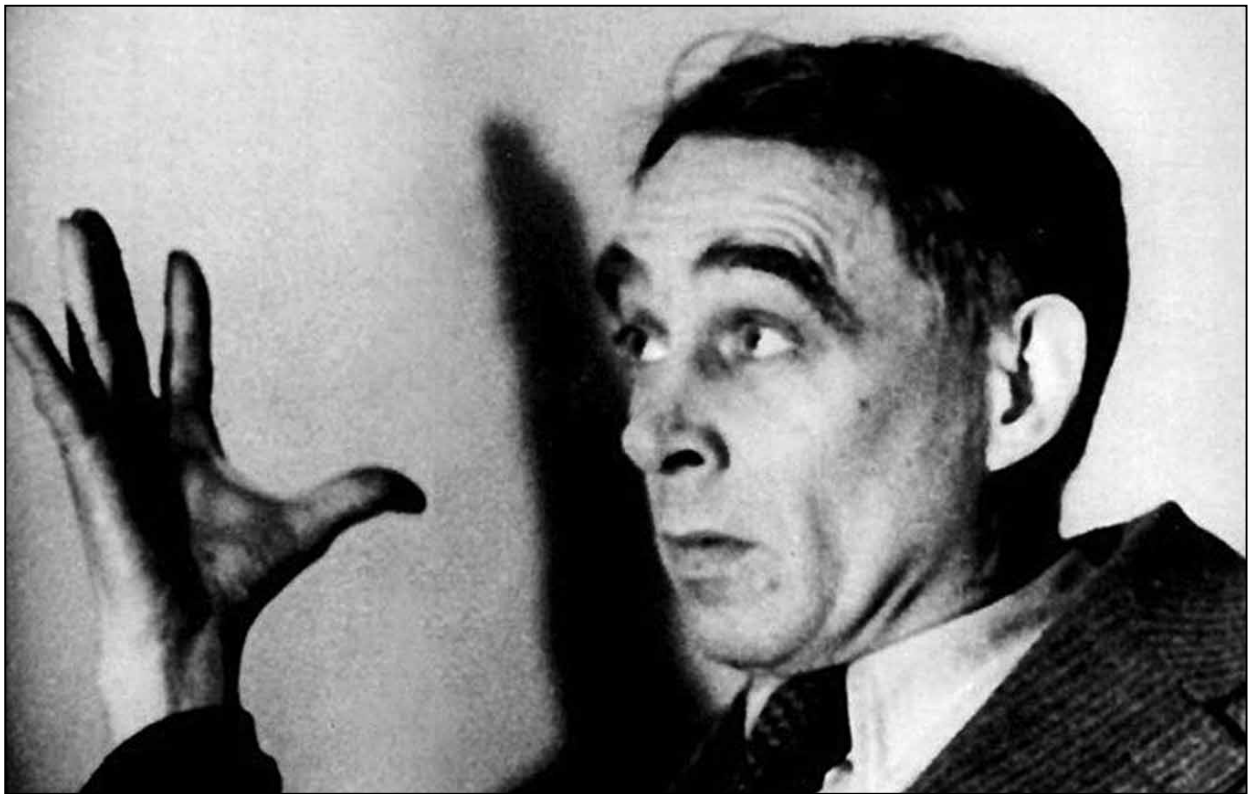
Он еще пытался сотрудничать с «ЛЕФом» Маяковского, но радикальные взгляды Крученых на искусство не вписывались в культурно-социологический контекст советской эпохи. А ведь он вполне здраво выступал против «есенинщины», выпустил в 1926 году примечательную брошюру «На борьбу с хулиганством в литературе» и писал: «Имажинизм тихо и уныло скончался, оставив после себя неприятные следы разбитых носов и пустых бутылок, или выродился в откровенную идеологию поножовщины, чубаровщины и хулиганства».

Подступающее творческое одиночество усиливал и пришедшийся на эти годы закат футуризма: умер Хлебников, распалось последнее объединение футуристов «Центри-

Сонька-маникюрщица», «Дунька-Рубиха», в которых обращался к исследованию жаргона и маргинального языка.

При этом он не прекращал писать стихи, о которых Борис Пастернак отозвался так: «Там, где иной просто назовет лягушку, Крученых, навсегда ошеломленный пошатыванием и вздрагиванием живой природы, пустится гальванизировать существительное, пока не добьется иллюзии, что у слова отрастают лапы».

Между тем писателя, вслед за Хлебниковым, один за другим покидали близкие ему люди. Эмигрировал Давид Бурлюк, переживший расстрел брата. Застрелился Маяковский... С годами Крученых все яснее начал осознавать, что реальная со-

ветская Россия мало похожа на столь желанную футуристами страну-Утопию, где торжествует безграничная свобода творчества.

В 1930-м вышли последние книги Крученых — «Ирониада» и «Рубиниада». А с 34-го его вообще перестали печатать. И в том же году не приняли в созданный на учредительном съезде под председательством Горького сталинский Союз писателей. Крученых не арестовали, не отправили в лагерь и не расстреляли, сочтя, вероятно, безобидным юродивым от поэзии. Его просто перестали замечать.

По большому счету, Крученых спасла страсть к книгам. Он занялся поисками рукописей Маяковского и Хлебникова. Итогом стали сте-

клографические сборники «Новый Маяковский», «Турнир поэтов» и серия «Неизданный Хлебников» (всего 24 выпуска), напечатанные мизерными тиражами. За 40 лет Крученых собрал ценнейшую коллекцию автографов и книжных раритетов, включая рукописи. После войны он продавал их книголюбам за гроши, чтобы свести концы с концами.

Книжная коллекция Крученых «имела целью не полноту, а скорее качественную составляющую: коллекционер собирал наиболее значительные, с его точки зрения, образцы современной литературы, будучи сам из литературы «выброшенным». И, прежде всего, там были книги наиболее близких ему по духу писателей, таких, как В. Маяковский, В. Каменский, Н. Асеев, Б. Пастер-

нак, В. Шкловский... С течением времени круг собираемых авторов расширялся, включив в себя Ю. Олешу, К. Чуковского, М. Зощенко, Вс. Иванова, П. Антакольского, М. Светлова...

Оставались еще авторские альбомы — изобретенный им вид литературно-художественного творчества, которым он увлеченно занимался на протяжении десятилетий. Альбомы Крученых представляют собой гигантский коллаж: смесь произведений изобразительного искусства, документов, дружеских записок, фотографий, страниц из книг, фрагментов своих и чужих рукописей, рисунков. Здесь же встречаются коллажи и литографии Родченко, Ларионова и Гончаровой, собственные коллажные композиции.

Все становилось содержанием альбомов, и из столь пестрого материала Крученых собирал свои причудливые композиции, безжалостно пуская в ход ножницы, смешивая и перетасовывая свидетельства повседневной жизни и продукты творческого воображения. В пространстве этих авторских альбомов создавался некий метаязык, заставляющий любой художественный факт включаться в бесконечный процесс циркуляции заново рождающихся образов, что приближает альбомные циклы Крученых к особому массмедийному типу современной культуры.

Во время войны Алексей Елисеич работал в «Окнах РОСТА». А в 1942-м году его все же приняли в Союз писателей, чей членский билет позволил голодавшему поэту пользоваться закрытой писательской столовой.

Увы, членство в СП СССР не приблизило Крученых в послевоенные годы к писательской среде и не улучшило его бедственного материального положения. Однако за литературным процессом он следил внимательно. В 50-е заметил и напутствовал поэтов лианозовской школы Г. Сапгира, И. Холина, а также поэтов более молодого поколения — Г. Айги, К. Кедрова, В. Казакова.

31 мая 1968 года в Центральном Доме литераторов состоялся первый и последний прижизненный творческий вечер А. Крученых. А 17 июня Алексей Елисеич скончался. В последний путь его почти никто не провожал. Урна с прахом поэта покоится в колумбарии Нового Донского кладбища в Москве.

86-летний Чуковский, свидетель первых выступлений футуристов, записал в дневнике на другой день после похорон 82-летнего Крученых: «Странно. Он казался бессмертным... Он один оставался из всего Маяковского окружения».

Обширное творческое наследие Алексея Крученых еще ждет своих вдумчивых исследователей, чтобы стать значимой частью нашего литературного достояния. □

Дмитрий Зелов

ИВАНГОРОД

Ивангород — уникальное место на просторах нашей Родины. Ведь только здесь, на берегах неширокой речки Наровы, ровно друг напротив друга, чуть не на расстоянии вытянутой руки, вот уже несколько столетий возвышаются две мощные средневековые крепости, разделенные, как и встарь, границами политическими и цивилизационными.

Наш рассказ пойдет об Ивангороде, старинной русской крепости, заложенной у западных рубежей Москвы в 1492 году. Тогда российской державой правил великий князь Иван III (1462-1505), по имени которого город и получил свое наименование. Русские стали строить свою каменную в форме неправильного четырехугольника крепость прямо напротив Нарвы или Ругодива (как издавна называлась на Руси эта принадлежавшая Ливонскому ордену древняя твердыня), на другом берегу реки, естественно, неспроста, а чтобы заявить права мужавшей державы на выход к Балтике. Благо от сих мест до моря было уже рукой подать, всего лишь около дюжины верст по течению Наровы. Возводилась крепость буквально на ровном месте, то бишь, с нуля.

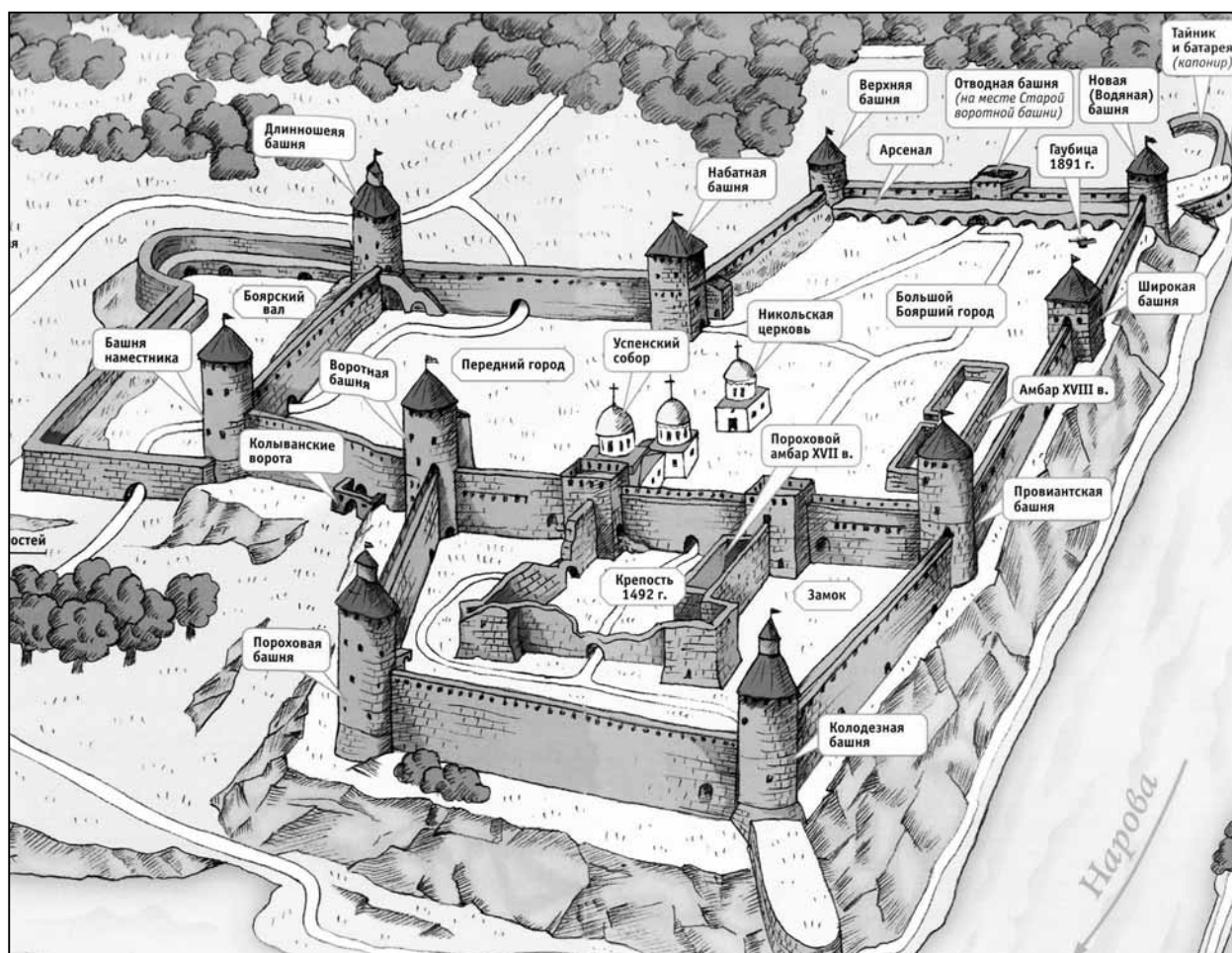
Ивангороду с самого начала его возведения предназначалась чрезвычайно важная в экономическом и политическом отношении роль — стать первым морским портом Русского государства и одновременно первой крепостью на Балтике. На исходе XV столетия торговый путь через Балтику приобрел исключительное значение для России и развития ее взаимоотношений с европейскими державами. Ибо, только обладая собственным портом на Балтийском море, можно было вести независимую от иностранцев торговлю.

Естественно, что выход на балтийские берега новой державы не мог понравиться соседям России и, прежде всего, Швеции. Уже через четыре года после основания Ивангорода пятитысячное шведское войско во главе с Сванте Нильсоном

Стуре прибыло под стены Ивангорода на 70 легких судах. Неприятель напал на малочисленный и слабо укрепленный гарнизон новой русской крепости, разрушив ее. Однако, ввиду приближения шедшего на подмогу своим русского войска, удержать ее не решился и поспешил удалиться восвояси. Впрочем, понимая геополитическую исключительность положения Ивангорода, русские довольно быстро восстановили крепость, заодно и расширив ее по площади. В итоге в начале XVI столетия Ивангород (или Контр-Нарва, как называлась эта русская крепость в немецких документах той эпохи) представлял собою мощный

форт с каменными стенами и десятью башнями, став первым в истории России оборонительным сооружением с регулярным, прямоугольным планом. Строители ивангородской крепости рубежа XV–XVI столетий органично вписали ее в рельеф местности: с трех сторон новая русская крепость была защищена рекой Наровой, делающей в этом месте сильный изгиб. Благодаря этому обстоятельству взятие Ивангорода, стены и башни которого подходили в этом месте непосредственно к водной стихии, практически исключалось.

В последующие века ивангородская крепость, будучи расположен-

ной на самой окраине страны, не раз становилась ареной ожесточенных сражений соседних с Россией держав за право обладания данной территорией, а значит, и контроля выхода к Балтике.

Древние хроники и старинные летописи сохранили для своих потомков много удивительных фактов, связанных с историей Ивангорода. Вот один из них. В середине XVI столетия, в самом начале затяжной Ливонской войны (1558–1583), в тот год, когда крепость приобрела свой окончательный вид благодаря пристройке к ней нового укрепления, прозванного Боярским валом, отношения между Московией и Ливонским орденом обострились до предела. Расположенные друг напротив друга Ивангород и Нарва периодически обменивались вялотекущими артиллерийскими дуэлями, приносившими, впрочем, ущерб и разрушения обеим сторонам конфликта.

В Страстную пятницу 1558 года, русские, по исстари заведенной традиции, обходили стены внутри ивангородской крепости крестным ходом. Со стороны Нарвы эта мирная процессия была видна как на ладони. Пользуясь незначительностью расстояния до расположенного на другом берегу Наровы Ивангорода, упившиеся вусмерть артиллеристы из нарвского гарнизона выкатили на стены пушки и обстреляли (вернее — расстреляли) прямой наводкой мирную церковную процессию. В результате были ранены и даже убиты не только многие воины, но и женщины

с малыми детьми. Правитель Московского государства Иван Грозный не стал сносить такое оскорбление России — и решительно двинул под Нарву русские войска во главе с воеводами Даниилом Адашевым, Алексеем Басмановым и Иваном Бутурлиным. В ходе решительного штурма расположенная на другом берегу реки Наровы мощная и хорошо укрепленная крепость Нарва, возглавляемая рыцарем Эрнстом фон Шнелленбергом, была взята русской армией 11 мая 1558 года (по старому стилю).

Невероятно, но в ночь перед падением нарвской твердыни в городе вспыхнул страшный пожар, остановить который жители крепости так и не смогли, несмотря на все предпринимаемые ими усилия. Согласно данным Никоновской летописи, причиной всепожирающего огненного столпа стало святотатство: накануне раздосадованные длительной осадой русскими своей крепости пьяные ливонцы бросили в костер православную икону Богородицы: «Цирульник Кордт Фолькен варил пиво, а в гостях у него были новоприбывшие рижане. Они увидели икону Богородицы, оставленную русскими купцами, и, подгулявши, стали глумиться над иконою и бросали ее в огонь. Вдруг пламя поднялось из-под котла кверху и охватило потолок. Поднялся вихрь и разнес огонь по всему городу». Разрушительный пожар оказал помощь русской армии в овладении Нарвой, а икона Богородицы была вскоре обретена на месте дома, где жил цирульник, целой и невредимой.

На последующие почти четверть века Нарва вошла в состав Московского государства. В город переселилось множество русских купцов и ремесленников, а торговля России со странами Северной Европы через Нарву, несмотря на продолжавшуюся Ливонскую войну, была очень прибыльной для державы Ивана IV. Ну а кроме того, россияне заложили верфь, где тут же начали трудиться «охочие до корабельного дела» мастера из Холмогор и Вологды, модернизировали у нарвских стен гавань-порт, в котором базировалась флотилия из 17 морских судов под началом датского подданного на русской службе Карстена Роде. Таким образом, именно русский царь Иван Васильевич, пусть и на сверхкраткий по историческим меркам миг, прорубил за полтора века до Петра I «окно в Европу».

Времена бывали разные, но даже временно уступая противнику ивангородские земли, Россия не переставала помнить о своих правах на этот край и предпринимать попытки к возвращению его обратно в состав Отчизны. Окончательно Ивангород вошел в состав Русского государства в 1704 году, когда в ходе Северной войны со Швецией держава Петра I отвоевывала занятые врагом почти век назад свои древние ижорские земли. С той поры средневековая крепость постепенно теряла свое стратегическое оборонное значение, а ее бывшие боевые славные страницы стали достоянием истории.

...Ивангород и Нарва: два города, две страны, два мира, напротив друг друга на расстоянии вытянутой руки... □

Ирина
Опимах

Портрет **Амалии Крюденер**

*Йозеф Карл
Штилер.
Автопортрет*

Йозефа Карла Штилера

Все туристы, приезжающие в Мюнхен, обязательно посещают любимую резиденцию баварских королей Нимфенбург — там находится знаменитая Галерея красавиц. В этой Галерее можно увидеть прекрасные портреты прекрасных дам, представительниц давно ушедшей эпохи. У каждой из них своя судьба,

своя история. А на одном из этих портретов изображена возлюбленная русского поэта Федора Тютчева.

В 1664 году курфюрст Фердинанд заложил первый камень в фундамент дворца Нимфенбург, и с тех пор пять поколений правителей Баварии переделывали и достраивали его. Постепенно вокруг дворца возник роскошный парк, рядом с основным зданием появились новые постройки. В 1825 году на мюнхенский престол вступил Людвиг I Баварский. Решив превратить свою столицу во «вторые Афины», он призвал к своему двору лучших писателей и художников Германии, оказывал им всяческое покровительство — покупал произведения искусства, поддерживал театры, издавал книги. Он и сам пробовал свои силы на ниве литературы, писал стихи, а потом публиковал их сборники. Правда, многие находили его сочинения графоманскими, но «все могут короли...» Людвиг внес большой вклад в развитие культуры своей страны, и даже один из самых ярких праздников Баварии связан с его именем. В 1810 году он женился на Терезе Саксен-Гильдбурггаузенской. Празднества, которыми была отмечена их свадьба, сыграли в жизни Германии незабываемую роль — именно с них началась история ежегодно устраиваемого в Мюнхене Октоберфеста.

Кроме искусства, Людвиг еще очень любил женщин — он был большим ценителем женской красоты и не пропускал ни одной красотки, попадавшей в поле его зрения. И однажды ему пришла в голову мысль создать галерею портретов дам, в то или иное время удостоенных его внимания. Написать такие портреты он доверил своему придворному живописцу Йозефу Карлу Штилеру (1781–1858 гг.). Штилер был очень неплохим художником. Его портрет Бетховена 1820 года — сегодня один из самых известных портретов великого композитора. Писал он и портреты Гете, Гумбольдта и других выдающихся людей того времени. Вот такому художнику Людвиг и поручил создать Галерею красавиц, как впоследствии была названа эта своеобразная коллекция. Среди героинь Штилера — не только аристократки, разные принцессы, герцогини и графини, но и простые горожанки, к примеру, очаровательная дочь мюнхенского сапожника Хелена Зельдмайер. Был здесь и портрет известной авантюристки Лолы Монтез, вскружившей голову Людвигу и во многом определявшей его политику и его жизнь после своего воцарения при мюнхенском дворе. Людвиг сам отбирал модели, причем при выборе роль играла не только красота, но и моральные устои (с точки зрения короля) дамы. Иногда выбранная королем красавица, в силу тех или иных причин, а чаще по бедности, не имела достойного туалета,

и тогда художник сам покупал для нее платье, и потом это платье, к большой радости дамы, становилось ее собственностью.

Людвиг обожал свою Галерею красавиц и несколько раз в неделю приходил полюбоваться на прелестные лица, точеные плечи, роскошные волосы, мастерски запечатленные на холсте Штилером. И, глядя на портреты, наверняка вспоминал пикантные подробности, незабываемые минуты встреч... Гейне, жестко высмеивавший короля и его поэтические потуги, писал:

Он любит искусство, чтоб с лучших дам

Портреты рисовали;

Как евнух искусства, гуляет он

В своем расписном серале.

В 1828 году в Галерее красавиц появился портрет Амалии фон Крюденер. Конечно же, такая очаровательная женщина не могла пройти мимо ценителя дамских прелестей пылкого короля Людвига, наверняка он ухаживал за ней, и кто знает, чем увенчались его ухаживания...

Амалия фон Крюденер родилась в 1808 году. Обстоятельства ее появления на свет до сих пор не вполне ясны. Она была внебрачной дочерью графа Максимилиана Эммануэля Лерхенфельда и княгини Терезы Турн-унд-Таксис, урожденной принцессы Мекленбург-Штрелиц. (Таким образом, по материнской линии Амалия приходилась кузиной будущей русской императрице Александре Федоровне, супруге императора Николая I.) Князь Турн-унд-Таксис, муж княгини Терезы, в то время находился в Париже по приглашению Наполеона (он занимался организацией почтовой службы — его род еще с XV века имел право на почтовую монополию в Европе). А краси-

вых женщин надолго оставлять одних нельзя. Отец Амалии, граф Максимилиан, скончался вскоре после ее рождения. В семье матери ее не могли оставить, и перед смертью граф Максимилиан попросил свою жену позаботиться о его ребенке. Та воспитала Амалию как приемную дочь, и она стала именоваться графиней Лерхенфельд, но без получения права на герб и генеалогию. Юная Амалия вела вполне светскую жизнь и блистала при дворе баварского короля.

В 1822 году в Мюнхен приехал молодой сотрудник русской дипломатической службы Федор Тютчев. Ему шел всего 19-й год. Он оказался в центре жизни баварской столицы и однажды на одном из приемов уви-

*Портрет
короля
Людвига I
Баварского*

дел очаровательную Амалию Лерхенфельд. Много лет спустя, в 1840 году, он писал своим родителям: «После России — это моя самая давняя любовь. Ей было 14 лет, когда я увидел ее впервые». «Младая фея» — так он называл Амалию в одном из своих стихотворений того времени.

*Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.*

*И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит.*

Анна Хиллмаэр

Маркиза Марианна Флорензи

*Ногой младенческой касаясь
Обломков груди вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.*

*И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал ...*

Молодой Тютчев был сражен наповал красотой Амалии и, по-видимому, даже просил ее руки, но... На ее высокородное семейство русский начинающий дипломат большого впечатления не произвел, и Амалию отдали замуж за другого русского дипломата, но уже секретаря русской дипломатической миссии Александра Крюденера, который был стар-

ше Амалии на 22 года. Ходили слухи, что возмущенный Тютчев (в январе 1825 года) даже вызвал Крюденера на дуэль, но она, к счастью, не состоялась — удачливый жених придрался к какому-то нарушению в дуэльном кодексе. Вскоре Тютчев тоже женился — на вдове Элеоноре Петерсон, урожденной графине фон Ботмер, даме старше его на 6 лет и матери троих детей. Любил ли он ее или просто женился, чтобы забыть Амалию? В одном из писем он так объяснял свое решение: «...Эта слабая женщина обладает силой духа, соизмеримой разве только с нежностью, заключенной в ее сердце... Я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня...

Каролина фон Холнштейн

Принцесса Мари, королева Баварии

Не было ни одного дня в ее жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновенья, умереть за меня!» Возможно, тогда именно это ему и было нужно — чтобы его просто любили...

Тютчевы и Крюденеры жили недалеко друг от друга, они принадлежали одному кругу, и наверняка Тютчев и Амалия часто виделись и общались. Не случайно, когда Крюденер в 1836 году, получив новое назначение, уехал с женой в Петербург, именно Амалию Тютчев попросил передать пакет со своими стихами в Россию, и 24 стихотворения из этого пакета были напечатаны Пушкиным в 3 и 4 томах его журнала «Современник». «Стихотворения, присланные из Германии» — так называлась эта подборка.

Дружба Амалии и Тютчева продолжалась и позже — в 1840-х годах, в то время Амалия очень помогала поэту. Дело в том, что в 1830-е годы Тютчев страстно влюбился в еще одну красавицу — молодую вдову барона фон Дернберга Эрнестину. Этот роман разрушил жизнь его жены и заставил поэта всю жизнь испытывать острейшее чувство вины. Узнав о неверности мужа, Элеонора Федоровна решила на самоубийство. Ей больше не хотелось жить. Кинжалом она нанесла себе несколько ударов в живот. К счастью, ранения не стали смертельными. Тютчев в это время отсутствовал, а когда вернулся домой, был потрясен до глубины души и поклялся никогда больше не изменять жене, даже уехал с се-

Нанетт Каула, дочь банкира

Амалия фон Холнштейн

мейством из Мюнхена, где развивалась вся эта история, в Россию, подалась от соблазна. Только вот это не помогло — организм Элеоноры был ослаблен, и вскоре она умерла от обычной простуды.

А Тютчев вскоре женился на Эрнестине. Баронесса была очень богата, и он не скрывал, что живет в основном на ее деньги.

Об этой скандальной истории много говорили в свете, и она, несомненно, повлияла на карьеру поэта. Вот тут ему и помогла Амалия.

Занимая блестящее положение при дворе, а также пользуясь благосклонностью самого государя (при дворе ходили слухи об их пылкой связи, недаром же Амалия получила в дар от царя имение «Собственное»

недалеко от Петергофа, да еще с роскошным парком!), госпожа Крюденер помогла поэту вновь занять достойное служебное положение.

Амалия тогда волновала души многих известных россиян. Среди них были и Тургенев, и даже Пушкин. «Вчера был вечер у Фикельмонов. Было довольно вяло, — рассказывал князь Петр Вяземский в письме своей жене. — Один Пушкин palpitoit de l'interet du moment (трепетал от вспыхнувшего интереса — фр.), краснея, взглядывал на Крюденершу и несколько увивался вокруг нее». Говорили, что после того, как император оставил «Крюденершу», его место рядом с ней занял всесильный Александр Бенкендорф, могущественный шеф жандармов и на-

Хелена Зельдмайер, дочь сапожника

Софи, эрцгерцогиня Австрии

чальник тайной полиции. Некоторые историки полагают, что Амалия занималась шпионажем (работала на Пруссию, правителям которой нужно было знать о настроениях в российском обществе, в военной верхушке) и всю использовала своих поклонников. Об этом пишут некоторые ее современники. Об отношениях Амалии с шефом жандармов Александром Бенкендорфом, например, писала великая княгиня Ольга Николаевна: «Она пользовалась им холодно, расчетливо распоряжалась его особой, его деньгами, его связями, где и как только ей казалось выгодным. Под добродушной внешностью, прелестной, часто забавной натурой скрывалась хитрость самого высокого порядка...» Но кра-

сивых, удачливых и умных — а Амалия была, несомненно, не глупа — часто не любят...

В 1852 году в Стокгольме умер барон Крюденер — он служил там российским посланником. Довольно скоро, выждав приличный срок траура, в 1855 году его вдова Амалия Крюденер стала графиней Адлерберг — она вышла замуж за очередного своего высокопоставленного поклонника генерал-губернатора Финляндии графа Николая Адлерберга.

Шли годы, но Тютчев не забывал свою первую любовь. Жизнь сталкивала их, правда, не часто, но ведь они принадлежали одному кругу европейской знати и их встречи были неизбежны. Так, они увиделись

в 1870 году. Встретились в Карлсбаде — поэт приехал на воды лечить свою подагру. Результатом той встречи стали чудесные строки:

«Я встретил вас, и все бывшее в отжившем сердце ожило; я вспомнил время, время золотое, и сердцу стало так тепло...»

А в последний раз Тютчев увидел свою Амалию 31 марта 1873 года. Ему оставалось жить всего два месяца. Она узнала о том, что его постиг апоплексический удар, и тут же приехала к старому другу. «Вчера я испытал минуту жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер, которая пожелала в последний раз повидать меня на этом свете и проститься со мной, — писал Тютчев дочери Дарье. — В ее лице прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй».

Амалия Крюденер, позже Адлерберг, умерла в 1888 году, пережив своего первого возлюбленного на 15 лет. Последние ее годы прошли в Гельсингфорсе, где она играла важную роль в обществе. Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, писала: «Теперь еще, в 76 лет, несмотря на очки и табакерку, она все так же хороша собой, весела, спокойна и всеми уважаема и играет то, что всегда хотела, — большую роль в Гельсингфорсе».

19 июня 1888 года вдова поэта Эрнестина Тютчева, узнав о кончине Амалии Адлерберг, написала письмо своей падчерице Дарье, с которой очень дружила: «...Я получила почту

с сообщением моего брата о смерти графини Амалии Адлерберг. Она скончалась в Мюнхене 10 июня и, согласно ее воле, должна быть похоронена в Тегернзее. <...> Меня никогда не связывала дружба с Амалией, но она — одна из самых старинных моих знакомых, моя память все еще видит ее красивой и стройной, как нимфа, в Эглофсгейме под Ратисбонном, где мы встречались в 1827 году. Она была уже замужем и даже имела сына от Крюденера, но была еще очень молода, всего на два года старше меня. Она очень занимала мое воображение и очаровывала мой взор своим лучезарным присутствием, окутанная какой-то странной тайной, долгое время остававшейся необъяснимой для меня. И вот эта младая фея, воспетая папá в одном из самых восхитительных его стихотворений в ту пору, когда он сам был молод, перешла на другой берег, где уже больше не старятся и где обитают, наверное, с Господним прощением за все грехи, совершенные в только что покинутой жизни, с чистотой и красотой своих первых лет...»

На этом «другом берегу» вместе с прекрасной Амалией — и король Баварии Людвиг I, хозяин Галереи красавиц, покинувший мир в 1868 году, и запечатлевший на своих полотнах блестящих дам начала XIX века его придворный художник Штилер, умерший в 1858-м, и замечательный русский поэт Федор Тютчев, и многие иные яркие и талантливые люди, создававшие нашу историю и культуру... □

Елизавета Лотова:

*«Я — человек сложный,
очень требовательный
и к себе, и к другим»*

Елизавета Лотова — молодая талантливая актриса театра и кино. Зрители помнят ее по военному сериалу «Разведчицы», где она блестяще сыграла курсантку Яну, бывшую уголовницу, по сериалам «Практика», «Отблески», «Семин», «Русский шоколад», «СОБР», по фильмам «Откуда берутся дети», «Я вернусь». Всего в ее арсенале участие в тридцати пяти кинопроектах. Большую популярность принесла ей главная роль в молодежной драматической ленте «Платон», где Лиза снималась вместе с Павлом Волей. Надо сказать, что актрисе удаются равно как драматические образы, так и комедийные. Сегодня она мечтает о профессии режиссера.

— *Елизавета, что нового в вашей творческой жизни происходит сегодня?*

— Сейчас для меня открывается новый мир, я поступила на режиссерский факультет Московской школы кино и всецело погружена в него. Я люблю планировать свой жизненный путь, и давно поставила себе такую задачу: если до тридцати пяти лет не стану мегаизвестной актрисой, тогда нужно идти дальше.

— *Принято считать, что режиссерская профессия — сугубо мужская, как скажем, дирижер, оператор. А что вы об этом думаете?*

— В этом году на кинофестивале «Кинотавр» было представлено много фильмов, снятых женщинами-режиссерами. Мне понравилась картина «Люби их всех» — яркая работа талантливого, молодого режиссера Марии Агранович. Невозможно было оторваться! И, конечно,

новый фильм Нигины Сайфуллаевой «Верность».

Женщины-режиссеры сегодня берут, можно сказать, бразды правления в свои руки, их становится все больше и больше, на «Кинотавре» они значительно опередили мужчин!

Актерская профессия — очень зависимая, ожидание роли — это самое страшное испытание для артиста. Нет ни формулы, ни секрета успеха. Актеру должна сопутствовать фортуна. Ты можешь быть очень талантливым, необыкновенно красивым артистом, но за свою «звездную» роль будешь бороться всю жизнь. А есть такие, кто и образования не имеет профессионального, а всю снимается в фильмах, и таких артистов сейчас много. Смотришь и думаешь, как это возможно... А ведь возможно.

Я хочу попробовать себя в качестве режиссера, и, надеюсь, что у меня получится! Ведь кто не рискует, не пьет шампанское!

— А кто ваши наставники в новой профессии?

— Алексей Попогребский и Павел Бардин — известные кинорежиссеры, сценаристы, они являются мастерами нашего курса.

— Будучи студенткой четвертого курса школы-студии МХАТ, вы дебютировали в комедийном сериале «Кто в доме хозяин?» и полюбились зрителям. Вы уже снялись во многих

сериалах, скажите, пожалуйста, а есть ли у вас любимая роль?

— Конечно, роль анестезиолога-реаниматолога Ольги в сериале «Практика», снятом для Первого канала.

Это был целый год съемок — отсняли восемьдесят серий, рабочий процесс был очень плодотворный, творческий.

Я из семьи врачей, и медицина, эта среда, всегда была мне близка и интересна. В юности сама немного поработала медсестрой, ассистировала маме, тогда я планировала стать врачом, но не стала, а в сериале «Практика» у меня была возможность «поиграть во врача». Актеры

всегда проживают жизнь своих героев, и в этом сериале я «прожила» жизнь врача. Моя бабушка всю жизнь работала гематологом, а дедушка был нейрохирургом в институте Склифосовского, известным в своих кругах врачом, его приглашали работать в Японию в советское время, но он отказался и не уехал из России. В Японии вышел тогда журнал с дедушкой на обложке, мы его храним как память.

— Вы работали в Московском драматическом театре имени Пушкина. Расскажите, как вы пришли в театр?

— Когда я училась на втором курсе школы-студии МХАТ, меня позвала Алла Михайловна Сигалова в спектакль «Ночи Кабирии», и я срочно ввелась на замену, потом была роль Фелисите в постановке Аллы Михайловны «Мадам Бовари».

После окончания Школы-студии МХАТ меня в этот театр пригласил работать художественный руководитель Роман Ефимович Козак, и первым моим спектаклем был «Офис» — на Малой сцене.

Работала в театре имени Пушкина до 2013 года и не хотела уходить, но так сложились обстоятельства... Романа Ефимовича Козака не стало... и для нас, артистов, это была трагедия...

Прошло время и, волею судьбы случилось так, что свой первый короткометражный фильм я сняла в театре Пушкина.

— Какие фильмы с вашим участием можно будет увидеть?

— Недавно состоялась премьера фильма «Верность», у меня там небольшая роль, но именно режиссер настоял, чтобы я ее сыграла. Новый фильм Анны Меликян «Фея» — выйдет в кино в марте.

— Елизавета, какой у вас характер?

— Очень сложный. Я — нетерпимый человек, очень требовательный по отношению к себе и к другим. Придирчива. Не тиран, конечно, но у меня железная воля, и я стараюсь идти вперед и всегда добиваться своих целей. Во что бы то ни стало.

— В прошлом было что-нибудь такое, о чем вы сожалеете?

— В 16 лет хотела уехать в США, учиться на актрису, но меня отговорили... Я тогда была совсем молодой девушкой и уступила взрослым, послушалась... Знаете, я думаю, что могла бы достичь определенных результатов, у меня очень целеустремленный характер. Эта страна — родоначальник киноиндустрии, там зарождалось и по сей день снимается настоящее кино. Не хочу никого обидеть, но мы пока их догоняем в этой области.

— Вы хотели бы попробовать свои силы в другом жанре?

— Я пробуюсь в мюзиклы. Беру уроки вокала, тренируюсь постоянно.

но. У меня хорошее музыкальное образование, в свое время я окончила московскую городскую детскую музыкальную школу имени Прокофьева, в пять лет начала учиться в Гнесинке игре на фортепиано, но, увы, это было недолго, еще я училась в джазовом колледже.

— Есть ли у вас увлечения в жизни помимо профессии?

— Профессия занимает все время, и моей одиннадцатилетней дочери Василисе тоже нужно уделять много внимания. Я пишу картины, вышиваю иконы бисером, иногда вяжу, играю на пианино, записываю в свободное время песни. Когда приходит вдохновение или же, наоборот, упадок творческих сил, мне нужно что-то сделать руками. Тогда я начинаю готовить для своих близких или ищу интересные картинки в Интернете и срисовываю, но при этом нахожу свой образ.

Люблю путешествовать — без этого я не могу жить! Побывала во многих странах мира, хотелось бы увидеть Австралию, Японию, США...

У меня есть любимая собака, и я с ней регулярно бегаю в парке.

Я занимаю свое время так, чтобы не было времени на хандру и грустные мысли.

— Хотели бы, чтобы ваша дочь стала актрисой?

— Нет. Не хочу. Это очень зависимая профессия.

— Кто из актеров вам особенно нравится?

— Когда мне задают подобные вопросы, я теряюсь, потому что их немало, как и любимых фильмов или книг...

Леонардо Ди Каприо — это мой любимый актер, остаюсь его верной поклонницей еще с самого детства! Он потрясающий! Смотрю на него, как профессиональная актриса, и не понимаю, как он играет ту или иную сцену, как он это делает... В одну секунду Ди Каприо может поменять свое внутреннее состояние, он умеет виртуозно управлять своим телом и разумом. Вот это Большой Артист! Рада, что наконец-то ему дали «Оскара».

— А в кино вы сами любите ходить? Что посмотрели недавно и что особенно понравилось?

— Американо-канадская картина «Джокер» — режиссера Тодда Филлипса. Прекрасная работа, классический голливудский сценарий, все четко вымерено — буквально по секундам. Актер Хоакин Феникс исполнил главную роль блестяще. Советую посмотреть этот фильм.

— Что бы вы хотели пожелать самой себе?

— Я бы сказала: ничего не бойся, иди к своим мечтам и целям. □

Беседовала
Елена Воробьева

Александра Кентауская

Запах скошенного сена

Светлана очень хотела замуж и сразу после окончания техникума решила создать семью. Она рисовала в своем воображении тихие, уютные семейные вечера, жаркие ночи с любимым и веселые выходные, с выездом на речку или в лес. И казалось, все мечты ее кто-то там наверху услышал, и тут же на завод, где Света трудилась бухгалтером, устроился симпатичный парень с редким именем Роберт. Его мать обожала какого-то заграничного актера, поэтому так и назвала единственного сына. Высокий, красивый широкоплечий brunet резко выделялся среди остальных молодых людей, и Светлана глаз с него не сводила. Роберт это заметил и тоже начал оказывать девушке знаки внимания. Они стали встречаться и однажды, гуляя вдоль реки, набрали на заброшенный сарай. В углу кто-то заботливо оставил сено.

— Ух, ты, какой пьянящий дурман идет от этого сена, — глубоко вдохнула пряный воздух Света.

— Видимо, не так давно скошено было, — сказал Роберт, — для себя, наверное, готовили.

— Если для себя, то почему не забрали, а здесь бросили? Странно!

— Смешная ты, Светик, они и приготовили, чтобы здесь оставить, — улыбнулся он.

— Да ну тебя! — рассердилась Света. — Нет, чтобы объяснить, а ты издеваешься!

— Сама напросилась, сейчас покажу зачем. — Продолжая широко улыбаться, парень крепко обнял Светлану, повалил в сено и стал целовать.

Вот так под лазурно-синим небом среди полевых цветов и запаха свежескошенного сена они стали впервые близки...

Прошло полтора месяца, пара продолжала встречаться, и все было прекрасно, но как только Света начинала заводить разговор о свадьбе, Роберт сразу уходил от этой щекотливой темы. В один из последних летних погожих деньков девушка поняла, что беременна, и на вечернем свидании неуверенным голосом сообщила новость.

— Блин горелый, вот ты какая податливая! Наверное, тогда на сеновале в первый раз и залетела сразу. Не собирался я жениться, не нагулялся еще, да, видно, придется.

По осени Ивановские сыграли свадьбу, а весной у них родилась Сонечка. Со стороны казалось, что семейная пара счастлива, и все у них сладко и гладко. Но Света начала ощущать охлаждение мужа к ней, особенно после рождения дочери. Бессонные ночи, плач ребенка, хождение по прививкам в поликлинику — все это раздражало Роберта.

— Эх, зря я женился, ну, рано еще мне! Все эти пеленки, крики буквально бесят меня. Только не рыдай, пожалуйста! Во-первых, ненавижу женские слезы, все вы актрисы хорошие, не верю в искренность рыданий, а во-вторых, на меня это не действует, — с досадой выкрикнул он, заметив, как глаза жены наполнились слезами.

Постепенно Роберт все реже и реже стал бывать дома, а если приходил, то только ел, спал и скандалил. Светлане это надоело, и она подала на развод, горько жалея, что когда-то, окруженная запахами летних цветов и свежего сена, поверила в его любовь.

Она решила махнуть рукой на чувства, занялась карьерой и воспитанием дочери.

Шли годы, ей уже было 59 лет. И все это время личную жизнь Светлана Игоревна провела в гордом одиночестве. Она всегда работала, растила Сонечку и уже не помышляла ни о какой любви. Пару раз ей предлагали руку и сердце, но, как говорится, обжегшись на молоке, дуют на воду. Вот так и Света больше не верила мужчинам.

Теперь, уйдя на пенсию и только изредка давая по телефону консультации молодым специалистам, Светлана Игоревна посвятила всю себя внукам-близнецам Паше и Саше и, в принципе, была довольна своей жизнью. Вот только здоровье иногда подводило.

Близился юбилей — ее шестидесятилетие.

— Мамочка, как будем отмечать? — поинтересовалась дочь. — Прямо дома соберем человек десять самых близких или шиканем в ресторане с толпой в тридцать гостей?

— Соня, прости, ни то, ни другое.

— Что случилось, мама?

— Ничего особенного, старость на носу. Шума не хочется, я бы, наоборот, уехала от этой суеты куда-нибудь подальше.

— Жаль, конечно, но желание юбилярши — закон. Я подумаю, мам, что можно сделать.

Через пару дней Соня пришла с работы в особо приподнятом настроении:

— Мамочка, держи, это тебе, — протянула она матери конвертик, в котором лежала путевка в санаторий.

Светлана Игоревна заглянула в конверт и радостно воскликнула:

— Дай я тебя расцелую, доченька! Это то, что я хотела — уехать, сменить обстановку...

Через неделю она уже прогуливалась по тенистым аллеям санатория, наслаждаясь покоем, тишиной, чудной природой и полезными лечебными процедурами.

Но на четвертый день произошла небольшая неприятность. Медсестра делала ей электрофорез, что-то пошло не так, и остался ожог. Сначала Светлана не особо его ощутила, но потом боль усилилась, и ей пришлось вернуться в процедурный кабинет. Она постучала и, услышав в ответ « войдите », открыла дверь. Медсестра укладывала какие-то инструменты, а пожилой мужчина, стоявший спиной, надевал рубашку.

— Девушка, у меня ожог после вашей процедуры. Что можно сделать? — недовольно, но вежливо проговорила Светлана.

— Не может такого быть! — нагловатым тоном ответила медсестра, но, увидев след от ожога, обороты сбавила и достала какую-то мазь. — Сейчас я смажу, и все пройдет.

— Вообще-то вам не мешало бы извиниться перед дамой за такое обслуживание, — неожиданно вмешался мужчина.

— Ну, извините, — сверкнув глазами, процедила сквозь зубы медсестра.

Когда Светлана Игоревна выходила из кабинета, мужчина вежливо придержал дверь, а потом бодро зашагал рядом с ней.

— Разрешите представиться, Иванцов Сергей Григорьевич, полковник в отставке, в разводе давно, так что имею право ухаживать за милыми дамами, — улыбаясь, произнес он. Светлане показалось, что даже щелкнул каблучками.

— Да вы гусар, как я посмотрю, — не смогла и она сдержать улыбку.

— Ну, гусар не гусар, но подход к женщинам имею, — усмехнулся Сергей Григорьевич, беря ее под локоток.

— А вот этого я не люблю! — резко остановила его Светлана.

— Чего именно?

— Быстрых хамов не терплю, так что для развлечений ищите другую особу, — резко перебила она.

И тут мужчина покраснел, сник и заспешил с извинениями:

— Простите, ради бога, на самом деле я далеко не гусар и не бабник. Уже семь лет как один и, наверное, одичал совсем. Одиночество такая страшная штука, как оказалось. Раньше я об этом не задумывался, понял только теперь, когда жена закрутила с лучшим другом, прямо как в сериале получилось, и ушла от меня.

Он замолчал. Света не ожидала таких откровений от незнакомого мужчины, и ей стало немного жаль его. Она попыталась как-то перевести разговор на другую тему:

— Я приехала из Калужской области, а вы?

— Я москвич, причем коренной. Дочь вышла замуж за иностранца и укатила в Америку. Так что я самый одинокий мужчина в огромном шумном городе. И я отнюдь не Казанова.

— Раз не бабник, значит, будем дружить, — подбодрила его Светлана Игоревна.

С этого дня они везде ходили вместе, и отдыхающие сразу окрестили их «пара Иванов», ведь она Ивановская, а он Иванцов. Вот такое смешное совпадение.

Почти две недели «пара Иванов» не расставалась, и вскоре оба почувствовали, что между ними возникла не просто симпатия друг к другу, а нечто большее.

Как-то они решили обследовать местность вокруг санатория. Когда вышли из зоны лесопарка, оба дружно ахнули: перед ними раскинулось безграничное поле, в котором ковром стелилось огромное количество колокольчиков и ромашек.

— Как тут красиво! — восхитилась Светлана Игоревна. — Вот только запах меня раздражает.

— У вас аллергия? — удивился Сергей Григорьевич.

— Нет, что вы! Просто мы сейчас прошли мимо свежескошенного сена, а у меня ассоциации с этим запахом с молодости очень неприятные.

И, неожиданно для себя, она рассказала свою грустную историю, добавив в заключение:

— Замужем я была всего три года, и с тех пор не верю ни одному мужчине. Все было красиво, нежно, ласково на том сеновале, столько слов любви было произнесено. А через три года Роберт стал как будто совсем другим человеком, грубым, жестким и чужим.

— Светлана! — резко повернувшись, посмотрел ей в глаза Сергей Григорьевич. — Поехали со мной в Москву. Я сделаю все, чтобы ты была счаст-

лива. Ты мне понравилась сразу, еще там, в процедурном кабинете. Поживешь неделю, месяц, сколько захочешь. Не понравится — уедешь. Умоляю тебя, поехали! У меня послезавтра кончается путевка. Дочери позвонишь, все объяснишь. Она у тебя, как я понял, девочка разумная, все правильно поймет.

— Как в Москву? — опешила Светлана и растерянно добавила: — А вещи?

— Господи, какие вещи?! У тебя с собой кое-что есть, остальное купим, у меня приличная пенсия. Скажи главное — ты согласна просто попробовать жить вместе?

— Даже не знаю, — неуверенно ответила Светлана. — Все это так неожиданно и стремительно...

— Нехорошо напоминать, но нам с тобой немало лет уже, и я не хочу тебя потерять, и ждать тоже не хочу.

Через день они уехали в Москву. А через месяц Светлана Игоревна приехала за своими вещами домой.

— Мамочка, наконец-то вернулась лягушка-путешественница! Как я соскучилась, и Пашка с Сашкой!

— Сонечка, я не вернулась, я приехала за вещами.

— Как? Ты все-таки решилась? — удивилась дочь.

— Да, Сонечка, я уезжаю. А вы к нам будете приезжать на каникулах, я внукам всю Москву покажу. Зоопарк, цирк, Театр юного зрителя.

— Как же все-таки ты решилась? — повторила Соня.

— Ты не представляешь, как я тебе благодарна за эту путевку! Сережа с меня пылинки сдувает, кофе в постель подает. Я о таком мужчине мечтала всю жизнь!

— Так ты что, действительно влюбилась? Разве такое бывает?

— Как видишь, бывает! И в 60 лет нашелся мой мужчина, настоящий мужик и моя мечта! □

Белый раб, или Приключения российского купца осмнадцатого столетия

Известное всем высказывание, что правда бывает порой невероятнее и фантастичнее вымысла, в полной мере применимо к герою нашего повествования. В самом начале сюжет, в общем-то, был банален и незатейлив.

В 1780-м году, в правление царицы-матушки Екатерины, молодой нижегородский купец Василий Баранчиков поехал на ярмарку, где удачно, с большой выгодой для себя, сбыв товар. Два воза кож. На радостях отметил невероятно удачный день в ближайшем кабаке с приятелями, с коими познакомился здесь же, на ярмарке... После чего очнулся ночью в снегу без гроша в кармане. Деньги же, весьма приличная, кстати, сумма, на которые был куплен им товар, были взяты в долг и, естественно, требовали возврата. Не желая с позором возвращаться в родной город, где его ждала не только жена с малыми детьми, но долговая тюрьма, Баранчиков на перекладных добрался до столицы империи, где нанялся матросом на российский корабль, отправлявшийся в заграничное плавание. Жалование ему посулили хорошее, и через пару-тройку лет он смог бы вернуться домой, как говорится, на коне, полностью покрыв свои убытки. И все бы так и могло быть, ведь расторопный и смысленый матрос Василий Баранчиков был на хорошем счету у владельца судна, но... У датских берегов, в порту Копенгагена он попался в лапы черных вербовщиков, охотившихся за живым товаром. Посулив наивному Василию золотые горы и подпоив его, они насильно отвезли его на свой корабль, державший путь в Вест-Индию. В результате Баранчиков очнулся уже в трюме корабля, прикованный цепью, как и его товарищи по несчастью, которых везли на продажу на плантации тростника.

Баранщикову повезло, ибо срок службы и черных, и, тем более, белых рабов на плантациях был очень недолог и завершался всегда печально. Бывшего нижегородского купца отдали сначала в местные рекруты на острове Святого Фомы, а затем обменяли на двух аборигенов с соседнего острова, и он попал во дворец местного генерал-губернатора в качестве домашней прислуги.

А дальше... дальше нашему герою удалось сбежать и на венецианском торговом судне добраться до средиземноморских берегов, где их корабль был захвачен османскими пиратами, а сам Баранщиков насильно обращен в ислам и отдан в рабство. В его жизни было еще много необыкновенных кульбитов: неудачные попытки бегства из турецкой неволи, служба в янычарском войске, вынужденная женитьба на турчанке и поддержка неравной борьбы греческих партизан-клефтов против чужеземного ига...

Обо всем этом, как и многом другом, Василий Баранщиков бесхитростно написал в ставшем невероятно популярным при российском дворе сочинении «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина из Нижнего Новгорода, в трех частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год», выдержавшем до конца столетия четыре издания. Приключениями Баранщикова заинтересовалась сама императрица, и есть версия, что государыня даже удостоила нижегородского купца своей высочайшей аудиенции. Гонорары от продажи издания, расходившегося как горячие пирожки, а также подписной лист, открытый вельможами в пользу Баранщикова, позволили ему покрыть с лихвой долги вместе с набравшимися по ним процентами. Так что финал у этой истории выдался, к счастью для Василия и его впавшей за годы его длительного отсутствия в крайнюю нужду семьи, на редкость хорошим и счастливым.

A

Лауреат

— Ну? Скольких ты убил сегодня?

От жены тянуло резким, сладковатым запахом. В обычно спокойном голосе Эли сейчас звучали истерические нотки.

Эйфорин. Опять.

— Ты же обещала... — Рудников устало опустил на стул в прихожей, упираясь носком в каблук, один за другим стянул неудобные ботинки.

— Не-ет... — Эля мотнула головой, качнулась, но не упала, ухватившись за стену. — Ты меня не собьешь!! Скольких ты убил сегодня, а, Кирилл?

— Прекрати!

— Почему это? Когда м-муж приходит с работы, хорошая жена... по-дает ему тапочки и спрашивает, как успехи на службе. Мой муж у-у... убивает людей. Вот я и спрашиваю: скольких ты...

— Успокойся! Ты говоришь неправду. Повторяешь, как попугай, за всякими писаками.

— Д-да, конечно... Я говорю н-неправду, соседи говорят неправду, в новостях пишут н-н... неправду! Один ты у нас правдивый. Спаси...тель человечества. А ты знаешь, почему Андрей ушел из университета?! — Распалаясь, она говорила все громче, все быстрее и выше. Под конец уже почти визжала.

— Эля...

— Знаешь или нет?! Отвечай! А-а, не знаешь! Так я тебе расскажу — твой сын не хотел больше отвечать за фамилию отца! Не мог выносить плевков в лицо и ненависти окружающих! Я тоже боюсь! Стоит мне выйти на улицу, как мне начинает казаться, что каждый встречный готов вцепиться мне в горло! Ты это понимаешь?! Нет, ты не понимаешь!

Пальцы Эли схватили Кирилла за пиджак, словно она хотела потрясти мужа за грудки. Но бурный всплеск эмоций отнял последние силы — эйфорин она приняла уже давно, и пришло время расплачиваться за несколько часов радостного забытья. Подступила дурнота, слезы, рот наполнился горькой желчью. Эля обмякла, повисла на Кирилле, и, уткнувшись лицом в несвежую рубаху мужа, заплакала:

— Не надо, Кирилл... не надо больше. Откажись от Проекта, попроси... п-п... перевода, уволься, наконец. Проживем без... твоих премий. Только...

Рудников погладил жену по затылку, запутался в свалявшихся волосах. Секундное наваждение прошло. Никогда уже не будет, как прежде.

Эля снова качнулась, уткнулась спиной в косяк и медленно сползла на пол. Какое-то время она еще продолжала бессвязно бормотать, пока не затихла на полуслове и захрапела, нервно вздрагивая во сне.

Кирилл хотел отнести ее в спальню, но едва он просунул руки под мышки, она встрепенулась и отчетливо пробормотала:

— Не трогай меня! Ты — убийца!

Рудников вздрогнул, как от удара, выругался. Снял с вешалки куртку, накрыл Элю и прошел в кабинет.

В электронном ящике теснилась неразобранная почта. Кирилл устало пощелкал мышью, прокрутил первые два десятка писем. Как обычно — поровну угроз, обещаний вечного адского огня и лаконичных, полных безысходности писем из хосписа: «Согласен участвовать. Мне уже все равно».

Сколько их уже прошло через Проект! Таких же вот отчаявшихся, измученных химиотерапией, операциями, сжигаемых страшной болью, от которой давно уже не помогают ни уколы морфия, ни наркотное забытье.

Какой-то очередной портал «желтых» новостей просил об интервью. Рудников даже не стал вчитываться — все их вопросы он знал наизусть. В том числе и тот, самый главный, который Кирилл ежедневно задавал себе сам: когда?

Раньше он говорил срок, потом, когда все сроки прошли, стал уклоняться от ответов. Разве мог он сказать «не знаю»? Чтобы тогда сделали с Проектом и с ним самим?

Когда он впервые начал разрабатывать тему, все казалось таким простым. А вот когда Минздравсоцразвития согласилось финансировать Проект, простоты не осталось, но путь к победе все еще выглядел широким, ровным и светлым.

Тест №6332, саркома брюшной полости. Результат отрицательный, значительное ускорение роста опухоли, появление метастаз. Показан цикл химиотерапии.

Рудников сбросил на комп результаты сегодняшних экспериментов. Он дублировал рабочий журнал автоматически, сам не зная зачем. Однажды Андрей дерзко спросил, не потому ли Кирилл методично копирует все материалы на домашний компьютер, что боится, как бы его любимый Проект не прикрыли, а драгоценные данные не арестовали вместе со всем оборудованием?

Тогда он еще ночевал дома, но с отцом уже почти не общался. А если и говорил, то вот так — высокомерно и грубо, с нотками брезгливого презрения в голосе.

В тот раз Рудников промолчал, понимая, что уже давно потерял сына и что любая фраза, любая попытка оправдаться вызовет лишь очередной поток обвинений, хлопанье дверью и горькие слезы Эли.

Ночь не принесла облегчения. Несмотря на бесконечную усталость, сон никак не шел. Часов до трех Кирилл проворочался на кушетке в кабинете — без жены широченная супружеская кровать, свадебный подарок тестя, казалась ему пустой и неудобной. Под утро все-таки удалось ненадолго задремать, но в черную сонную пустоту то и дело вползали огненные строчки: «Согласен участвовать».

Неудач Проекта, сломанных ступеней бесконечной лестницы то ли к ослепительному свету, то ли в самые нижние пределы ада, стало так много, что Рудников начал забывать их лица. Или скорее — старался забыть. Днем получалось, а ночью они приходили снова, иногда один-два или несколько десятков, но чаще все сразу.

Он проснулся от собственного стога, рывком сел на кровати. На мгновение Кириллу показалось, что рядом на стуле сидит жена, что она все-таки пришла ночью и сидела тихонько, всматриваясь в него спящего, да так и задремала... Но это оказался лишь неряшливо сброшенный вчера на спинку пиджак и мятые джинсы. Сердце пропустило удар, болезненно сжалось и снова забилось в привычном ритме.

Эля спала в ванной, положив голову на край раковины. Из крана тоненькой струйкой текла вода: после окончания действия эйфорина жену всегда мучила сильная жажда.

Рудников не стал ее будить, умылся в кухне, сварил ударную дозу горького и черного, как тоскливая меланхолия, кофе. Выпил в три глотка, почти не чувствуя вкуса, и долго рылся в шкафу, пытаясь найти глаженую сорочку.

Но перед уходом на работу он все-таки осторожно отнес Элю на кровать, укрыл пледом и поставил на тумбочку стакан с водой. Может, просто хотел оттянуть начало нового дня? Хотя бы пять минут побыть просто

мужем, что отвечает всего лишь за свою семью, а не за надежду и боль сотен тысяч обреченных...

Наверное, Кирилл и сам этого не знал. Он лишь порадовался, что жена спит почти спокойно и даже немного улыбается во сне.

Иногда так важно порадоваться хоть чему-то, уходя из дома. Особенно если там, за дверью, радоваться давно уже нечему.

У ворот Центра привычно толпились просители, стоял автобус телевизионщиков, увенчанный аляповато раскрашенной тарелкой. Рудников теперь не пользовался своей машиной — увидев знакомые номера, его бы просто не пропустили внутрь без очередного скучного и бесполезного интервью. И хорошо, если бы стойку делали только журналисты, две недели назад он едва прорвался через ряды протестантов. Обычно они ограничивались яйцами, скомканными бумажками и прочим мусором, но тогда дело дошло и до камней.

На проходной было пусто. Кирилл с сожалением подумал, что теперь мало кто из сотрудников торопится прийти пораньше, как это было в первый год Проекта. Энтузиазм и вера в скорую победу над раком по-хорошему гнали людей на работу лучше высоких зарплат и премий.

Рудников и сам всегда приезжал за час или два до начала, но теперь он делал это один.

Впрочем, нет. Не один.

В просторном и гулком холле стоял, покачиваясь, высокий и сутулый человек в одноразовом лабораторном халате. На шее у него болтались маска и защитные очки, подвернутые рукава открывали крепкие руки с крупными кистями. Кожа на ладонях и запястьях покраснела от постоянного мытья — как часто бывает у хирургов, — но в неверной полутьме Кириллу почудилось, что руки у человека вымазаны кровью.

— А-а! Вот и сам господин руководитель пожаловали! Доложить результаты, или и так понятно?!

С неприятным удивлением Рудников понял, что Камов выпил куда больше, чем мог себе позволить.

— Ты пьян?!

— Да! — с вызовом сказал тот. — И не только я! Ты что, ничего не замечаешь? Да у меня половина лаборатории скоро станут алкоголиками! Ребята пьют, как верблюды, чтобы заглушить совесть. Некоторые ночуют здесь! Слышишь, Рудников! Ночуют! Потому что им стыдно идти домой! Ты хоть ТВ смотришь? Читаешь новостные ленты? Знаешь, как нас называют в СМИ? Клуб государственных убийц! Нас травят, Кирилл! Как бешеных собак!

— Отдохни, Слава, выпись. Когда я звал тебя в Проект, то не обещал, что будет легко. Если тебе тяжело — увольняйся. Или работай без реф-

лексий, как я. Биться головой о стену — трусость, честнее довести дело до конца, чтобы не стыдно было смотреть в глаза самому себе.

Ему действительно до сих пор удавалось держать себя в бронированном кулаке. Выпады и травля стекали по непроницаемому панцирю, которым Рудников окружил себя. Кто-то ведь должен держаться и дальше тянуть страшную и почти уже бессмысленную ляжку.

Кирилл обошел покачивающегося Вячеслава, мельком подумал, что зам, и правда, выглядит не очень — набрякшие веки, красные, слезящиеся глаза, по лицу растеклась нездоровая бледность. Как бы и в самом деле не спился.

— Хочешь всемирной славы? — зло бросил Камов ему вслед. — Думаешь, потомки памятник поставят? А новым Менгеле прослыть не боишься?!

Рудников сбился с шага, хотел развернуться, взять Камова за шкуру, словно напрудившего лужу щенка, бросить в лицо пару яростных фраз... Удержался с трудом.

— Его результатами по гипотермии и баротравмам медицина пользуется вполне осознанно. Без, как ты говоришь, ненужных рефлексий. Но никто почему-то не называет его именем клинику или исследовательский центр!

Это был не тот Камов, который шесть лет назад блистательно защитил докторскую на ученом совете и которому Кирилл предложил престижную работу в Проекте сразу после официальной части банкета.

— Мне не нужна клиника, — помолчав, медленно проговорил Кирилл. — Уж ты-то знаешь лучше других...

— Знаю. Но всем не объяснишь. Нас по-другому не называют: «Проект Рудникова», и никак иначе.

— Тебя так волнует, что пишут журналисты? Раньше они делали из нас героев, а теперь — так и не дождавшись результатов — мешают с грязью.

— Да! Волнует! Потому что их читаю не только я! Жена, мама, друзья... Они ничего не говорят прямо, Кирилл. Но мне уже не верят. И я не могу запретить им думать и шептаться за моей спиной.

«Хорошо, когда только за спиной, — подумал Рудников, вспомнив Элю. — Тебе пока везет, Слава. Твое имя упоминают только вместе со мной и на вторых ролях. Обычно меня полоскают в одиночестве».

— Пятнадцать минут славы очень быстро превращаются в месяцы и годы ненависти, если ты не можешь обеспечить немедленный результат. И ты решил сдаться, Вячеслав? Руки опустились?

Камов заметно сник. Огонь, еще недавно полыхавший в глазах, куда-то ушел, уступив место усталости, отчаянию и неверию в собственные силы.

— Дело не во мне. Я был с тобой с самого начала и — ты прав — пойду до конца. Даже после таких ночей. — Он отстраненно посмотрел на свои кисти и спрятал их за спину. Наверное, ему, как и Кириллу, тоже виделась везде чужая кровь. — Но кроме нас в Центре работают еще несколько

сотен человек. И с каждым днем остается все меньше тех, кто верит в успех. А те немногие, что не сломались, больше не гордятся своей работой и стараются пореже об этом вспоминать. Особенно на людях.

Перед солидной дверью с табличкой «Руководитель Проекта» Кирилл остановился, вставил в прорезь личную карточку. Индикатор плеснул зеленым, замок загудел и щелкнул. Рудников вошел в кабинет, досадуя про себя, что вместо привычной утренней работы придется теперь успокаивать зама, вести бесконечный разговор, в котором им обоим прекрасно известны все слова и фразы. Но Вячеслав остался снаружи. Помялся на пороге, звучно сглотнул и пригладил волосы.

Кирилл подумал, что он собирает силы на заключительную «парфянскую стрелу», и не ошибся.

— Помнишь самую несмешную медицинскую шутку? — спросил Камов. — «Чем крупнее врач, тем больше у него кладбище». Если судить по результатам, ты у нас, как минимум, должен быть министром здравоохранения. А то и председателем ВОЗа.

«Вот и Вячеслав сдается. Если не выдержит и он — я останусь совсем один». Надо держаться. Верить и держаться.

Только где взять еще хотя бы немного этой самой веры, когда ее не хватает уже не только на друзей и близких, но даже на себя самого?

После работ по расшифровке генома научный мир всерьез взялся за проблему искусственного конструирования ДНК. Конечно, генетическое программирование человеческого организма пока еще оставалось делом неблизкого будущего — и не только по морально-этическим причинам, не хватало мощностей и быстродействия даже суперкомпьютеров. Но отдельные типы клеток уже поддавались перестройке, тем более что один из них, чужеродный и смертоносный, никак не хотел уступать современной медицине, несмотря на все богатство ее арсеналов.

Сбросив на кресло надоевший пиджак, Рудников сел за стол, развернул к себе экран компьютера, старательно отводя глаза от висевшего на стене наградного листа. Каждую строчку он давно выучил наизусть, особенно ту, что, набранная старинным витиеватым шрифтом, красовалась в графе «Название работы»:

Кирилл Рудников, «Методы управляемой перестройки раковых клеток».

Когда-то лаконичные формулировки вселяли в него гордость и наивную веру, а теперь при взгляде на них Рудников испытывал лишь стыд и бессилие. Поэтому он старался не смотреть в ту сторону, но, по закону подлости, красочный бланк в застекленной рамочке упрямо лез в глаза.

Увы, теория оказалась слишком сырой и пока еще далекой от практики. Точнее — от практической пользы, словно и не было пяти лет невероятных усилий, сотен проб и тысяч неудачных экспериментов.

На первых порах веселые отороженные лаборанты перекрестили Центр лечения рака в Центр мучения рака. Сейчас эта шутка уже не казалась такой смешной.

Да и молодежь давно утратила прежний веселый задор и чистые идеалы.

Слишком тяжело раз за разом разрабатывать новые схемы, просчитывать их, воплощать на практике... чтобы снова получить отрицательный результат.

А за каждым из них — живой человек, обезличенно названный в журнале наблюдений больным или пациентом, но все равно живой, который вдруг получил самый фантастический на свете шанс. Шанс перестать медленно умирать. Потому и нет до сих пор недостатка в добровольцах, несмотря на все неудачи.

Пока нет. Некоторые эксперименты заканчивались ничем, разве что удавалось чуть замедлить рост опухоли, затормозить распространение метастаз. Дать человеку лишний месяц жизни. Но чаще развитие пораженных клеток ускорялось. В некоторых случаях едва ли не в форсажном режиме. Больной сгорал от рака даже не за месяцы или дни — за считанные часы. И революционный метод лечения, в который так верил мир еще совсем недавно, превращался в изощренный способ убийства.

Тяжело, когда приходится искать последний штрих открытия методом проб и ошибок, когда приходится идти наугад, нащупывая дорогу практически вслепую. Говорят, Эдисон, пытаясь найти подходящий материал для нитей накаливания электрической лампочки, перепробовал шесть тысяч материалов.

Но у него за каждым экспериментом не стояли чужие страдания и человеческая жизнь.

Тест №6333, рак поджелудочной железы. Результат отрицательный, ускорение роста метастаз. Показано немедленное хирургическое вмешательство.

Вот она, ночная работа Камова: новый пациент, новая схема перестройки — все новое.

Только результат все тот же. Очередная неудача.

В начале осени толпа у входа в Центр впервые попыталась ворваться внутрь. Точное число Рудников сразу забыл, все они были для него одинаковыми, ярко-желтые листопадные дни — но, наверное, это случилось где-то в первой декаде октября.

Агрессия росла постепенно, Кирилл просто не замечал, не слишком веря в тревожные доклады охраны. Но сначала журналистов и просителей сменили протестующие одиночки с плакатами, потом целые группы и, наконец, — парадный въезд плотно перекрыла толпа. Они не уходили даже на ночь, дежурили, сменяясь, по двадцать четыре часа, но сам Рудников, да и боль-

шинство старших врачей приезжали на работу по дальней аллее, куда обычно пускали только амбулаторные автомобили и фургоны «скорой».

В тот осенний день с забытой датой демонстранты внезапно поперли на забор и ворота, облепили прутья решетки. Под весом десятков тел створки угрожающе прогнулись.

Полиция приехала быстро, но нескольких охранников успело поранить камнями и пустыми бутылками. На первом этаже приемного корпуса пришлось заменить полдюжины разбитых стекол.

К концу месяца счет нападений пошел на десятки, а половина крепких парней из секьюрити подали заявления об уходе.

Доклад начальника охраны лежал на столе у Рудникова в общей папке невеселых новостей. Камов получил копию и пришел к руководителю почти сразу, взъерошенный и несколько растерянный:

— Что же делать, Кирилл?

— Работать. Охрана нас не касается, Тележников прекрасно знает свое дело. Снимет внутренние посты, сократит патрулирование. Справится.

— Но... ты понимаешь, что будет через месяц? Уже сейчас мы практически в осаде! А когда уйдет последний охранник, сюда ворвется толпа, и нас просто линчуют!

— Прекрати истерику! — хлопнул ладонью по столу Кирилл. — Никто сюда не ворвется. Все не уволятся, да и тем, снаружи, просто надо стравить пар, выплеснуть эмоции...

— Но что мы им сделали? Им всем? — Камов нервно ткнул большим пальцем куда-то за спину. — Я могу понять родственников наших больных, но там же не только они!

— Знаешь... — Рудников поднялся, подошел к окну, с минуту бездумно смотрел в застекленную серость с морозящим дождем и мокрыми голыми деревьями. — Дав людям надежду, ты на короткое время становишься героем. Но стоит им эту надежду потерять, как из героя ты превращаешься в кровавого монстра, убийцу и — что еще более непростительно — в обманщика и шарлатана. Нам мстят, Слава, мстят за то, что когда-то позволили уговорить себя в нас поверить. А те, кто уговаривал, писал восторженные статьи и снимал красивые репортажи, теперь маршируют во главе крестового похода.

Совсем скоро Рудников убедился, что снова ошибся. В охране оставалось все меньше людей, да и они совсем не стремились рисковать жизнью ради давным-давно развенчанного Проекта.

Где-то через неделю после памятного разговора с Камовым Кирилл задержался на работе допоздна. Минздрав требовал очередную докладную записку — и Рудников добросовестно писал многостраничный отчет.

Конечно, его можно было сдать и завтра, но он давно уже не торопился домой. Эля ушла слишком далеко — после сына он потерял и жену, — и за порогом давно забытого семейного уюта его не ждало ничего такого, ради чего стоило бы торопиться.

Откуда-то снизу донесся едва различимый звон, словно деревянный молоточек ударил в неисправный камертон. Рудников не стал вслушиваться, поглощенный сухими казенными строчками, да и звук больше не повторялся.

Он успел написать больше половины, когда в дверь неожиданно постучали. Удивленный, Кирилл покосился на часы — половина второго ночи. Кто еще мог остаться в Центре, кроме него, вынужденного трудоголика?

Дверь распахнулась, впустив в привычную кондиционированную тишину запах гари и шумное дыхание запыхавшегося человека. На пороге мялся охранник в перемазанной сажей униформе. В руках у него Рудников заметил огнетушитель со свернутым набок раструбом.

— Кирилл Александрович! Хорошо, что вы на месте. Вызывайте полицию срочно, у нас все линии перерезаны! А я, пока тушил, где-то рацию потерял.

— Тушили?! Что случилось?

— Да вот, — на чумазом лице секьюрити появилась улыбка, — «зажигалку» бросили с улицы. Бутылку с горючей смесью. Хорошо, я заметил, а то могла бы беда случиться. Нас сейчас совсем мало, патрулирование отменили: почти вся смена сидит на въезде, сторожит идиотов.

Холодея, Рудников потянулся к телефону.

— Точно потушили? Может, пожарных заодно...

— Не беспокойтесь, Кирилл Александрович, оно толком загореться-то и не успело. Я куртку сверху кинул и пеной залил. Сначала, правда, растерялся — пытался ногами затоптать... Штаны вот чуть не сгорели.

Он снова улыбнулся, радостный и довольный, что все кончилось, что он не оплошал и справился. Рудников смотрел на оплавленные ботинки, на обгорелые лоскуты форменных брюк и обожженную кожу в прорехах.

— Как ваша фамилия? Я скажу Тележникову, вам положена премия.

— Да не надо мне премии, — посмотрел Кириллу прямо в глаза охранник. — Мама моя у вас лежит, Василькова Мария Николаевна.

Он повернулся и ушел, но Кирилл не стал окликать его, а начал спешно листать базу с историями болезни — в журнале экспериментов не было фамилий, только безликие «больные» и номер теста, но в базе можно было найти конкретных людей.

Вот она, Василькова М.Н. Тест №8714.

На всякий случай он проверил и журнал, хотя прекрасно помнил результат.

Тест №8714, рак кишечника. Результат отрицательный, ускорение роста метастаз. Химиотерапия невозможна. До следующего теста больная может не дожить.

Васильков уволился через неделю и даже, как говорили, не пришел забирать положенные выплаты. Потом его видели в группе протестантов, избивших двух работников второй операционной.

По предложению Камова, в каждой лаборатории вывесили небольшое цифровое табло. Без надписей, без украшений, просто цифры, неумолимо меняющиеся с частотой сердечного ритма. Конечно, никакой мистики в этом не было — компьютер знал, что примерно каждые сорок секунд на Земле от рака умирает человек, и просто прибавлял единицу к числу на табло.

Табло завешивали, загораживали шкафами, даже несколько раз срывали со стены, но на следующий день оно появлялось снова.

Через неделю трех аналитиков пришлось отправить на психическое ре-кондиционирование — у них случился нервный срыв.

К декабрю проект перешагнул десятитысячный эксперимент.

Тест №10009, острый лейкоз. Результат отрицательный, взрывной рост, эвтаназия.

Среди ночи Камова разбудил звонок.

Он ждал его со страхом каждую бессонную духоту, когда приезжал ночевать домой, хотя выспаться все равно не получалось. Каждую минуту, оказавшись вне стен Центра, он ждал вот этого телефонного сигнала. И неважно, что в нем — закрытие Проекта, арест, пожар, бомба... Уже неважно. Вячеслав больше не верил в хорошие новости.

— Доктор Камов? — сухо спросил официальный и властный голос. — Срочно приезжайте в Центр. У входа вас встретят.

— А в чем дело?

— Приезжайте. Ваш начальник мертв. По предварительной версии — покончил с собой.

Когда взломали дверь, все уже было кончено. Рудников полусидел в кресле, голова — или вернее то, что от нее осталось — бессильно склонилась набок. Стена за спиной самоубийцы казалась черной от запекшейся кровавой кляксы.

Компьютер на столе мерцал звездным небом скринсейвера, заливая полутемную комнату холодным морговским светом. Позже, когда медэксперты констатировали то, что было понятно и так, когда увезли тело, и попрощался до утра сухощавый следователь, Камов догадался проверить рабочий ноут Кирилла.

Видимо, Рудников успел написать несколько писем: почтовая программа оказалась открытой. Но прочесть их или хотя бы выяснить адреса по-

лучателей Камов не смог — отослав почту, Рудников аккуратно стер всю переписку.

В журнале наблюдений прибавилась всего одна запись:

16:42. Тест №13546, аденокарцинома легкого. Результат положительный, проверка подтверждает. Повторная проверка подтверждает.

Все. Теперь можно. Прости, Эля.

Действительно все, понял Камов. Решение получено, найдена, наконец, единственно верная схема перестройки клеток. И теперь Кирилл Рудников мог ни за что больше не отвечать. Или — если быть точным — мог больше не держать ответственность в себе, не сжимать волю в кулак, надеясь довести до конца начатое дело.

Глобальной задачи, ради которой можно принести в жертву все... больше не было. А вина осталась. Чудовищная вина за тринадцать тысяч уничтоженных надежд. Ее вешали на Рудникова со всех сторон, и, в конце концов, он поверил в нее сам.

Выстрел прозвучал примерно в 17.00.

Самый пожилой из экспертов, мусоля в руках безникотиновую сигарету, мрачно, в паузах между жадными затяжками, рассказал Камову, что несколько минут Рудников был еще жив. Целил точно в правый глаз, но немного промахнулся. Перед смертью ему было очень больно.

Только теперь Камов понял — почему.

— Нет, — едва слышно пробормотал он. — Кирилл не промахнулся. Он так себя наказал.

Спустя три года профессор Рудников станет нобелевским лауреатом по медицине и физиологии человека.

Посмертно.

За всю историю Королевского Нобелевского комитета никогда еще премия не присуждалась через столько времени после смерти ученого. И никогда раньше на нее не номинировали посмертно. В статуте, воплотившем пожелания самого Нобеля, сказано, что «посмертное награждение возможно лишь в том случае, если кандидатура впервые выдвигалась еще до смерти лауреата». Но в этот раз комитет согласился нарушить сложившуюся веками традицию.

В погоне за сенсацией журналисты раскопают уйму подробностей. В том числе и то, что, несмотря на массу громких имен среди конкурентов, нобелевские академики выбрали Рудникова единогласно.

Еще через два года антираковый имплантант официально назовут «чипом Рудникова», а новейший исследовательский комплекс по наномедицине в Цюрихе тоже получит его имя.

Но Кириллу Рудникову будет уже все равно. □

Александр Ратнер

ТЫ

Пресвятая моя, таинственная,
Золотая моя, единственная,
Безгреховная, богоравная,
Нравом — ровная, ролью — главная,
В полдень — строгая, в полночь — милая,
Легконогая, быстроекрылая;
Хоть мала, а душой великая,
Кабала моя солнцеликая,
Неземная, неповторимая,
Вся родная и вся любимая,
Всех дороже и молчаливее...
Дай-то Боже, чтоб всех счастливее!

МОЛИТВА

Под музыку ветра, который порывом
Срывает листья золотую парчу,
Хоть я и безбожник, но в страхе счастливом
Во имя тебя небесам прошепчу:

«Господь, обрати свои взоры к поэту.
Быть может, я слаб в богомольных азах,
Но все же безгрешную женщину эту,
Как я на земле, возлюби в небесах.

За жест, преисполненный таинств и дрожи,
За взгляд, что лучится сродни янтарию,

Навек одари ее счастьем, Боже,
А если не сможешь — я сам одарю.

От губ нелюбимых и злого совета,
От слез и от боли, подобной огню,
Храни ее, Боже, на многие лета,
А если не сможешь, — я сам сохраню.

Услышь — и да сбудутся помыслы эти,
Которые к небу восходят мольбой.
Ведь если исполнит их кто-нибудь третий,
То, значит, бессильны мы оба с тобой.

Ты волен за дерзость святыми перстами
Меня покарать, но ее не покинь.
И знай: если б мы поменялись местами,
Я б все твои просьбы исполнил. Аминь!

Казалось бы, ничто для нас не ново,
За исключением, разве что, седин.
Друг друга понимаем с полуслова,
Пусть даже в слове слог всего один.

Нас времена не лучшие встречают,
Но на меня и Бога положись.
Счастливые часов не замечают,
А мы с тобой не замечаем жизнь...

Какой бы ни достигли высоты,
Мы все уйдем — иного нет удела.
Душа, как птица, вырвется из тела
И воспарит над миром суеты.

Ну а пока она не отлетела,
 Спешу запечатлеть твои черты,
 Мечтая, чтоб в моих сонетах ты
 И век спустя на век помолодела.
 Мне не дано узнать, на сколько лет
 Я в памяти людской оставлю след,
 Он исцелит кого-то или ранит.
 Но коль не обесмертит мой сонет
 Тебя, то он, — и в том сомненья нет —
 Благодаря тебе, бессмертным станет.

Марине

Моложе я намного, и секрет
 Открою — он, как ты, мой ангел, светел:
 Я меньше жил почти на сорок лет,
 В которые тебя еще не встретил.

Полжизни спал, как в коме, без конца,
 Был слеп душой и разумом не гибок,
 Перебирал то лица, то сердца,
 Но метод проб стал методом ошибок.

Утраченных годов мне не вернуть,
 Но не жалею их — ни все, ни каждый, —
 Ведь это же из них сложился путь,
 Которым я к тебе пришел однажды...

Те двое, что жили и были
 Когда-то, в предавние дни,
 Друг друга безмерно любили,
 И счастье делили они.

Столетия промчались, и снова
 Такие же он и она

Ту пару до жеста, до слова —
 Во всем повторяют сполна.

По многим счастливым приметам,
 Любовь им затмила умы.

Откуда я знаю об этом?
 Все просто: ведь двое те — мы.

Хмелит любви безоблачной вино,
Но вскоре хмель проходит, как ни грустно.
Тем дольше и прочнее наше чувство,
Чем выстрадано более оно.

Любовь — как чаша, а любить — искусство,
Которое в одном заключено,
Чтоб чашу до конца испить и, дно
Узрев, души отпраздновать безумство.

Но ежели не сбился праздник в ней
И не испита райская услада,
То оттого лишь, что любви лампада
Стократ сильнее звезд и солнц сильней
Тому сияет до последних дней,
Кто с нею превозмог все круги ада.

Подчас любовь становится виной.
Я чаши сей, похоже, не миную,
Но все же не хочу испить иную,
Поскольку эту делишь ты со мной.

Полуседой, как юноша, рискую,
Расплачиваясь новой сединой,
Но пью захлеб напиток неземной,
Чтоб снова юность обрести земную.

Пусть самая высокая цена
Назначена судьбой за счастье наше.
Припав устами к недопитой чаше,
Я заплачу, любимая, сполна.
Воистину любовь к тебе — вина,
Но трижды оправдание — она же.

Елизавета Маренина

Ромашковое поле

На ромашковых полях я бывал и раньше, и никогда не находил в них ничего особенного. Казалось, что может быть необычного в холмике с травой? Я действительно так считал, но в этот раз все сложилось иначе. Теперь ромашковое поле магнитом притягивало меня. Каждый день я приходил

От редакции: Лиза Маренина еще очень молода, ей всего лишь семнадцать лет. Но ее тонкое восприятие окружающего мира и вполне четкое владение словом дает надежду, что в будущем она может стать настоящим прозаиком.

сюда рано-рано утром, садился на небольшой мостик, который, по словам сельчан, помогает людям переправляться через реку вот уже который десяток лет, и слушал неповторимые звуки утра. Я ждал, терпеливо ждал ее — мою новую знакомую. Она приходила чуть позже, к восьми утра, садилась рядом со мной и сразу же начинала рассказывать, что ей сегодня снилось. Я всегда старался запомнить все, вплоть до самых незначительных мелочей, потому что, вернувшись домой, переписывал ее сны на бумагу.

Каждый день девочка приходила в белом платье и с заплетенными в две косички рыжими волосами. Глаза ее серые, словно туман, а сама она — как ромашка. Самая обыкновенная ромашка, такая простая и приятная.

Однажды я спросил:

— Сколько тебе лет?

Она посмотрела на меня с долей разочарования и вздохнула:

— Неправильный вопрос. Разве так трудно спросить что-нибудь поинтереснее? Например, на что похоже то облако? Или что я больше люблю рисовать: кактусы или орхидеи? Кому я дарю букеты ромашек, которые собираю здесь каждый день? Откуда я знаю, что у радуги девять цветов, а, допустим, не десять?

— Семь, Алиса. У радуги семь цветов, — улыбнулся я.

— Нет, — возразила рыженькая и посмотрела мне прямо в глаза: — Их девять, я точно знаю.

Потом она замолчала и продолжила собирать ромашки для букета. Я лег на мягкую траву и взглянул на небо. По нему плавно плыли сотни облаков, и, как ни странно, ни одно из них не напоминало мне какой-либо фигуры. Девочка тем временем стала плести венки из собранных ромашек.

«Девять цветов радуги...» — мысленно повторил я и хотел, было, спросить у нее про радугу, как внезапный порыв ветра нагло разбросал собранные Алисой цветы по всей поляне. Но это нисколько не смутило девочку, что меня очень удивило. Она встала и помахала кому-то рукой.

— Что ты делаешь? — удивленно спросил я.

Рыженькая подошла ко мне, села рядом, достала свой альбом и протянула мне. Обложка альбома была темно-синего цвета с цветочными узорами, а в правом верхнем углу было написано «Алиса». Я без лишних вопросов открыл его, и на первой же странице увидел рисунок существа, похожего на маленького старика с тростью. Один его глаз был серый, второй — зеленый. Длинная борода соломенного цвета была завязана резинкой, а на голове красовалась шляпа, которая полностью закрывала его лоб.

— Это хранитель леса, — пояснила Алиса. — Его зовут Иерхан. Каждый день он проходит здесь, и мы приветствуем друг друга. Он очень стар, мудр, всегда помогает лесным обитателям, и за это вознагражден даром: хранитель леса может управлять ветром. Недавно он подарил мне подсолнух и сказал: «Набери в вазу речной воды, поставь в нее цветок. Пусть он стоит на том окне, где будет встречать первые лучи солнца, тогда ты сможешь любоваться им вечно».

Договорив, рыженькая подскочила и принялась собирать разбросанные ромашки.

Конечно же, все это звучало несколько странно. Алиса часто рассказывала мне какие-то истории о непонятных существах, да с таким выражением лица, будто то, что она говорила — чистейшая правда. Открыв вторую страницу ее альбома, я увидел рисунок мальчика. В руках он держал букет тюльпанов и широко улыбался. По возрасту нарисованный мальчик был, как Алиса, однако волосы у него почему-то не то серебристые, не то седые, и это показалось мне необычным.

Очередной порыв прохладного ветра перевернул около десяти страниц. И я увидел на листе бумаги белого толстого кота с галстуком. Он сидел на скамейке, в одной лапе держал газету, а в другой — стаканчик кофе. Это было настолько забавно, что я не сдержал улыбки.

— Его зовут Валентино, — пояснила рыженькая. — Он, наверное, самый интересный кот в мире. Что бы я у него ни спросила — он всегда знает, что ответить. С ним легко и весело. Он путешествует по миру и, возвращаясь сюда, а возвращается он зимой, рассказывает мне про Англию, Индию или, например, Африку. Хотя нет, в Африке он был однажды, и ему там не понравилось. А здесь ему нравится. Зимой тут много снега, и он может не переживать за свою белоснежную шерстку.

Я промолчал.

В этот момент зазвонил телефон. Я достал его из кармана своих брюк, заранее зная, что он предвещал. Как ни прискорбно, мне необходимо было уехать, а значит, больше не видеться с Алисой. Конечно, без меня для нее мало что изменилось бы, но не это важно, а то, когда я смогу увидеть ее снова.

— Алиса... — осторожно окликнул я ее.

— Что-то случилось? — спросила она так тихо, будто боялась, что ее громкий голос может спугнуть кого-то.

— Мне придется уехать, — сказал я. — Причем надолго.

Рыженькая задумалась, потом присела на траву, сорвала пять ромашек и повторила мои слова:

— Надолго... Это сколько?

— До зимы. Зимой я обязательно вернусь, — ответил я. — Как только ты увидишь первый снег — знай, что я скоро приеду. И, может быть, ты познакомишь меня с Валентино.

Она промолчала, лишь посмотрела на меня, забрала свой альбом с рисунками и ушла, даже не попрощавшись.

Я долго стоял и все смотрел на то место, где совсем недавно сидела рыженькая девочка и собирала ромашки. Узнаю ли я, для кого она их собирает? Наверное, нет, ведь я даже не поинтересовался. Мне были интересны совсем другие вещи, которые, по сути, не важны. Теперь я так и не узнаю, что она любит рисовать больше: кактусы или орхидеи. Возможно, кактусы, но нельзя быть уверенным. Не узнаю, почему у радуги девять цветов, хотя теперь свято верю в это. И мне вряд ли удастся познакомиться с мальчишкой, волосы которого почему-то серебристого цвета. Конечно, если я вернусь сюда зимой, мне станет известно все, но если нет... Это ужасно, ведь это так важно — знать, что где-то в Англии сидит за столом кот в галстук с белоснежной шерсткой и слушает рассказы англичанина, отпивая чай с лимоном. Так хочется верить, что на одном из подоконников стоит ваза с подсолнухом, который каждый день встречает первые лучи солнца. Знать, что в глухом лесу ходит его хранитель и в знак приветствия посылает тебе легкий, свежий ветерок. И так важно слышать стук колес проезжающего мимо поезда, после которого обычно появляется Алиса.

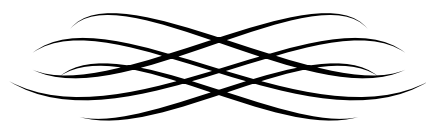
Я лег на шелковистую траву, посмотрел в небо... И — о, чудо! — одно облако мне показалось похожим на кота. И тут же я нарисовал в голове образ Валентино, гуляющего по улицам Лондона. □

Алла Зубкова

Шоломез

для
мадам
Санд

*История любви
Жорж Санд
и Фредерика Шопена
считается
едва ли не самой
романтической из всех
известных по веку
девятнадцатому.
При всем при этом,
даже сегодня, спустя
полтора столетия,
не существует
однозначного ответа
на вопрос, связывала
ли этих двух
незаурядных людей
страсть, или это
были какие-то
иные чувства...*

Графиня д'Агу прищурила свои прекрасные зеленые глаза, которые в парижских салонах сравнивали с глазами хищной рыси. Ее собеседница, баронесса, недавно вернувшаяся в столицу после долгого пребывания в провинции, терпеливо ожидала ответа на свой вопрос.

— Мадам Санд? — Графиня наставительно подняла пальчик, словно желая подчеркнуть значимость своих слов. — Любовники для нее — всего лишь кусочки мела, которыми она пишет на грифельной доске. Закончив, давит мел каблучком, наблюдая, как улетучивается пыль.

— Значит, наш бедный Шопен обречен?

— Я вижу, дорогая, вы разделяете мнение большинства, — усмехнулась графиня. — Разумеется, образ беспомощной пташки, бьющейся в когтях могучей орлицы, очень романтичен. Вопрос в том, соответствует ли эта картина действительному положению дел. Наш Шопен неподражаемо грациозен, когда кашляет, но, извините за невольный каламбур, в этом нерешительном и непостоянном человеке только кашель и есть нечто постоянное. Так что поверьте, дорогая, неизвестно, кто у кого в когтях...

Тридцать с небольшим лет, которые Аврора-Люсиль Дюпен, позднее получившая титул баронессы Дюдеван, но известная всему миру как Жорж Санд, провела до встречи с Фредериком Шопеном, вместили в себя множество событий. Здесь

и раннее неудачное замужество, и рождение двоих детей, и блестящая литературная карьера, которую она избрала лишь потому, что нуждалась в деньгах.

Современные женщины не очень хорошо представляют себе, чем обязаны Жорж Санд. А жаль. Тем из них, кто стремится сочетать профессиональную карьеру с обязанностями и радостями материнства, кто выступает против системы двойных стандартов, которую проповедуют мужчины, должны помнить, что именно Санд первой вступила на этот путь, и помянуть добрым словом автора «Консуэло».

Несколько слов о ее родословной. Среди предков этой удивительной женщины короли перемешались с монахинями, знаменитые воины и авантюристы с актрисами, маркитантками, а, возможно и с цыганками. Что и говорить — взрывоопасная смесь. Вероятно, именно ей Жорж Санд и обязана своим потрясающим жизненным, смелостью в поступках и неутомимой жадностью в любви.

Составлять список ее любовников — дело недостойное, а главное — бесполезное. Ведь в течение нескольких десятилетий молва приписывала ей практически всех скольконибудь известных литераторов, художников и политиков. Сама же Санд отличалась большой скрытностью во всем, что касалось ее интимной жизни, и потому имена мужчин, пользовавшихся ее благосклонностью,

Жорж Санд

за исключением героев совсем уж «хрестоматийных» связей, остаются неизвестными. Бальзак утверждал, что Санд якобы сама предлагала ему стать ее любовником, но он отказался, не желая оказаться номером четырнадцатым или пятнадцатым. Впрочем, в подобных делах великий Оноре всегда был склонен фантазировать и преувеличивать. Вот его собрат по перу Проспер Мери́ме действительно был любовником Жорж. Правда, их связь длилась всего лишь... неделю. Кстати, боль-

шинство ее романов с сильными, уверенными в себе мужчинами были столь же краткими, а хрупкие, женственные, нерешительные и болезненные создания, напротив, возбуждали в ней материнские чувства и надолго привязывали ее к себе. Таковы были отношения Жорж с Жюлем Сандо, Альфредом де Мюссе, и, наконец, с Фредериком Шопеном.

Шопен... Уже начавший завоевывать европейскую известность двадцатилетний польский музыкант появился в Париже в 1836 году

и сразу же стал желанным гостем аристократических парижских салонов. Экзальтированные светские дамы бурно восхищались изысканными полонезами, мазурками и вальсами молодого гения. Внешняя привлекательность и обаяние Шопена в немалой степени способствовали росту его популярности. Невысокий, хрупкого телосложения, он отличался грацией и изяществом движений.

Сын матери-польки и отца-француза, Шопен не принадлежал к аристократии, но всегда преклонялся перед людьми с титулами. Он не любил большие залы, предпочитая играть в салонах знати для избранных. Насмешники утверждали, что, чем более титулованными были слушатели, тем лучше играл Фредерик.

Интересная бледность молодого поляка и легкий налет печали и ме-

Когда Шопена познакомили с Жорж Санд, впечатление, которое она на него произвела, благоприятным назвать трудно. Санд никогда не была красавицей — вытянутое лицо с высокими скулами и большим лбом, сонные карие глаза никак не отвечали канонам классической красоты. Вдобавок, странная одежда — мужской редингтон, галстук, сапоги на высоких каблуках и неизменная сигара во рту придавали ей вид немного даже агрессивный

Пепельно-русые волосы обрамляли одухотворенное лицо, на котором сияли выразительные карие глаза. Тонкий, с легкой горбинкой, нос придавал Фредерику вид несколько надменный и отчужденный. Одевался он всегда с большим вкусом, предпочитая жемчужно-серые цвета. Не располагая сколько-нибудь значительными средствами, он, тем не менее, постоянно держал для своих надобностей наемную карету, не говоря уже о лакее, который заботился о его белье и завивал ему волосы.

ланхолии, отличавшие все его поведение, убеждали наблюдательных парижских дам в том, что он недавно пережил некую любовную драму. Это было тем более очевидно, что в своих отношениях с великосветскими поклонницами его таланта Фредерик никогда не выходил за рамки вежливого платонического восхищения их красотой. Что ж, стоит отдать должное пронизательности парижанок. Шопен действительно оплакивал неудачную любовь. В течение последних лет его сердцем владела

*Фредерик
Шопен*

Справа:
*Мария
Водзинская*

юная польская аристократка Мария Водзинская. Шопен давал ей уроки музыки. Между ними ничего не было, кроме робких пожатий руки и часов, совместно проведенных за фортепиано, когда он импровизировал, стремясь выразить чувства, которые не осмеливался облечь в слова. Фредерик посвятил ей очаровательный вальс. Он считал себя обрученным с Марией после одной из

прогулок по вечернему дрезденскому парку, когда, наконец, набрался смелости сказать, что любит ее. В ответ он тоже получил робкое признание. Однако отец Марии граф Водзинский, владевший крупным имением в Польше, вовсе не собирался отдавать дочь бедному музыканту, к тому же имевшему еще и серьезные проблемы со здоровьем. (Сестра Шопена умерла от чахотки, но сам

он считал, что его постоянный кашель вызван частыми простудами и бронхитами). Марии и в голову не пришло противиться воле отца. Тем не менее, желая пощадить гордость молодого человека, родители, особенно мать Марии, не объявляли отказ окончательным. По большому счету это лишь усиливало агонию Шопена, который продолжал на что-то надеяться. Лишь летом 1837 года он получил письмо от графа, в котором ставились все точки над «і».

Жорж Санд Шопен был впервые представлен зимой 1836 года. Впечатление, которое она произвела на него, благоприятным назвать трудно. Санд никогда не была красавицей — вытянутое лицо с высокими скулами и большим лбом, задумчивые, даже несколько сонные карие глаза — все это, разумеется, не отвечало канонам классической красоты. Странная же одежда — мужской редингот и галстук, сапожки на высоких каблуках и неизменная сигара, придавали ей, по мнению Шопена, вид немного даже агрессивный.

Он, конечно, ошибался. Ничего угрожающего в манерах Жорж, походившей в своем необычном наряде на миниатюрного пажа, не было. Но слишком уж отличалась она от кроткой и нерешительной Водзинской, которую так целомудренно любил музыкант. После встречи Фредерик заметил: «Какая несимпатичная женщина эта Санд. Она действительно женщина? Я готов в этом усомниться». Жорж пришлось потратить не-

мало усилий, чтобы развеять эти сомнения неопытного музыканта, которого она твердо решила завоевать. Шопен был пуглив как молодой олень. Любая лобовая атака немедленно заставляла его спасаться бегством. С перерывами эта борьба длилась более полутора лет и закончилась полной победой Жорж. «Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл, — писал Фредерик в своем дневнике, — и ее ласкающие взоры отуманили меня. Она меня любит... Аврора, какое очаровательное имя!»

Кстати, он единственный из всех любовников Санд всегда называл ее настоящим именем — Аврора.

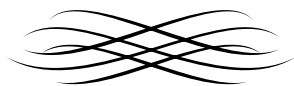
Жорж обожала своего возлюбленного, преклонялась перед его гением. А он нашел в ней великодушие и силу, которой ему часто не хватало.

Шопен аккуратно перевязал стопку писем Марии Водзинской ленточкой, вложив между страничками подаренную ему засушенную розу. На обертке нарисовал крест, а чуть ниже написал крупными буквами

ской костюм), успела добежать до угла и прыгнуть в наемный экипаж.

Не желая вновь подвергать себя и своего возлюбленного опасности, она решила на время покинуть Париж. Это было тем более кстати, по-

Большую часть года Санд и Шопен проводили в Париже. Жорж необходимо было общаться с издателями, а Шопен зарабатывал уроками музыки, которые давал светским барышням. И хотя заработок был почти мизерным, он очень серьезно относился к этим урокам, так как гордость не позволяла ему жить на средства возлюбленной

«Моя печаль». Это было, скорее всего, данью сентиментальности. Сердце Фредерика уже целиком было отдано новой возлюбленной.

Влюбленные были безмятежно счастливы. Впрочем, одно облачко на горизонте все-таки маячило. Последний любовник Санд, репетитор ее сына, Фелисьен Мальфиль, тяжело переживал свою отставку. Это не только огорчало, но и пугало Жорж. Страстный и ревнивый, как все креолы, Мальфиль вздумал каждый день дежурить напротив квартиры Шопена, поджидая Санд. Однажды увидев ее выходящей из дома любовника, он с пистолетом в кармане ринулся ей навстречу. К счастью огромная неуклюжая карета преградила ему путь, и перепуганная Санд, подобрав юбки (в тот день она не надела муж-

тому что ее сын Морис после болезни нуждался в отдыхе в теплых краях, да и кашель Шопена вызывал тревогу. По совету друзей решили ехать на Майорку.

Пальма, главный город острова, встретил их в ноябре ярким солнцем, лазурным морем и благоуханием апельсиновых и лимонных садов. Поначалу они вообразили, что попали в рай. Это впечатление, впрочем, скоро рассеялось. С них содрали чудовищную плату за две скромные меблированные комнаты, в которых только и были складные кровати, жесткие соломенные матрацы, да несколько стульев. Внутри все буквально пропиталось запахом прогорклого оливкового масла и чеснока. Утонченный, избалованный Шопен страдал невыносимо. Жорж на-

шла другой, более просторный домик. Любовь помогла сделать первые дни приятными. Прекрасные вечера на террасе в самом разгаре декабря. Поцелуи под гранатовыми деревьями и магнолиями. ... Но вскоре начался сезон дождей. С небес низвергались потоки воды, а крыша домика напоминала сито. Все вещи отсырели, а согреться можно было лишь с помощью маленьких жаровен, которые топились древесным углем. Их чад вызывал у бедного Шопена приступы мучительного кашля. Он чувствовал себя настолько плохо, что пришлось вызвать сразу трех докторов. После осмотра и краткого консилиума эскулапы поставили неутешительный диагноз — чахотка. С быстротой молнии распространился слух о том, что болезнь парижан-

нина заразна, что, в общем-то, было сущей правдой, и от Шопена стали шарахаться на улице. Владелец дома потребовал, чтобы жильцы немедленно покинули его жилье, пока «зараза не въелась в стены дома, сделав его непригодным для проживания». При этом они обязаны были заплатить за побелку стен и даже за постельное белье, которым пользовались. По испанским законам о разных больных, оно должно было быть сожжено.

Кто-то подсказал Жорж, что они могут поселиться в заброшенном монастыре, который носил название Вальдемоской обители. Мрачные кельи не улучшили настроения Шопена. Кроме того, он сильно нервничал по поводу своего пианино, которое застряло в местной таможне.

Жорж Санд и Фредерик Шопен. Работа Э. Делакруа

Лишь благодаря героическим усилиям Санд инструмент удалось, наконец, получить, и Жорж лично руководила целым взводом солдат, которые с невероятным трудом втащили тяжеленное пианино на отвесную скалу, где высился монастырь.

Она вообще проявляла во время пребывания на Майорке чудеса самоотверженности, нежно и терпеливо ухаживала за Шопеном. Привередливый Фредерик не выносил местной кухни, и ей пришлось самой готовить ему обеды. Провизию закупала также она, торгуясь с лавочниками Пальма, которые старались содрать с приезжих побольше. Помимо всего этого, Жорж успевала подтягивать детей по школьным предметам, а вечерами,

браня скверные местные чернила, писать очередной роман — ведь семье были нужны деньги.

Так прошло несколько месяцев. Когда, наконец, Шопену стало лучше, они начали готовиться к отъезду. Опять возникли проблемы с инструментом. Везти его домой было безумно дорого, а в Пальма никто не хотел покупать пианино, клавиш которого касались пальцы чахоточного. В конце концов инструмент за весьма скромную сумму приобрела одна французская семья. (Ее потомки в течение целых ста лет считали эту вещь своей главной гордостью и ценностью. Сейчас пианино Шопена находится в Вальдемоской обители, превращенной в музей, и является

основной приманкой для приезжающих туристов.)

Путешествие из Пальма в Барселону Жорж с детьми и Шопен совершили на судне, где кроме них «пассажирами» оказались около сотни... свиней. Животным был создан больший комфорт, чем бедному Фредерику, которому капитан выделил самую старую и скверную койку — ведь после использования ее надлежало сжечь. Подобное отношение к любимому человеку вызвало негодование Санд, всячески убеждавшей себя в том, что причиной постоянного кашля Фредерика являются бронхиты и катары. По приезде во Францию Жорж повезла «своих троих детей», теперь она включала в их число и Шопена, в свое поместье в Ноан. Ее нежный заботливый уход и чудный воздух Ноана сделали свое дело — Шопен чувствовал себя теперь гораздо лучше.

Фредерик любил Ноан. В последующие годы они каждое лето приезжали сюда. Шопену здесь очень хорошо работалось. Однако сельские радости и развлечения были ему чужды. Жорж так ни разу и не удалось заставить его искупаться в реке. Не любил он и пешие прогулки по полям. Лишь изредка поддавался он на уговоры Жорж и ее детей, Мориса и Соланж, сопровождая их в близлежащий лес. Впереди по тропинке со смехом бежали дети. Иногда Жорж бегала с ними наперегонки. Процессию замыкал Шопен верхом на ослике и... в белых перчатках.

Он был необыкновенно чистюля, и неудобства деревенской жизни порой приводили его в отчаяние. Жорж вспоминала, как в одно знойное лето он особенно страдал от жары. «Это эфирное создание, — со смехом говорила она, — с великим удивлением открыло, что потеет так же, как и все прочие люди».

Большую часть года Санд и Шопен проводили в Париже. Жорж необходимо было постоянно общаться со своими издателями, а Шопен зарабатывал преимущественно уроками фортепиано, которые давал светским барышням. Его гениальная музыка воспринималась как слишком новаторская, и потому нотные издатели не платили ему тех денег, которые его произведения, безусловно, заслуживали. Подсчитано, что за всю свою очень короткую жизнь он заработал в общей сложности не более 25 тысяч франков. Для примера скажем, что Жорж лишь за год зарабатывала около 20 тысяч. Тем не менее, он очень серьезно относился к своей педагогической деятельности, так как гордость не позволяла ему жить на средства возлюбленной.

Санд с детьми поселилась на улице Пигаль, 16, где она занимала два павильона, отделенных от улицы большим и красивым садом, а Шопен поначалу устроился поблизости на улице Тронше. Но, так как он постоянно нуждался в уходе и моральной поддержке, а их связь была уже секретом Полишенеля для всего Парижа, позже переехал к Жорж.

Жизнь на улице Пигаль протекала спокойно, в трудах и приятных отдохновениях. Утром и днем Шопен давал уроки своим великосветским ученицам. Он был мил с ними и в то же время отличался взыскательностью. К примеру, если исполнение какой-то вещи ему не нравилось, он вполне мог сказать: «И это, по-вашему, музыка? А я думал, что где-то лаяла собака». Иногда он выезжал на дом к ученицам. В этом случае Жорж настаивала, чтобы за ним присылали карету и на ней же привозили домой. Кроме того, опять же по настоянию Жорж, цена за урок повышалась с двадцати до тридцати франков. По тем временам это были немалые деньги.

Шопен высоко ценил музыкальный вкус своей любимой и, исполняя перед ней свои новые произведения, внимательно прислушивался к ее замечаниям. Со своей стороны, он тоже помогал Жорж советами. Когда она работала над своим романом «Консуэло», именно Фредерик был ее музыкальным «консультантом». Кстати, прообразом главной героини стала близкая приятельница Жорж и Фредерика певица Полина Виардо, впоследствии подруга И.С. Тургенева.

Дом Жорж и Фредерика (через три года они переехали в более фешенебельный район) словно магнитом притягивал многих выдающихся людей того времени. Здесь часто бывали Бальзак, Гейне, Делакура, Лист, а по вечерам в салоне Жорж

виртуозной игрой Фредерика восхищались самые блестящие дамы парижского света. Они приносили роскошные букеты и собственноручно расшитые ими изящные пуфики. Именно им, княгине Вюртемберг, графиням Эстергази и Потоцкой, баронессе Ротшильд, польщенный Шопен посвящал свои произведения. Жорж Санд ни одной вещи он так и не посвятил. Возможно, здесь сказывалась его болезненная застенчивость и нежелание афишировать свою связь с известной писательницей. Впрочем, кто знает? Жорж, во всяком случае, на него за это не обижалась.

Когда в гостиной собирались лишь самые близкие друзья, Шопен иногда позволял себе подурачиться. Он обладал изумительной способностью подражать голосам разных людей и часто до слез смешил Жорж. Однажды они с улыбкой наблюдали, как ее маленькая собачка крутилась по комнате, стараясь поймать собственный хвост. «Если бы у меня был ваш талант, я бы положила на музыку движения этого песика», — заметила Жорж. Фредерик тут же наиграл вальс, который теперь известен едва ли не каждому под названием «Собачий вальс». Любопытно, что этот вальс, идею создания которого подала ему именно она, Шопен посвятил... графине Потоцкой.

Они были очень разные, Жорж и Фредерик. Она — свободная и независимая в своих взглядах и высказываниях, он — консерватор и достаточно ограниченный человек во

Дети Жорж Санд — Морис и Соланж Дюдеван

всем, что не касалось музыки. Жорж со смехом вспоминала, как был шокирован Фредерик, когда узнал, что она не верит в существование ада. Подтрунивала она и над его консерватизмом в одежде. В этом смысле, однако, ему удалось добиться от нее серьезной уступки — Жорж перестала носить мужской костюм.

Но все это, так сказать, фасад, внешняя сторона. Ну, а что внутри?

Большинство общих знакомых считали слабого Шопена «жертвой» сильной целеустремленной Жорж. В воспоминаниях некоторых наблюдателей Шопен предстает едва ли не пресмыкающимся перед Санд. Один русский пианист с большим неодобрением писал о том, как Санд при нем, вытащив из кармана передника огромную сигару, повелительно

крикнула: «Фредерик, огня!» — и маэстро со всех ног бросился к ней с зажженной спичкой. Казалось бы, ясная ситуация. Однако не все лежало так близко к поверхности. Польский поэт Адам Мицкевич, человек на редкость наблюдательный и проницательный, утверждал, что Шопен по отношению к Жорж выступает в роли «морального вампира», что он мучает ее и, возможно, в конце концов, сведет в могилу. Помилуйте, это он о мягком, деликатном Шопене?! Хотя не удивительно: ведь часто тот, кто в паре слабее, использует эту свою слабость, чтобы стать тираном.

Девять лет Жорж самоотверженно ухаживала за Шопеном. Задача была не из легких, можно сказать, Шопен относился к числу «трудных» пациентов. Он нуждался

в тщательном уходе, но устраивал сцены, когда забота становилась слишком явной. В еще большей степени не выносил он пренебрежений к своим нуждам. Когда Фредерик бывал чем-то раздражен, то мог дуться часами, даже целыми днями. Порой он проявлял чисто детское упрямство и обидчивость, но мог

го добивалась, трансформировалась в чувство спокойной и нежной привязанности и опеки. Она решила сама для себя, что секс вреден Фредерику, и стала постепенно «отучать» его от занятий любовью. Вот что писала она другу Шопена графу Гржимале в 1847 году: «Вот уже семь лет я живу как девственница с ним и с

Шопен высоко ценил музы-

кальный вкус своей любимой и внимательно прислушивался к ее замечаниям. Со своей стороны, он тоже помогал Жорж советами. Когда она работала над романом «Консуэло», именно он был ее «музыкальным консультантом». Кстати, прообразом главной героини была певица Полина Виардо, подруга И.С. Тургенева

быть также резким, язвительным и даже грубым.

Жорж научилась не только терпеть его выходки, но и достаточно быстро гасить их. Вообще, Санд с самого начала относилась к Шопену скорее как мать, нежели любовница. Уже вскоре после их возвращения с Майорки она поняла, что Шопен не создан для пылких любовных утех. Ни его темперамент, ни слабое здоровье не позволяли ему особо увлекаться чувственными удовольствиями, а ее обязанности сиделки также не способствовали сохранению сексуального влечения. Постепенно страсть, испытываемая Жорж к любовнику, которого она так дол-

другими. Я состарилась раньше времени. Все это произошло безо всяких усилий или жертв с моей стороны. Я устала от страстей и разочарований. Многие считают, что я истощила его необузданностью своих чувств. Но вы знаете правду. Он обвиняет меня в том, что я убиваю его отказами, тогда как я уверена, что убила бы его, поступая иначе».

Тем не менее, эти отказы возбуждали ревность Шопена. Он подозревал и обвинял Жорж в том, что она изменяет ему со своими многочисленными друзьями. А так как ничего доказать не мог, поскольку ничего и не было, то порой устраивал ей сцены, во время которых в истерике

рвал собственные манжеты и носовые платки.

С самого начала их связи между Жорж и Шопеном был заключен негласный договор — Фредерик не вмешивается в ее отношения с детьми. У Шопена были превосходные отношения с Морисом и Соланж. Однако постепенно Фредерик в простоте душевной возомнил себя главой семейства, который имеет право диктовать свою волю другим его членам. Становиться между собой и детьми Жорж не позволяла никому, так что Шопен вступал на опасный путь. За последние несколько лет отношение Мориса к Шопену изменилось. Во-первых, он ревновал мать

к музыканту, во-вторых, не мог понять, почему этот, в общем-то, чужой человек присвоил себе право учить жизни его, уже двадцатитрехлетнего мужчину. Однажды во время особенно бурной ссоры молодой человек вспылал и заявил, что покидает родительский дом. Жорж вмешалась, выступив на стороне сына. Шопен чувствовал себя обиженным и глубоко уязвленным. В тот раз кризис удалось преодолеть, но год спустя последствия очередного вмешательства Фредерика в семейные дела Жорж оказались куда более серьезными. На этот раз дело касалось Соланж. Отношения между Шопеном и Соланж носили особый характер.

Идеалом Фредерика всегда были женщины, которые нуждались в защите и покровительстве. Жорж в эту категорию явно не входила. Напротив, она сама служила Шопену щитом, прикрывавшим его от житейских бурь. А вот Соланж с детства научилась использовать Фредерика, апеллируя к его рыцарским чувствам. К сожалению, Шопен плохо разбирался в людях. Соланж не-

навидела мать и брата и делала все, чтобы рассорить Шопена с ними. Фредерик, считая себя обиженной стороной, доверчиво внимал наветам девушки, уверявшей музыканта в том, что Жорж изменяет ему с другими мужчинами. Свои ссоры с матерью Соланж преподносила Шопену в исключительно выгодном для себя свете. Так что, если в семейных распрях Жорж принимала сторону

сына, то Шопен всегда поддерживал Соланж.

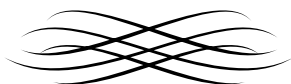
По сути, роман между Жорж и Фредериком уже давно закончился, вот только действующие лица еще не знали этого. Их отношения исчерпали себя. Завершилось все без излишнего нагнетания страстей, без надрыва. Шопен просто перестал отвечать на письма Санд. Последнее послание Жорж гласило: «Прощайте, мой друг! Скорее поправляйтесь от всех ваших недугов. У меня есть все основания полагать, что так оно и будет. В этом случае я могу только благодарить Бога за такую

задержать его и хотя бы немного побеседовать, но он почти вырвал у нее свою холодную дрожащую руку и скрылся...

Шопен скончался 17 октября 1849 года. За два дня до смерти один из друзей, наклонившись над его изголовьем, услышал, как Фредерик прошептал: «Она говорила, что я должен умереть только в ее объятиях».

Жорж так никто и не сообщил о роковой болезни и смерти ее бывшего возлюбленного. В спальне Шопена, буквально заваленной цветами, не было букета от нее. Впрочем, она не роптала: «Те, кто скрывали

По сути, их отношения давно исчерпали себя. Завершилось все без излишнего нагнетания страстей, без надрыва. В последнем своем письме Жорж писала: «Прощайте, мой друг! Я могу только благодарить Бога за ту странную развязку дружбы, которая в течение девяти лет поглощала нас обоих без остатка...»

странную развязку дружбы, которая в течение девяти лет поглощала нас обоих без остатка»...

Их последняя случайная встреча состоялась в начале марта 1848 года в дверях дома одной их общей знакомой. Они вежливо поздоровались. Шопен поинтересовался, давно ли Жорж не получала писем от дочери и сообщил, что Соланж накануне родила дочку. Жорж хотела

от него, что я готова была на крыльях лететь к нему, были правы. Я не простила бы себе, если б волнение от нашей встречи укоротило его жизнь на день или даже на час».

Ей суждено было пережить Шопена на двадцать семь лет. Забыла ли она его? Вряд ли. Ведь это ей принадлежат слова: «Жизнь — это глубокая рана, которая редко затягивается и никогда не заживает». □

Анна и Сергей Литвиновы

СВАДЬБЫ

НЕ БУДЕТ

Надя, как всегда, стрекотала: «Ложись спать, утро вечера мудренее». Но Полуянов знал: все равно не уснет, пока не выяснит.

В итоге сидел за компьютером до пяти утра. Сам до конца разобраться не смог — пришлось беспокоить Савельева.

Когда-то молодой и услужливый опер нынче дорос до полковника, заважнел, просьбы Полуянова старался заматывать или отклонять. Но магическая фраза «память мамы» сделала свое дело.

К полудню, когда Дима проснулся, картина сложилась полностью.

Телевизионщики талантливо перемешали малую толику правды с огромной ложью.

Евгения Станиславовна, действительно, бывала в городской инфекционной больнице в момент вспышки черной оспы. Но ни о какой стажировке и, тем более, работе речи не шло. Женя Полуянова в 1959-м году являлась студенткой четвертого курса, и в «инфекционке» всего лишь проходила практику. Догадайся Полуянов еще вчера сопоставить даты, и понял бы, что в двадцать лет мамуля даже интерном быть не могла. Но когда на тебя нацелено несколько телекамер, даже про дважды два иногда забываешь.

Пофамильный список переболевших или умерших от натуральной оспы Диме не прислали — врачи ссылались на медицинскую тайну. Однако

Окончание. Начало в №2, 2020.

категорически заверили, что никакого Вениамина Шибаяева среди сорока шести пациентов не значилось. А также подтверждали, что вспышка в Москве никого не оставила с глубокими рубцами и, уж тем более, слепым.

И студентку Евгению Полуянову никто и никогда не обвинял в нарушении эпидемиологического режима. Она — как все, кто потенциально мог контактировать с художником Кокорекиным — попала на карантин и честно его отсидела в подмосковном пансионате безо всяких контактов с внешним миром.

Картина в итоге вырисовывалась простая и мерзкая. Редакторы шоу тщательно изучили жизнь Димы и его близких. Нашли крошечную зацепку. И выстроили вокруг маленькой правды громадное, ужасающее вранье.

Что теперь делать — Полуянов решить не мог. Уходить, как вчера грозился, из шоу, подавать в суд на канал? Требовать опровержения? Биться, чтобы насквозь лживый выпуск сняли с эфира?

Но в Интернете уже творилась самая настоящая вакханалия. Участники шоу постарались.

Артур выложил подробное описание вчерашнего эфира. Его бестолковая подружка Кристина опубликовала душераздирающий пост о том, как Шибаяев, из мести Полуянову, выпустил вирус в мир. Более развесистой «клюквы» и придумать было нельзя, но народ с удовольствием принялся пережевывать тему. Комментарии врачей и просто разумных людей о том, что оспу невозможно принести с собой в баночке, потонули в «ахах» и «охах». А особо рьяные перешли к призывам окружить все Селютино высоченным забором, а участников шоу поместить в строжайший карантин. А лучше поджечь — для полной гарантии.

Кандидатка наук тоже отличилась. Насобирала на просторах Интернета ужастиков: про колбы со штаммами ящура, беспечно забытыми на заброшенных складах. Интервью сомнительных личностей, утверждавших, что биологическое оружие создано. Закончила лихо: «Эбола, птичий грипп, сибирская язва! Любой из вас может погибнуть в любой момент. А если хотите верной смерти — приезжайте в Селютино!»

Завершали клинический бред три веселых смайлика.

Димин собственный вчерашний пост тоже собрал четыре тысячи комментариев. Разумные люди возмущались нечестной игрой редакторов «Свадьбы навывлет», выражали сочувствие.

К нему незаметно подкралась Надя, принесла кофе.

— Порвали на куски? — спросила она.

— На мелкие, — тяжело вздохнул Дима.

— И что ты надумал?

— Вот честно: не знаю. Ушат помоев уже вылили. Опровержение мелкими буквами все равно теперь никто не заметит.

— Да его и не будет.

— Почему?

— Судиться бесполезно. Мы с тобой чрезвычайные лопухи, — качнула головой Надя и протянула ему пластиковую папочку.

— Что это?

— Наши контракты на участие в шоу. Посмотри, что я сегодня нашла. Мелким шрифтом. В самой серединке.

Дима медленно прочитал:

— Сотрудники программы «Свадьба навывлет» оставляют за собой право, опираясь на реальные факты биографий героев, устраивать на базе их инсценировки, а также привлекать для их осуществления профессиональных актеров. Администрация шоу не несет ответственность за полное совпадение деталей постановки с вехами жизни героя или его родственников.

— Я этого не подписывал! — взвился Полуянов. — Не может быть! Я честно читал весь текст и не мог пропустить такой явной лажи!

— Да я, вроде, тоже читала. Но это потом появилось.

— В смысле?

— А ты не помнишь? Нам дали чистый договор. Мы расписались на последней странице и оба экземпляра отдали им. На подпись и печать. Так что они могли там все менять и прибавлять, как им заблагорассудится.

— Но это подлог!

— А как докажешь?

— Никак, блин! Ну ладно — ты, как говорится, женщина, причем далекая от интриг. Но я-то! Мужик! Журналист! И так лопухнулся!

— Зато у тебя не оказалось внебрачного ребенка, — улыбнулась Митрофанова. — И вообще, мы с тобой оба просто образцовые. У других — в шкафах настоящие скелеты. А для нас — им пришлось инсценировку придумывать.

— А что с рейтингом? — постепенно успокаиваясь, спросил Полуянов.

— Перескочили с восьмого места на пятое. Хотя эфира еще и не было.

— И кто теперь на восьмом?

— Алла с Анатолием.

— Да, интрига.

— Дим, давай... не будем уходить и в суд на них подавать. Ты, конечно, напиши для «Молодежных вестей» правду — но я так хочу попробовать выиграть! — умоляюще посмотрела на него Надя.

— Тебе разве не противно?

— Ну... противно. Но если мы уйдем — нас никто и не вспомнит. А победители в кругосветку поедут.

Телевизионщики никогда не раскрывали тайны, кого именно сегодня вызовут на разбор. Но участники, по прошествии двух эфиров, уже легко понимали, чего ждать.

Если одеваешься сам — ничего тебе не грозит. Если же подбирать костюм приходит Жека — жди разоблачений.

До обеда все было тихо, и Артур уже стал надеяться, что съемок сегодня вообще не будет. Но Кристину предчувствие не обмануло. В три часа явился ассистент в традиционно попугайном наряде, нагло прошествовал в спальню и, открыв шкаф, велел девушке:

— Вот это надевай!

Платице с рукавами в форме фонариков и юбкой клеш Кристина возненавидела еще в Москве, когда ездила на примерки. А уж когда Жека велел взять к нему босоножки с открытым носиком, взвилась фурией:

— Не надену я это! И не смей напоминать про контракт!

— Кристиночка, я человек маленький, — робко проговорил он. — Мне Анастасия сказала — я исполняю.

— Платье ужасное, а колготки с босоножками вообще не носят! — продолжала возмущаться она.

— Ладно тебе, Кристишка, — вмешался Артур. — Колготки под босоножки нельзя, даже я знаю. Но ты закаленная. Подумаешь, плюс десять в павильоне. Не минус ведь, — и резко повернулся к ассистенту: — Скажи, что мне надо надеть.

— Мужчины у нас традиционно. В костюмах, рубашка скромная, галстук яркий.

Артур официоз не переносил, но спорить не стал. Неумело застегнул тугие пуговицы новой рубашки, чертыхаясь, с энной попыткой завязал галстук. Встал рядом с Кристиной к зеркалу, и она, не удержавшись, хихикнула:

— Мы с тобой как папик и девочка-дурочка. Может, будет история, как ты меня соблазнил?

— Кто еще кого соблазнил, — буркнул Артур.

По дороге он все гадал, что за пучина их ждет, а когда увидел ведущую, облаченную в хирургический костюм, запутался окончательно.

Эротичная получилась докторица. Брючки в обтяжку, короткий халатик, волосы завиты в локоны, вместо шапочки — игривая заколка в форме сердечка.

— Я тебе никого не напоминаю? — кокетливо улыбнулась она.

— Не молчать! — рявкнула в его наушник Анастасия.

— На врача вы похожи мало, — покачал головой Артур.

— Ну, ты ведь понимаешь, что костюм доктора или медсестры можно купить в любом магазине. Не обязательно в медицинском, кстати.

Тут свет в зале погас, и на экране начался фильм. Дама в нижнем белье, но на высоченных каблуках вертится перед зеркалом. Гремит дверной звонок. Она доверчиво отпирает. На пороге, конечно, атлет. Полицейская форма эффектно подчеркивает бицепсы-трицепсы. Приветствием себя не утруждает — мигом прижимает хозяйку к стене, его ладонь лезет ей под бюстгальтер.

— Дальше будем смотреть? — Ведущая нажала на паузу и испытующе взглянула на пару.

Кристина сложила руки на коленях и прошептала:

— Можно. Но там...м-мм... не очень прилично дальше будет.

— Вы это уже видели? — разочарованно спросила ведущая.

— Конечно, — пожалала плечами Кристи.

— Я никогда не скрывал от любимой, что снимался в порнофильмах. — снисходительно пояснил Артур.

— Вы считаете это нормальным?

— Обычная работа для мужчины.

— А есть ли у вас совместные проекты? — невинным тоном поинтересовалась ведущая.

— Кристи просилась, но я запретил. Категорически. Для мужика порно — нормально. Для женщины — позор.

— Типичный случай мужского шовинизма, — загадочно улыбнулась теледива. — Мужчины — страшно самоуверенны. Они всегда полагают, что дамы повинуются им беспрекословно.

Артур растерялся. Неужели Кристи его обманула? Однако на экране теперь показали девушку, совсем не похожую на Кристину, и Артур облегченно выдохнул. Правда, фигура — почти Кристинкина, только в бедрах и талии пошире, а вот лицо — иное. Нос кнопочкой, глаза близко посажены, губы пухлые — не от силикона, от природы. В одних чулках и высоких сапожках, девушка лежала в позе Венеры на кушетке.

— Кто это? — удивился Артур, не замечая, как его подруга смертельно побледнела.

А ведущая укоризненно спросила:

— Как — кто? Твоя любимая. Кристина. Будущая супруга.

— Но... — Артур обернулся к Кристи, увидел ее налитые слезами глаза и пробормотал: — Что за ерунда!

Но Кристина уже всхлипывала в голос. А ведущая умело перекрикивала ее рыдания:

— Изменение разреза глаз. Ринопластика. Коррекция формы губ. Формирование нового профиля. Пластическая операция длилась почти десять часов. Реабилитация после нее — почти полгода. Зачем ты это сделала, Кристи?

Девушка промолчала, продолжая всхлипывать, и теледива ответила за нее: — Кристина хотела стать красивой. А заодно — скрыть, что она снималась во взрослом кино. Сколько у тебя ролей, милая?

В ответ — рыдания.

— Семь! — радостно сообщила ведущая. — Несмотря на заурядную внешность, Кристину ценили. Ведь она очень раскованно вела себя перед камерой. И в постели позволяла творить с собой все, что угодно.

— Вот для чего ты брала «академку». Чтобы сделать операцию? — тихо спросил Артур.

Кристина затравлено кивнула.

Он не колебался ни секунды. Вскочил с дивана и со всего маха вlepил ей пощечину.

Студия охнула.

— За кино? — деловито уточнила ведущая.

— Кино прощу. А вот когда мне врут — не люблю, — ответил Артур.

Грибовчане между собой особо никогда не дружили. Никаких вам на весь двор вечеринок, свадеб или похорон. Но «Свадьба навывлет» объединила всех. Раньше соседи едва здоровались, а теперь могли часами болтать друг с другом — особенно сразу после эфира.

Когда дело дошло до «Скелета в шкафу», горожане начали горячо спорить: вранье это или нет?

Скептики утверждали, что все разоблачения якобы придуманы. Герои свои испытания знали заранее и просто оказались отличными артистами. Оптимисты возражали: невозможно сыграть отчаяние, что плескалось в глазах пожилого жениха Николая. Ярость, что охватила Артура. Абсолютную растерянность в глазах такого в себе уверенного Полуянова. Даже Раневская не смогла бы, а тут — обычные люди.

Нашлись в Грибовске и доморощенные детективы. Установили: герой в студии никогда не ведает, что его ждет. За то редакторы со сценаристами и получают большие деньги, что умеют — прямо в эфире — «сорвать маску». Ну а когда все поверили, что страсти на экране творятся не мнимые, а настоящие — начали горячо «болеть», до хрипоты спорили, отстаивая своих любимчиков.

В больнице же, где начальствовал Федор Матвеевич, вообще все перемешалось. Стали коалиции в поддержку любимчиков формировать без оглядки на чин: доктора, ординаторы, медсестры, истопники, санитары, пациенты. Только буйные или те, кто совсем ничего не соображал, не участвовали.

Федор Матвеевич фаворитов среди героев не имел и на коллективное помешательство поглядывал снисходительно. Его куда больше пророче-

ства Васильича интересовали. Но сколько ни водил бородатого пророка к себе в кабинет на просмотры программы, тот никаких особо важных деталей не выдавал и вообще, похоже, потерял к деревне Селютино интерес.

Близились выходные, и жена пригласила к ним «любимую бабушку» — то бишь тещу. Федор Матвеевич родственницу не жаловал, поэтому планировал скрыться от вторжения «дорогой гостью» в гараже, поковыряться вдоволь с верным стареньким «Москвичом». Но вдруг его осенило: чем где-то прятаться, лучше сбежать из дома по-крупному. Давно ведь зудело самому посмотреть на предсказанную Васильичем беду.

Сейчас, когда распутица кончилась, «Москвичок» его до Шibaева доберется запросто. А может, и до Селютина доедет...

Новыми жертвами телевизионщиков оказалась кандидатка наук с простым русским именем Прасковья и ее верный рыцарь Александр.

Пара была необычная, с харизмой. Она — очень худая, очкастая и явно не слишком в себе уверенная — выставляла диссертацию, словно величайшее достижение, постоянно сыпала словечками вроде «генезиса» или «экстраполяции» и призывала всех «мыслить с научной точки зрения».

Спутник выглядел ее полным антиподом. Пухлый, простецкий парень. Работал в автосервисе. Простодушно заявлял, что книжки читать ему некогда. Чем слесарю приглянулась «ученая вобла», оставалось только гадать. Но смотрел он на свою пассию с обожанием, заставлял надевать шарф и шапку, чтоб не замерзла, виновато улыбался:

— Она у меня такая... неприспособленная.

Надю Митрофанову Прасковья раздражала чрезмерно. В ее библиотечном зале ученость считалась абсолютной нормой, даже академики держались не кичливо, а тут заштатная кандидатка наук выпендривается. Поэтому она пришла в полный восторг, когда телевизионщики легко доказали, что свою диссертацию Прасковья банально купила. То есть защищала, конечно, сама, но вот работу — от вступления до заключения — за нее сделали другие.

В студию пригласили трех молодых аспирантов, и те подробно рассказали схему: как встречались с заказчицей, получали аванс, обсуждали тему исследования. Потом собирали материал, продумывали план, прописывали главу за главой, готовили к публикации статьи в научных журналах, натаскивали заказчицу перед предзащитой на кафедре, а потом и защитой на ученом совете.

Героиня сначала отпиралась, потом гневалась, под конец раскаялась и, разревевшись, бросилась к Александру:

— Ты меня не простишь?

— Прощу, — добродушно усмехнулся тот. — Только супы варить теперь сама будешь.

Но больше ничего не успел сказать, так как на этот раз и его призвали к ответу.

По виду абсолютно положительный домосед, он оказался дважды судимым. Первый раз попал за колючку еще в шестнадцать, за драку по пьянке. Дальше серьезнее — кража со взломом, дали пять лет.

— Так ты...зэк? Ты деньги у людей воровал?! Боже, какой позор! — позеленев, пролепетала Прасковья, а затем истерично завопила: — Я уезжаю! Немедленно!

— А как же свадьба? — сладким голосом спросила ведущая.

— Никогда! Я его ненавижу!

— Снято! — радостно сообщили из аппаратной.

Камеры выключили, но обманутая невеста продолжала бушевать:

— Дайте мне машину! Не дадите?! Ну и черт с вами! Пешком пойду! — Вдруг она метнулась к Александру, вlepила ему пощечину и заорала: — Иди, Кучина слушай! Татуировку себе выколи! Или ограбь еще кого-нибудь!

— Сейчас я тебе покажу, как истерики устраивать! — громовым голосом выкрикнула шеф-редактор. — Три миллиона неустойки — а потом езжай, куда хочешь! Деньги вперед!

— Где такое про неустойку?!

— Смотри контракт! — ласково улыбнулась Анастасия и протянула листочки.

Несостоявшаяся кандидатка дрожащими руками взяла их и начала читать. Красивым жестом бросить на стол три миллиона она не смогла, поэтому пришлось ей оставаться. Однако Прасковья потребовала, чтобы ее «с этим зэком» немедленно расселили.

— А то мало ли? Вдруг ночью зарежет?!

Шеф-редактор спорить не стала. Согласилась выделить оскорбленной невесте резервный домик. А несостоявшийся супруг Александр почему-то явился с бутылкой к Наде и Диме.

— Выпьем? — искательно улыбнулся он.

Надя поджала губы: ей тоже не слишком нравились судимые. Но Полуянов, который много лет вел криминальную хронику, гостеприимно предложил:

— Проходи!

Она тяжело вздохнула, махнула рукой:

— Ладно. Гуляем! — и быстренько организовала стол: огурчики, помидорки, кинза, бутербродики.

Александр махнул разом полстакана, крякнул, зарозовелся и, захрустев огурцом, досадливо произнес:

— Чего мы на это шоу полезли?! С какого перепуга? Это все Прасковья, дурища, славы хотела. Три тура конкурс! Очередь с ночи занимали!

— Так много народу было? — удивилась Митрофанова.

— Тысячи. Со всей страны понаехали. А гостиницу-то не оплачивают. Результаты тоже сразу не объявляют. Десять дней пришлось тут торчать. Мы на съемную квартиру кучу денег спустили. А многие вообще на вокзале ночевали, на лавочках. Вам, москвичам, хорошо...

— Дим, — удивленно проговорила Надя. — А нас ведь без всякого конкурса взяли.

— Значит, вы блатные! Вот везет же людям! — окончательно расстроился Александр. — А мы на дорогу потратились, в Москве кучу денег оставили, в итоге еще и на всю страну опозорились!

— Но ты как хочешь: мириться или разойтись? — поинтересовался Полуянов.

— Да привык я к ней уже. А диссертация — да и пес с ней, без нее лучше даже.

— Тогда бери у Жеки джип и езжай в Шибаево за цветами, — посоветовал Дима.

— Да нас все равно выгонят, оба мы вруны получились.

— Брось! За тебя все бабы страны будут эсэмэски слать! У нас заключенных любят, исторически повелось. Еще и на первое место выйдешь.

Саша налил себе новые полстакана и произнес тост:

— Давайте! Чтоб больше никаких скелетов! Ни в шкафу, нигде!

— Ой, да, — поддержала его Надя. — Я так устала от всех этих разочарований. Хоть бы перерыв объявили! — И воздела руки к небу: — Небо, помоги мне!

— Бесполезно. Боги телевизионщикам не указ, — отозвался Полуянов.

Однако тем же вечером в общем чате программы появилось сообщение:

— «Скелет в шкафу» временно не снимаем. Завтра будет новый конкурс. На свежем воздухе.

В Шибаево Федор Степанович остановился передохнуть. У продуктового магазина наблюдался аншлаг — трактор, древний «ЗИЛ-130», мотоцикл и даже квадроцикл. В торговом зале при виде чужака оживленный разговор мгновенно затух.

— Ты кто? — сурово прищурилась продавщица.

— Из Грибовска я. Врач, — отрекомендовался Федор Матвеевич.

— Ну, тогда пусть, — подобрела продавщица. — Я уж испугалась: опять пожарный или из налоговой.

— А к нам чего? — жадно поинтересовалась старушонка в платке. — Вызвали? Запил, что ли, кто опять?

— Нет. Я в Селютино еду.

— Иди ты! Там, что ли, крыша поехала у кого?

— Нет. Просто посмотреть хочу. Никогда не видел, как передачи снимают.

— Мы поехали однажды, — важно изрек румяный, пузатый мужичок. — И что получили? Да хрен собачий. Деревня пустая, один Петька, дурачок их местный, на околице курит. А вся толпа на съемках. В павильоне снимают.

— А попроситься посмотреть нельзя?

— Хрена! Не пускают никого просто так. Один раз только к нам приезжали, в массовку звали. Народ чуть не передрался, а они только семь человек отобрали. А теперь и совсем без зрителей снимают.

— Но они ведь не всегда в павильоне?

— Не всегда. Но тебе-то своих планов не скажут!

— А на «Москвиче» доеду я до Селютино?

— Ни в жисть!

— Ладно, сколько за вездеход свой хочешь?

— Купить? — оживился мужичок.

— В аренду. На пару дней.

— У тебя денег не хватит.

— Почему?

— Амортизация. В страховой полис не вписан. Пять «косарей», короче. Федор Степанович внутренне крякнул, но безропотно извлек оранжевую бумажку. К Новому году откладывал, жене на подарок.

— И за топливо штуку, — ловко выхватив деньги, добавил мужичок.

— Ну, это вообще грабеж!

— Тогда приезжай в следующий раз со своей канистрой. Заправка под Грибовском.

— Наглые вы, шибяевские, — вздохнул доктор.

Кроме тысячи, в кармане только мелочь брэнчала. Если никто в гости не позовет, хоть с голоду помирай.

Сделку скрепили рукопожатием. Федор Матвеевич извлек из багажника «Москвича» рабочий ватник, жалкие несколько бутербродов, термос с чаем.

Он спешил добраться в Селютино до темноты, потому стартанул резво, на прощанье не оглянулся, поэтому не увидел, как мужичок отошел подалее от магазинных дверей, достал телефон и, сверяясь с бумажкой, принялся набирать номер.

Телефонный звонок от него прозвучал в палатке. Защитного цвета, присыпанная листвой и лапником, та была еле различима на заросшей со всех сторон елями полянке. Но связь оказалась отличная, без шипенья и хрипов.

— Что? — отозвался голос с восточным акцентом.

— Местный к вам едет.

— Кто?

Доктор из Грибовска. Психиатр.

— Зачем?

— Сказал, на съемки посмотреть.

— Для чего психиатру съемки?

— Не знаю.

Дальнейшей реакции не последовало — трубку просто бросили.

— Чертов горец! — ругнулся мужичок. Но приходилось терпеть — платили ему щедро.

Наутро всех разбудили звуки пионерского горна.

— Совсем одурели, — простонал Полуянов, выполз из постели и распахнул окно. — Во дают! — вдруг расхохотался он. — Репродукторы включили на столбах! Я думал, это старые, давно не работают. Пробуждайся, подруга! Не успокоятся теперь. Что-то опять затеяли.

Горн, наконец, утих. Но вместо него раздался прокуренный, бодрый голос Анастасии:

— Дамы и господа, доброе утро! Московское время восемь часов, погода в Селютино хорошая — плюс два градуса. Сегодня у нас по программе активность на свежем воздухе. Пожалуйста, наденьте спортивные костюмы, возьмите с собой кроссовки и выходите. Через полчаса всех ждем у околицы.

— А кофе попить? Вот извращенцы! — возмутился Полуянов.

— Успеем, Димусик! — пулей вылетела из постели Надя и ринулась к умывальнику.

— Вот в тебе энергии! — зевнул Полуянов. — А я чего-то не в форме.

— Еще бы! Столько самогонки в себя влить!

— Блин, и горло дерет.

— Глотать больно?

— Да нет. Першит просто.

— Тогда «сосалки» пока, а вечером посмотрим. — Надя перебросила Диме облатку таблеток.

У Димы еще и коленки крутило, но жаловаться он не стал. Надя начнет сейчас ахать, градусник совать. Лучше парацетомола глотнуть украдкой. Дома-то все равно не останешься.

«Может, меня Шibaев черной оспой заразил?» — усмехнулся про себя Дима и еле удержался, чтобы не рассмеяться от глупейшей гипотезы.

Как ни пытался гнать, а прибыл в Селютино Федор Матвеевич уже по темноте. Заглушил вездеход-рычалку, с интересом осмотрелся. Домиш-

ки подновленные, фонари новые. Вышка сотовой связи. Урны — в деревне-то!

Время не самое позднее — десять вечера, но на улицах пусто. Стучать во все дома подряд, проситься на постой? По счастью, первый встречный прохожий оказался «правильным». Кирзачи, ватник, чесночный запашок.

— Ты кто? — прищурился он на гостя.

— Доктор. Из Грибовска.

— На вызов, что ли?

— Нет. Поглазеть.

— А жить где будешь?

— Не знаю пока.

— Тогда бартер. Я тебе ночлег, а ты мне грыжу вправишь.

Хирургией Федор Матвеевич сроду не занимался, но дело явно нехитрое, да и ночевать больше негде, потому кивнул:

— Сделаем.

— Петр я, — протянул ему руку мужичок. — Пошли быстрее. Чайку — и в люлю, а то завтра вставать рано.

— Чего будет-то?

— Телевизионные гэтэо затеяли.

— Что?

— Ну, это. Быстрее, выше, сильнее.

Когда участников практически строем пригнали к лесной опушке, Анастасия радостно объявила:

— Дорогие друзья! Сегодня у нас не будет никаких леденящих душу испытаний. Все очень просто. У кого из вас есть значок ГТО?

Кристина с Артуром переглянулись и дружно подняли руки.

— И это все? — разочарованно протянула шеф-редактор. — Больше никто не умеет — быстро бегать, далеко прыгать, метко стрелять?

— Да как-то повода не было, — пробурчал Александр.

— У меня от физкультуры вообще — пожизненное освобождение, — отрезала его бывшая невеста.

— Увы, но сегодня никакие справки не действуют, — безжалостно изрекла Анастасия. — У нас тут нет бассейна, нет винтовок и лыжных трасс. Поэтому полностью выполнить нормы не получится. Но мы решили: трех из них вполне достаточно. Будем прыгать с места, бежать километр и отжиматься. Результаты пары суммируются. Все поровну, все в семью!

— Несправедливо! — пискнула фальшивая кандидатка наук и злобно покосилась на Кристину: — Как я угонюсь за этой цаплей?!

— Не переживай, — улыбнулась шеф-редактор. — Отыграешься, когда будет конкурс на интеллект. Итак, первое — элементарное — испытание:

прыжок с места. Норма на золотой значок для мужчин — два метра двадцать, для дам — метр шестьдесят. Кто хочет начать?

Головы участников дружно повернулись к Артуру с Кристиной.

— Нет, — покачала головой Анастасия, — они будут последними.

— Давайте, я, — предложил Полуянов, у которого были свои резоны: коленки продолжало крутить, виски ломило, так что надо бы сдать эти их нормы, пока окончательно не развезло.

Камеры выставили умело и быстро.

— Мотор идет!

— Итак, первым у нас совершает прыжок... журналист Дмитрий Полуянов! — произнесла ведущая, одетая на этот раз в розовый с золотыми ангелочками спортивный костюмчик.

Дима не сомневался, что улетит далеко за два метра, но неожиданно приземлился на метре восьмидесяти пяти.

— Что ж, для женщины тридцати пяти лет неплохо, — ехидно прокомментировала ведущая. — А мужчина должен прыгать на два тридцать пять.

— Еще попытка есть?

— Нет. Но твоя спутница может улучшить результат.

За что любил Митрофанову — ни капли во взгляде осуждения. Смело подошла к отметке старта. Нахмурилась, напряжинилась и в невероятном, совсем не библиотечном, броске, улетела на метр девяносто.

— Ничего себе! Золотой значок — метр восемьдесят пять. Ты занималась легкой атлетикой?

— Нет. Прыгаю... исключительно по хозяйству, — тяжело дыша, отозвалась Надя.

— И прыгаешь неплохо! — снисходительно похвалила ведущая. — Общий результат: три пятьдесят. Кто следующий?

— Давайте, я, — предложил Александр. — Тоже попробую прыгнуть за нас обоих как можно дальше.

— Мне вообще плевать, можешь хоть на полметра, — хмыкнула Прасковья, но когда сама не смогла получить даже бронзу, а за счет жениха они вытянули прыжки на серебро, — сменила гнев на милость.

Петр предложил отличный наблюдательный пункт. Метрах в ста пятидесяти от съемочной площадки, под прикрытием молодых, но резво разросшихся елей.

«Вестника беды» Федор Матвеевич узнал сразу. Рослый, фактурный, брутальный. Ведущая с ним откровенно заигрывала, гримерша поглядывала почти влюбленно, но он выглядел скромнягой, с видом Наполеона не ходил. Кто он все-таки такой, этот Анатолий?

Мужчина, безусловно, в прекрасной форме. Два километра пробежал — на одышку ни намек. Далеко прыгнул, без проблем сделал пятьдесят отжиманий — качественно, до самой земли.

«Такими бывают террористы, — мелькнула странная мысль. — Физически подготовлен. Легко входит в доверие. Стараются не привлекать к себе лишнего внимания».

Федор Матвеевич, прежде чем ехать, собрал на Анатолия небольшое досье. Актер второго плана в Новосибирске. Часто вместе с труппой ездит на гастроли — по всей области. Отличное, кстати, прикрытие. Но, с другой стороны, террорист никогда не делает ничего вызывающего. Анатолий же натворил дел: бросил невесту, повесил на нее кредит. Да еще и в телевизор полез. Глупость? Или у него какой-то специальный, дьявольский план? Вряд ли. Скорее всего, он — обычный человек. Просто у «ясновидящего» — большая фантазия.

Федор Матвеевич снова обернулся к Петру и спросил:

— С ними общаться можно?

— Не со всеми. Полуянов, например, — нормальный мужик. С ним и выпить можно, и побазарить. А есть козлы. И овцы.

— А телевизионщики?

— Эти только приказывают. Я для них вроде узбека, чернорабочий, — фыркнул Петр.

— На зарплате?

— Да так, кошкины слезы.

— И что ты делаешь?

— Коробки разгружаю, аппаратуру таскаю, листья мету.

— А кто здесь начальники?

— Вон, видишь, баба в синих штанах, глазюки, как у змеи? Это редакторша главная. На всех орет. С ней даже режиссер никогда не спорит. Хотя явно бесится, когда она его учит, как композицию делать.

— Ты мне покажешь, где кто живет?

— Без проблем, — кивнул Петр. — Ты только выбирай, к кому переться.

— Могут не пустить?

— Могут. Шеф-редактор охрану вызовет, чтоб с лестницы сбросили. А вон та стервь белая, — показал Петр на Кристину, — будет денег требовать. Она, типа, звезда, бесплатно интервью не дает.

— А Толя?

— Джеймс Бонд-то?.. Этот здороваётся. Но общаться не хочет. Спросишь: «Как дела?» — буркнет: «Нормально» — и дальше чешет. Хрен знает, что за фрукт.

«Вот к нему я и наведаюсь в гости», — решил доктор.

Савелий Юрьевич рано вставать ненавидел, но куда врачу деться от ранних подъемов? Пока в больнице служил, к восьми утра извольте явиться, самые важные звонки, встречи — все спозаранку, так уж в медицине повелось.

А сегодня, когда в половине восьмого утра жена осторожно тронула его за плечо, Савелий Юрьевич открыл глаза и испуганно посмотрел на нее — по хорошему поводу в такое время дергать не будут.

— Кто? — хрипло шепнул он.

— Федор Матвеевич, — виновато отозвалась жена. — Он говорит, очень важно!

— Федя! Ты что, охренел?! — заорал в трубку Савелий Юрьевич.

— Прости, Савва, но дело очень серьезное.

— Что еще?!

— Не по телефону. Надо встретиться. Я в час дня буду в Грибовске.

— Так и звонил бы в час, сволочь! — простонал Савелий Юрьевич и, отшвырнув телефон, откинулся на подушку. Но сон, зараза, больше не шел. Промучился полчаса, со стоном дотянулся до аппарата, сделал обратный вызов. Пусть сейчас говорит — еще время тратить, в законный выходной с ним встречаться!

Но металлический голос заверил, что «абонент временно недоступен».

Очень по-человечески: сделать гадость, а потом выключить телефон.

Целый день Полуянова — то морозило, то бросало в жар. В горле сначала першило, к обеду стало больно глотать. Много бы отдал за горячий чай и теплую постель возле камина. Но понимал: съемки из-за какой-то простуды никто не перенесет. Станешь жаловаться — только хлюпиком прослынешь, да и Надюха накроет заботой, как квочка крыльями. Поэтому, вместо того чтобы кутаться и жалеть себя, Дима на следующее утро решил как следует размяться. Пока Надя спала, выпил парацетомол и отправился на пробежку. Простуда обязательно опешит от его зверской решимости и уйдет окончательно.

Он взял курс на околицу и дальше — к роще, где снимали нормы ГТО. Дорога отличная, грязь придавлена колесами «уазиков», вытравлена холодом. Бежать по проложенной вчера в лесу трассе показалось скучным, и Дима решил двинуться в «большую жизнь» — по дороге, что вела из Селютино к Шибаеву, Грибовску и дальше. Сначала просто дышал, по сторонам и под ноги не глядел. Только когда деревня оказалась километрах в двух за спиной, взгляд выхватил совсем свежий след — характерную колею от квадроцикла.

Дима остановился. Насколько он знал, ни у кого из съемочной группы подобной техники не было. Заинтересовался, присел, присмотрелся. Проехали, похоже, совсем недавно — осколки некрепкого ночного ледка

летели из-под колес во все стороны. Направлялись в Селютино? Но он проснулся полтора часа назад, никого не видел и звука мотора не слышал. Ехали отсюда? Но кто? Почему так рано? Он прикинул, как лучше: побежать по следу обратно или, наоборот, вперед? Конечно, логичнее было бы выяснить, откуда маршрут квадроцикла начинается, но возвращаться Дима не захотел. Решил пробежать еще с километр.

Спустя десять минут след внезапно оборвался. Полуянов недоуменно притормозил. Как это может быть? Слева — поле, справа — рощица. «Квадрик» свернул на бездорожье? Он сделал несколько шагов назад и присел на корточки. Судя по отметинам шин, водитель сначала резко тормозил, потом — после небольшого заноса — остановился. И в неудобном месте, с горочки, вдруг решил ехать через лес. Зачем? Дима не колебался ни секунды — двинулся по следу. Неожиданно он вспомнил про двух кавказцев — Петр недавно жаловался, что те опять здесь бродят. Это их, что ли, «квадрик»? Но в чем смысл странной поездки — сначала по дороге, потом по глухому лесу?

Ответ он узнал еще через пару метров.

Сначала остро запахло недавно сломанным деревом, а затем он увидел квадроцикл. Весь передок разбит — снес березу, — а на сиденье, лицом вниз, недвижимо лежал какой-то мужчина.

— Твою мать! — пробормотал Дима и почувствовал, как горло начало болеть с новой силой.

«Тело не трогать, место преступления не топтать». Он тысячу раз слышал эту непреложную полицейскую истину и считал ее, безусловно, справедливой. Но любопытство часто пересиливало здравый смысл, и сейчас ему даже в голову не пришло отойти в сторонку и набрать «112». Хотя бы потому, что здесь, в глухом лесу, сигнала сотовой связи банально не было. Ничего не оставалось, как проводить первичный осмотр самому.

Хорошо, заботливая Надюшка когда-то давно сунула ему в карман ветровки перчатки, вот и пригодились. Дима натянул их на руки и осторожно приподнял мертвеца.

Абсолютно незнакомое лицо. Русское. Не маргинальное. Одет по походному, но чисто выбрит, ногти аккуратно подстрижены. Тело холодное, но трупных пятен не видно. Совсем недавно погиб. Или убили?

Он очень аккуратно осмотрел труп. Документов или бумажника не обнаружил, пулевых или ножевых ранений не заметил. Лоб разбит — логично, раз «квадрик» в березу влетел. Но, раздвинув волосы на затылке покойного, Дима нахмурился: очень похожую рану он видел в Москве, у ночного клуба, когда один «браток» вlepил другому бейсбольной битой.

По телу пробежал озноб, и это была не только простуда. Полуянов вдруг осознал, что он, в этой дикой глуши, абсолютно один. Преступники вряд ли

ушли далеко. Увидят шевеление в лесу, услышат шум, вернуться — и ляжет он рядом с незнакомым мужчиной.

Дима быстро сделал пару снимков мертвеца, после чего выбрался на дорогу и припустил в направлении деревни.

Савелий Юрьевич заснуть так и не смог.

Провертелся до девяти утра и в отчаянии поднялся. Пройдя на кухню, позавтракал и лениво спросил жену:

— Чем он тебя приворожил-то, что будить согласилась?

— Сказал, что предсказатель не ошибся, — округлив глаза, ответила она.

Главный врач хмыкнул, взял телефон, набрал психиатра, но лишь раздраженно прослушал очередного робота. Дальше позвонил на квартиру.

— Он на съемки поехал! В эту вашу, как ее, в Селютину! — сообщил ему старушечий голос.

К счастью, в памяти телефона у Савелия Юрьевича имелся телефон Анастасии, шеф-редактора программы «Свадьба навывлет». Приезжала однажды в городскую больницу с высоким давлением, он принял лично — с высокими гостями надо дружить.

Номер московский, платить за междугородний звонок из своего кармана придется, но делать нечего.

— Анастасия Валерьевна? Савелий Юрьевич беспокоит, главный врач Грибовска. У вас там все в норме?

— Не жалуемся, — холодно отозвалась шеф-редактор.

— Никто не болеет?

— А вы можете «скорую» подогнать? — ехидно поинтересовалась она. — По вашим чудесным дорогам?

— Вертолет, если надо, могу прислать.

— Не надо пока, спасибо, — хмыкнула Анастасия. — У нас все в порядке.

— К вам там мой коллега поехал. Федор Матвеевич. Не видали?

— Коллега? А кто его вызывал?

— Нет-нет. Он просто так, частным порядком. На съемки решил поглазеть.

— Я за зеваками не слежу. Вчера натуру снимали — никого посторонних не видела.

— Ну, тогда простите за беспокойство, — поспешил попрощаться Савелий Юрьевич.

В час дня Федор Матвеевич не появился. А в два — на связь вышел начальник полиции и сообщил, что в полутора километрах от деревни Селютино нашли тело мужчины. Документов при нем не оказалось, но местный житель Петр уверенно опознал в покойном психиатра из Грибовска.

— Где Полуянов — там обязательно труп, — раз пять повторила Надя. Дима не спорил и старался не приближаться к ней: его то морозило, то в жар кидало. Похоже, температура все-таки поднялась.

Но, хотя и пытался прятаться, Митрофанова подозрительно взглянула на него:

— А что ты румяный такой?

— Бегал. Обветрился.

Она дотронулась губами до его виска и тут же завохтала:

— Да ты горячий!

И понеслось: чай, мед, градусник, таблетки. Заставила прополоскать горло, в носки насыпала сухой горчицы (откуда только взяла?) и уложила в постель.

Полуянов безропотно принял заботу. Глаза слипались, голова кружилась. Уже засыпая, пробормотал:

— Сама какую-нибудь профилактику выпей.

И вырубился.

Проснулся — за окном чернота, Надя вдохновенно колотит по клавишам лэп-топа. Услышала, что он шевелится, — мигом свернула файл. Дима выпрыгнул из кровати. Сглотнул — голова продолжала кружиться. Но вида, что ему плохо, не подал, деловито спросил:

— Что происходит?

— Двое полицейских приходили. Тебя хотели опрашивать — я не дала.

— Послушались?

— Да там такие кадры! — презрительно фыркнула Надя. — Толстые, лица скучные. Я сказала, что у тебя свиной грипп, очень заразный. И заверила, что все знаю и готова рассказать. Они согласились.

— Профессионалы, — хмыкнул Дима. — А еще какие новости?

— Могу про труп рассказать.

— Его опознали?

— Да. Это местный. В смысле, из Грибовска. Главный врач «психушки».

— Документов при нем не было.

— С ним наш абориген знаком. Этот, который Петр.

— А зачем психиатр сюда приезжал?

— Никто не знает.

— С ним несчастный случай или его убили?

— Эксперт молчит, как рыба. Но все болтают, что голову доктору проломил и ограбили.

— А почему тогда «квадрик» не взяли?

— Съехали с дороги, типа, следы замести. Завязли. Плюнули.

— Глупость. Скорее, хотели показать, что доктор сам в дерево врезался. Подозревают кого-нибудь?

— Петр про двух горцев болтает. Мол, те не просто вокруг деревни крутились, а тут живут постоянно. Он где-то в лесу палатку их видел. Предлагал показать, но полицейские не пошли.

— Слушай, откуда ты все это знаешь? — изумился Полуянов.

— Интересное кино! Ты спал почти семь часов! Мне было скучно. Вот я и собирала информацию.

— Как?

— Что-то у Анастасии вытянула, с Аллой поболтали, Прасковья сама приходила.

— А они откуда знают?

— Кто случайно услышал, кто специально подслушал.

— Что наше начальство думает делать?

— Сегодня перерыв на форс-мажор, а завтра, говорят, опять съемки, — вздохнула Надя. — А пока народ развлекается, в блогах строчит. Прасковья такое выдала — просто умереть. Показать?

— Давай!

Надя положила компьютер Диме на колени, открыла файл:

— Вот.

— Рядом с нами маньяк? — с выражением зачитал Полуянов. Поперхнулся от смеха и продолжил: — У нас ужасные новости! На съемки программы «Свадьба навывлет» приезжал инкогнито главный психиатр города Грибовска. Однако кто-то проведал, что доктор здесь, и теперь он убит. Ему проломили голову. Возникает вопрос, кто это сделал? Официальная версия — ограбление — не выдерживает никакой критики. У доктора даже дорогую технику — квадроцикл — не забрали. Предлагаю свой вариант: убил один из участников нашего шоу. Спросите — зачем? Отвечаю. Незваного гостя, по слухам, интересовала тема патологических личностей. Психиатр имел обширную картотеку — заносил в нее психопатов, некрофилов, маньяков. Он внимательно смотрел нашу программу и приехал в Селютино, потому что заподозрил в одном из героев преступника. Но тот не допустил разоблачения. Теперь психиатр мертв. Однако смерть его списали на рядовой грабеж. Никто не ищет маньяка. Съемки продолжаются. Нормальных дорог здесь нет — до «большой земли» можно добраться только на вертолете. Мы все в огромной опасности. Но никого это не волнует.

— Круто? — усмехнулась Надя.

— Да, — покачал головой Полуянов и скосил глаза на отклики: — Отреагировали семь тысяч двести сорок человек. Меньше чем за час.

Он вдруг резко вскочил, и Надя сразу взвилась:

— Ты куда?

— Пойду, пройдусь.

— Зачем?

— Не могу я допустить, чтобы кандидаты наук следствие вели, — улыбнулся Дима. — Тем более, если они фальшивые.

Надины информаторы подслушивали и подглядывали. Димин контрагент Петр рубанул с плеча:

— Доктору нужен был Толик.

— А зачем? — осторожно спросил Полуянов.

— Без понятия, — хмыкнул абориген. — Но когда мы за съемками наблюдали, он бинокля с него не сводил. А вечером в их хату пошел. Полтора часа там пробыл.

— Откуда знаешь?

— Сам провожал. И ждал во дворе.

— И что психиатр сказал, когда вышел?

— Ни гу-гу. Но рожа довольная была. Все порывался немедленно в Грибовск ехать. Я еле отговорил. Куда ночью на «квадрике»? Он тогда себе будильник на шесть поставил и двинулся утром — еще только рассветать начало.

— Так и не сказал тебе ничего?

— Нет. Но куда-то звонил два раза.

— Подслушивал?

— Да он во двор вышел. И говорил тихо, — досадливо отозвался Петр. — Я только пару слов разобрал. Одно: «Новосибирск». И что-то узнать просил — очень срочно.

Дима вздрогнул. Анатолий — насколько он помнил — как раз из этого города.

— Ты доктора провожал?

— А то, — гордо отозвался Петр. — Даже кофий ему сварил.

— Когда он поехал, ты сразу в дом ушел?

— Нет. Стоял, смотрел. Он до околицы на малых оборотах доехал, чтобы никого не будить. А дальше уж погнал.

— Кто убил-то его? — будто в пространство, спросил Полуянов.

— Все говорят, что джигиты. А я думаю, может, Толик? Раз доктор по его душу приезжал?

— С полицейскими говорил об этом?

— Да что я, больной? Оно мне надо — проблем на свою задницу наживать? Я и про то, что дохтор у меня квартировал — тоже ни гу-гу. Затаскают ведь — или вообще дело пришьют.

— А если все равно узнают? Тем более будут подозревать.

Но Петр только отмахнулся:

— Брось! — отмахнулся Петр. — Нашей полиции все по фигу. Что им удобнее всего? Лицо кавказской национальности. Причем неустановленное. Вон, даже палатку ихнюю искать не стали.

— А ты ее, правда, видел?

— Ну... близко я не подходил — сдрейфил. Но издали очень похоже. И дымок вился — костер, что ли, жгли.

При чем здесь горцы, и зачем им жить промозглыми ночами в глухом лесу неподалеку от деревни Селютино, Дима понять не мог. Его куда больше интересовал Анатолий. Как бы выяснить, где тот провел конец ночи и утро?

План действий придумался простейший. Надо банально заглянуть в гости и поболтать за жизнь. Он, конечно, не психиатр, но, если внимательно наблюдать, можно что-то подозрительное заметить или поймать на слове. И Дима резво зашагал к домику, где проживал подозреваемый.

На стук за порог вышла грустная Алла:

— Заболел он.

— Чем?

— Да грипп, похоже. Температура тридцать девять и пять. Мышцы ломит, на свет смотреть больно. Напоила аспирином. Спит сейчас.

— Бедняга. И давно его скрутило? — сочувственно спросил Дима.

— Вчера вечером слег. Всю ночь вокруг него скакала. То воды ему, то уксусом обтирала.

— А что за мужик к вам вечером приходил? — невинно поинтересовался Полуянов.

— Сказал, что он — врач-психиатр, — улыбнулась Алла. — Такие глупости нес! Мол, есть у него в больнице какой-то пациент типа пророка. Уже много чего предсказал, и все сбылось. Так вот только этот псих Толика увидит по ящику, сразу в буйство приходит и начинает кричать: «Вестник зла, вестник зла!» Врач и приехал выяснять.

— Ты серьезно?

— Ну, он так сказал.

— А вы что?

— Мы посмеялись.

— О чем еще говорили?

— А тебе зачем? — прищурилась Алла. — Хочешь в свою газету про Толика гадостей написать?

— Зря ты так, — укорил Полуянов.

— Прости. Просто я вся на нервах, ночь не спала. Вот теперь думаю, почему этот психиатр странный только к нам заходил, а к другим нет? И с чего вдруг Толик вестник беды — понять не могу. Нормальный мужик, получше многих других.

— А из дома он не выходил? Вчера вечером, ночью, утром?

— Нет, — покачала головой Алла. — Он совсем плохой был. Толя никуда не выходил. И доктора не убивал. Но только... Я защищаю его, конечно, вроде как невеста считаюсь. Но я ведь совсем не знаю, что он за человек!

— То есть как? — опешил Дима.

— Ну, это я выразилась неправильно. Знаю-то я его лет пять. Мы вместе в театре служим. Он актер, я гримерша. Только никогда особо не общались. Так. Привет, пока!

— А с чего вдруг собрались жениться?

— Он этим летом меня вдруг в кафе позвал и говорит: «У меня к тебе деловое предложение. Давай подадим заявление в загс». Я, конечно, в отпаде. Спрашиваю: «А зачем?» А он: «Меня в шоу сниматься зовут. Но туда нужно только с невестой. Роль ответственная. Возьмешься?»

Дима молчал, переваривая услышанное.

— Я его сначала послать хотела, — смущенно добавила Алла, — но потом подумала: мужчина видный, положительный. И приключение. И слава. Почему нет?

— А почему он именно тебя позвал?

— Считаешь, недостойна мачо? — насупилась девушка. — Да ладно, не утешай. На это у Толика объяснение тоже было. Люська, прима наша, к нему неровно дышит, и поехала бы — только помани. Но она потом ведь и жениться на себе заставит. А я — женщина разумная и непритязательная.

— Я краем уха слышал, что у него была еще какая-то близкая подружка...

— Была. Я ее тоже знала, истеричка еще та. И вообще по жизни — настоящая фурия. Названивала Толику постоянно. В театр приезжала. Выслеживала его, чтобы никогда и ни с кем. Когда они разбежались, вообще пошла вразнос. Толик даже увольняться собирался, переезжать куда-нибудь, да главный режиссер не отпустил. Мы тоже все уговаривали: «Перемелется — мука будет». И тут очень кстати эти съемки подворачиваются. Вот так я и стала невестой.

— Никаких странностей не замечала за ним?

— Рисует. Причем исключительно розы. Всегда красные. И так тщательно каждую прожилку на листике прокрашивает, каждую колючку. Целый блокнот уже измалевал.

— Что ты еще о нем знаешь?

— Ну... — замялась Алла. — Артист он так себе. В театре за фактуру держат. Зато в баре — личность популярная, от постоянных клиенток отбоя нет. И деньги водятся — чаевых каждый вечер тысяч пять-десять.

— Слушай, а он, правда, кредит на свою подружку взял, а потом отказался отдавать?

— Да врет она все, — отмахнулась Алла. — Знаю я про тот кредит. Захотелось ей однажды на Мальдивы, причем на какой-то остров премиальный, куда одни звезды ездят. Толик ей сразу сказал, что это им не по карману. Но она ведь упрямой осла, взяла тайком заем — и купила тур. За сумасшедшие деньги. Толик сначала ругался, но потом все-таки поехал, не выкидывать ведь путевку.

— Слушай, и зачем тебе такой жених?

— Ну, это ведь временно. Замуж за него я теперь точно не пойду, даже если звать будет. Зато телевидение. Известность. Может, в артистки выйду. Или кругосветку выиграем, — без энтузиазма отозвалась Алла и поежилась: — Глупая я. Наговорила тебе всякого... Пойдешь ведь сейчас статью писать?

— О чем?

— Что я невеста фальшивая. Или что Толик — вестник беды, — вздохнула она и добавила: — Ладно. Пойду. Сейчас, наверное, опять проснется, будет воды просить или еще чего. А ты не забудь, что пообещал. Не пиши про нас. И никому не рассказывай.

— Не буду, — кивнул Дима. Никакого «гвоздя» Алла ему все равно не дала. А разводить сплетни — не его профиль.

Кристина болела редко. Но если приключалась напасть — становилась абсолютно несносной. Будто капризная царевна, гоняла Артура сутки напролет. То подай одеяло, то убери. Воды, сока, мокрое полотенце на лоб. Потом вдруг начала кричать, будто Шibaев — тот урод, что на съемках Полуянова обвинял, — ее натуральной оспой заразил.

По счастью, Артур приятельствовал с одной из помощниц Анастасии, и та приоткрывала ему секреты «кухни». И про якобы Шibaева поведала под страшным секретом — действительно, актер. Четыре часа гримировали.

Теперь Артур и Кристине тайну раскрыл. Она вроде успокоилась, ненадолго вздремнула, но к полуночи опять подскочила. И противным, кислым голосом начала требовать, ни много ни мало, — ананас. А где его в диком Селютино взять?

Экзотический фрукт он, конечно, не разыскал, но раздобыл у киношников банку ананасового компота. Пока бегал по ночному Селютино, заметил: во дворе у Петра, местного пропойцы, возвышается нечто объемное, укрытое сверху брезентом. Непонятного вокруг себя Артур не любил, поэтому легко перемахнул через невысокий забор, подошел и осторожно приподнял край брезента. Ничего себе — квадроцикл! Кто это в гости пожаловал?

Артура мало волновали телевизионщики — те постоянно: одни приезжают, другие отбывают в столицу. Но если гость прячется в убогом домишке

аборигена и транспортное средство скрывает — это несколько настораживает. Не по его ли душу? В тысячный раз укорил себя, что позволил тщеславию победить, беспечно выставил себя напоказ всей стране. И тут же мысленно приказал: «Прекрати панику! Вычислить тебя невозможно!»

В эту ночь спал Артур плохо, все прислушивался и еще до рассвета услышал рокот двигателя — еле слышный, на малых оборотах. Выскочил во двор ровно в тот момент, когда мимо медленно прополз «квадрик». За рулем — пожилой, полноватый дядька в ватной куртке, на мента или следака не похож, поэтому Артур слегка успокоился. Кристине, наконец, тоже стало легче, и оба задремали. Проснулись ближе к полудню от громкого стука в дверь — Прасковья спешила поделиться страшными новостями. К Петру приезжал психиатр из местной больницы, и теперь он убит.

Версия про маньяка среди них Артура ни капли не впечатлила. И гибель незнакомого человека совсем не взволновала. Беспокоило другое: полиция понаедет, начнет вынюхивать, всегда опасно, когда ищейки крутятся рядом. Однако, увидев несолидных местных силовиков, сразу перестал волноваться. Подобные кадры глубоко копать в жизни не будут. Да и в чем им Артура обвинять? Доктора приезжего он в глаза не видел, а всю ночь и утро дома просидел, Кристинка подтвердит.

Савелий Юрьевич пил уже третий стакан успокоительного чая с ромашкой и никак не мог придумать, что ему делать. Проявить гражданскую сознательность, пойти в полицию? Пролить свет на мотивы поездки коллеги в Селютино, рассказать про сумасшедшего бородача, его пророчества? Сдать таким образом неведомого ему лично участника шоу Анатолия? Но по обвинению — в чем? Что тот — вестник беды?! Смешно! Может, самому ехать в «психушку», допросить тамошнего прорицателя? Вообще глупость! Просто промолчать? Пусть полицейские сами работают? Тем более что еще ничего неизвестно, может, просто несчастный случай.

Пока раздумывал, зазвонил телефон. Ух, ты, желчная шеф-редактор! Что, интересно, ей надо?

— Слушаю вас очень внимательно, — бархатисто прошелестел он в трубку.

— Савелий Юрьевич, вы ведь главный врач, насколько я помню?

— Да. Заведую местной ГKB. Чем могу быть полезен?

— У нас в Селютино народ заболел.

— Чем?

— То ли простуда, то ли вирус. Семь человек с высокой температурой.

— Какая температура?

— У кого как. Тридцать восемь и пять, тридцать девять, а у одной девушки под сорок.

— На что еще жалуются?

— Голова болит. Горло. Суставы ломит. Спину.

— Кашель есть?

— Нет вроде.

— Сыпь?

— Нет.

— Температура сбивается?

— По-разному. Один совсем ожил. У двоих тридцать семь с копейками.

Девушке плохо. Но вы что — предлагаете нам самостоятельно ставить диагнозы? Или заняться самолечением? Помнится, вы говорили: надо будет — вышлете вертолет. Вот и держите слово.

— Будет вам врач, — заверил Савелий Юрьевич.

— Когда?

— В течение дня.

На станцию «Скорой помощи» звонить бесполезно — начнут скулить, что их машина в Селютино не проедет, завязнет. И, вероятно, будут правы. Кого-нибудь из терапии к телевизионщикам отправить? Или, на всякий случай, инфекциониста? «А может, — вдруг осенило его, — самому съездить? Заодно и про Федора все на месте разузнаю».

К вечеру у Кристины появилась сыпь — совсем крошечные красные точки на сгибах локтей, на груди, на лице, на шее.

— Что это за дрянь? — взывала девушка. — Я тебе говорю: это оспа!!

— Хватит! — рявкнул Артур. — Ты ветрянкой болела?

— Да. Или, может, свинкой. Я не помню. — С несчастным видом отозвалась Кристина и, взглянув в зеркало на свое лицо, завопила: — Как я с этим сниматься буду?!

— Ну... может, пройдет, — пробормотал Артур.

Он сам — издерганный бессонной ночью, суматошным днем, убийством — про грядущую борьбу пар даже не думал.

— Ветрянка — это на три недели! — продолжала причитать Кристина. — Нас просто выкинут из программы, и все!

— Может, у тебя аллергия?

— С температурой? Что ты несешь?!

— Да подожди бушевать. Смотри. Жаропонижающее тебя не берет. Теперь еще сыпь. У тебя, наверное, эта, как ее... индивидуальная непереносимость.

— Тогда больше никаких таблеток мне не давай. И тональную пудру из сумочки принеси.

— Зачем?

— Надо замазать. Чтобы врач не увидел.
— Ты с ума сошла?!
— А ты думаешь, я допущу, чтобы мы вот так вот — позорно — проиграли?!

Зря его ругала Надюшка — Дима считал, что спасла его именно шоковая терапия. Вон, остальные лежат, себя жалеют, чай с медом пьют и не поправляются. А он с утра побегал, вечером к Алле сходил, теперь за компьютером глаза ломает — и чувствует себя прекрасно.

Митрофанова подошла, пощупала лоб и с подозрением произнесла:

— Нормальная. Ты жаропонижающее не пил?

— Нет, нет. Я поправился. Это была всего лишь краткосрочная простуда.

— А у Кристины, говорят, сыпь появилась. У тебя нигде нет?

Полуянов улыбнулся:

— Мне раздеться?

— А давай! — задорно предложила Надя.

Дима покорно вытерпел осмотр кожных покровов, а затем повалил своего личного доктора на постель. Не успели отдышаться, как в дверь неожиданно постучали, и он, поднявшись, пошел открывать.

На пороге возвышался мясистый, деловитый, лоснящийся незнакомец. В руках докторский чемоданчик. Глаза — уверенные, почти наглые. Нисколько не похож на вечно бледных, загнанных участковых.

— Где больной? — требовательно спросил он.

— Перед вами, — улыбнулся журналист.

— Дмитрий Полуянов?

Ответить Дима не успел, так как в сени выскочила Надя и застрекотала:

— Вы врач? Пожалуйста, проходите!

Мужчина важно прошествовал в комнату, уселся за стол и внимательно посмотрел на Диму. Тот коротко изложил врачу историю болезни и твердо заверил, что сейчас он в полном порядке.

Мужчина на слово не поверил, и Полуянову пришлось вытерпеть еще один тотальный осмотр.

Когда доктор собрался уходить, Надя спросила у него:

— Он, правда, поправился?

— Сейчас никаких проблем не вижу, — скупой улыбнулся мужчина.

— Очень странно. Даже простуда за один день не проходит. А что с остальными?

— Предварительный диагноз — ОРВИ.

— У Кристины какая-то сыпь.

— Видел, — усмехнувшись, ответил доктор.

- И что это у нее?
- Давайте не будем обсуждать чужие диагнозы.
- Но она не заразная?
- Навещать ее пока не нужно.

С тем и ушел.

— Странное какое-то ОРВИ, — задумчиво пробормотала Надя. — Кристине совсем плохо, Артуру — хоть бы хны. Толик болеет, Алла — нет. И я от тебя не заразилась.

— Зато точно — не оспа. Она косит всех поголовно, — покачал головой Дима и засел за компьютер.

Хотя Анатолий сейчас и выглядел абсолютно больным и беспомощным, Полуянова всерьез заинтересовала версия, что красавец из Новосибирска задумывал масштабный террористический акт. Но только что он мог узнать отсюда, из Селютино? Мировая паутина оказалась чрезвычайно скупа в отношении артиста второго плана. В рецензиях на спектакли театра его фамилия не упоминалась ни разу. Профили в социальных сетях оказались банальны до неприличия. И по поводу шоу Анатолий — единственный из всех — ни разу в Интернете не высказался. Хотя по контракту они, вроде, все обязаны.

А про его экс-девушку — Людмилу Петельскую — вообще не нашлось ни одного упоминания. Даже профилей в соцсетях не имелось. По нынешнему времени — совсем подозрительно.

Савелий Юрьевич завершил обход больных поздним вечером. Семь домов в разных краях деревни посетить — не шутки. Ноги с непривычки гудели, настроение с каждым часом становилось все хуже. Съёмочная группа выделила доктору гостевой дом со всеми удобствами, но все равно перспектива ночевать в Селютино чрезвычайно раздражала. Еще больше раздражало, что он — главный по медицине во всем Грибовске — не понимал природу свалившейся на многих хвори. Народ в Селютино увлеченно муссировал тему натуральной оспы, но шеф-редактор честно рассказала про постановку с мнимым инвалидом, и Савелий Юрьевич сбросил страшный диагноз со счетов. Проще всего, конечно, ограничиться стандартным ОРВИ, но чутье прямо-таки вопило: нет, здесь что-то иное.

У троих — обычные катаральные явления.

Шустрый журналист неведомым образом выздоровел — всего за сутки. Однако у безутешной блондинки сыпь неясного генеза, а это всегда тревожно. Да и еще у двоих симптомы были совсем не типичные для обычной простуды. Оператор жалуется на сильную тошноту и рвоту. У осветителя — боли в пояснице. ОРВИ, аллергическая реакция, кишечная инфекция, пиелонефрит? В одно время и в одном месте?

Может, все-таки позвонить в область? Прямо сейчас? Пусть присылают вертолетом бригаду? И очень желательно — инфекциониста. Сыпь — всегда тревожно. Хотя ночью все равно ведь не полетят. А завтра с утра можно снова навестить пациентов, посмотреть динамику и тогда уже делать выводы.

С этой мыслью Савелий Юрьевич и улегся в постель. Но только начал проваливаться в приятное небытие, как зазвонил телефон.

— Да! — злобно рявкнул доктор.

— Савелий Юрьевич? — ласково поинтересовался незнакомый мужской голос с легким восточным акцентом. — Вам большой привет от супруги Марины Романовны и вашей дочки Ларисы.

Часов в десять утра по Селютино с ревом пронесся джип. А спустя час репродукторы, что недавно сзывали всех на сдачу норм ГТО, бодрым голосом ведущей оповестили:

— Дорогие друзья! Вы еще не забыли, что такое выходной день? Поздравляем, сегодня он для вас наступил. После обеда мы всей командой едем в Грибовск. Будет большая программа: сначала пойдем в кинотеатр на премьеру, потом будет банкет в лучшем городском ресторане. Также мы снимем небольшой и очень милый кулинарный конкурс. Сбор в пятнадцать ноль-ноль. Ждем вас наряженными, а главное, в отличном настроении!

— Класс! — возликовала Митрофанова. — Мы поедем в город!

Полуянов тоже обрадовался:

— Не думал, что могу соскучиться по людям и светофорам.

— Мыться будешь? — услужливо предложила Надя. — Я бойлер включила и чистые полотенца повесила.

— Ты первая, — улыбнулся Дима. — Я сейчас приду.

И он отправился к Анатолию.

Ничего себе, как щеки ввалились! Глаза блестящие, губы обметаны. Дима смело присел на край кровати и пробормотал:

— Толь, ты как?

— Спасибо. Хреново.

— Что болит?

— Все, — судорожно сглотнул Анатолий, попытался привстать и, охнув, скривился: — Спину тянет кошмарно. Ты просто апельсинов принес или надо чего?

Полуянов мысленно вздохнул: раз шел по делу, нечего притворяться заботливым другом.

— Хотел про Людмилу Петельскую спросить.

— Зачем тебе она? — поморщился Анатолий.

— Да я еще с тех съемок голову ломаю. Где-то ее видел, а где — вспомнить никак не могу.

— В полиции мог видеть, — слабо улыбнулся Анатолий, — в суде или у нас в Новосибирске.

— А что она там делает?

— Переводит. С ходжарского.

— С какого?!

— В России почти двести тысяч этнических ходжар. Разумеется, иногда нужен переводчик.

— А Петельская откуда язык знает? — неприкрыто изумился Полуянов.

— У Людки отец ходжарец. Она в республике до двадцати лет жила. Там школу закончила, в институте два курса. Вот ее полиция и привлекает переводить на допросах.

— Выходит, твоя подруга — наполовину ходжарка?

— Ага. Бэла, блин, ее настоящее имя.

— А фамилия?

— Фамилия мамина. Бэла Петельская.

— А твоя Бэла кем себя считала — ходжаркой или русской?

— Хотела стать нашей. Изо всех сил, — усмехнулся Анатолий. — Но горы, знаешь ли, легко не отпускают. Она еще и английский хорошо знает. Недавно в экспедицию ездила. В Якутск. Совместный проект с учеными из Америки и Ходжарии.

— И что они там искали?

— Кости, что ли, мамонтовые, — ответил Анатолий, упал на подушку, закрыл глаза и пробормотал: — Дим, прости, что-то устал я совсем.

Он начал поворачиваться на бок, одеяло сбилось, и Дима увидел на сгибах его локтей ярко-красные пятнышки.

Махнул Алле, та подошла и сказала:

— Его сегодня с утра обсыпало.

— Доктору звонила?

— Да, он был. Говорит, кожная реакция на высокую температуру.

Дима нахмурился. И вдруг бухнул:

— Толь, каким образом можно транспортировать вирус оспы?

— Что? — вскинулся Анатолий.

— Тот психиатр тебя «вестником смерти» назвал. Может, потому, что ты сюда эту заразу привез?

Тут даже равнодушная Алла возмутилась:

— Дим! У тебя с головой вообще все в порядке?

Анатолий же просто отвернулся к стене, укрылся одеялом с головой.

— Извините меня, — пробормотал Дима.

— Да ладно, — кивнула Алла. — Понимаю, что нервы у всех на взводе. Вот только как нам ехать — ума не приложу.

— Куда?

— Развлекаться.

— А вы что, собираетесь?

— Жека приходил, сказал: явка строго обязательна. Нам обоим.

— Толик даже до машины не дойдет.

— Никого не волнует. Сказали, если не поедем, выгонят сразу. За саботаж.

— Они что, издеваются?

Полуянов вышел из домика. Постоял во дворе. Подумал. Что все-таки крамольного доктор из Грибовска узнал про Анатолия? И кто психиатра убил? Те двое горцев, что крутятся вокруг лагеря и даже вроде бы установили где-то неподалеку палатку?

Интересная, кстати, цепочка. Людмила Петельская — наполовину ходжарка. И двое в кожаных куртках — тоже не русские. Но кто они конкретно: армяне, азербайджанцы, чеченцы? Ходжарцы?!

И еще, зачем абсолютно больного человека под угрозой вылета с проекта заставлять ехать развлекаться? Что за дикая блажь?

Первым делом — по закону подлости — Полуянов наткнулся на Анастасию. Та хмуро спросила:

— Что тебе?

Редакторша и раньше выглядела неважно: кожа прокуренная, желтоватая, глаза усталые, в обрамлении мешков и морщинок. А сегодня лицо вообще серое, и румянец на щеках полыхает.

— Вы тоже, что ли, заболели? — спросил Дима.

— Полуянов! Простуда — это не болезнь! — взвилась Анастасия. — Во всех нормальных странах на нее вообще не обращают внимания! Только мы при первом чихе в постельки улеглись, доктора потребовали! Съёмочный процесс срываем! Иди, переодевайся! Мы через полчаса выезжаем!

Комнат в штабной избе всего три. Полуянов непочтительно отодвинул Анастасию, заглянул в первую — там операторы шлепали картами в «дурачка». А дверь второй вдруг отворилась, и из нее вышел продюсер Клычко-Желяев. Вострые глаза обшарили диспозицию, и он недовольным голосом изрек:

— Настя, заткнись! Полуянов, зайди!

С Клычко-Желяевым они познакомились накануне отъезда в Селютино. Продюсер лично вручил Диме подписанный контракт, пожелал только победы и попросил писать про съемки «много и что угодно». Журналисту он

понравился. Артистичный, немногословный, Клычко-Желяев, несомненно, обладал нюхом на талантливых людей, отлично чувствовал конъюнктуру и даже скучные на этапе заявок затеи умел превращать в рейтинговые шоу.

Дима рта не успел раскрыть, как продюсер выстрелил:

— Проблемы?

— Вопрос. Вы в курсе, что серьезно больных насильно тащат в Грибовск?

— У нас есть серьезно больные?

— Да. Двое.

— Ты тоже вызывал врача.

— Я поправился, а вот у них дела куда хуже.

— И кто им велит ехать в Грибовск?

— Анастасия. Обещает, что иначе выгонит из шоу.

Продюсер задумался — на секунду, не больше. Затем стукнул кулаком в стену. В комнату немедленно ворвалась пухленькая девчушка из редакторской группы.

— Врача сюда и Анастасию, — велел он.

Эти двое явились почти мгновенно. Сесть им Клычко-Желяев не предложил. Обратился к доктору:

— Повторите ваше заключение.

— У всех осмотренных состояние удовлетворительное, диагноз ОРВИ, желателен домашний режим, однако участие в съемках, при необходимости, не возбраняется, — забубнил врач.

Клычко-Желяев обернулся к Полуянову:

— Будешь спорить?

— Да. Я не могу говорить про всех, но у Кристины и Анатолия температура под сорок. У обоих сыпь. Девушку я не видел, но Толик на постели приподняться не может. Какой может быть Грибовск? Какие съемки?!

— Твое слово, — повернулся продюсер к шеф-редактору.

Она наградила Диму уничижительным взглядом и горячо произнесла:

— Я не могу возить их в Грибовск просто для развлечения! Там запланированы съемки, кулинарный конкурс, уже заказаны продукты, приглашено жюри. Без двоих участников вся затея теряет смысл, и почему какой-то...

— Ты температуру сегодня мерила? — перебил ее Клычко-Желяев.

— Мне делать больше нечего? — оцетинилась Анастасия.

— Возьми. — Он извлек из ящика стола аптечку, из нее — электронный термометр, перебросил через стол и приказал: — При мне!

Она покорно сунула градусник под мышку. Через три секунды прибор запищал.

— Давай сюда! Тридцать восемь и две! Все, Грибовск отменяется!

— Вам напомнить, во сколько обходится день простоя? — не растерялась Анастасия.

— Простоя не будет. Перенесем действие в студию. Кулинарию к черту! Формат ток-шоу. Мотор не позже шести. Те, кто болен, присутствовать не обязаны. У тебя все? — обернулся продюсер к Полуянову.

Дима хотел поговорить об убийстве психиатра, но в присутствии Анастасии и врача поднимать тему не хотелось.

А Клычко-Желяев махнул в его сторону рукой:

— Гуляй, Дима! Я исполняю только одно желание в день.

Вернувшись в свой домик, Полуянов взялся изучать блоги и посты участников шоу.

Прасковья продолжала муссировать тему маньяка. Верный себе Артур выложил детальный отчет о визите доктора. Текст получился чрезвычайно скучный, и лайков он собрал совсем немного. Алла уже успела выложить все сегодняшние откровения Анатолия:

«Только представьте, его бывшая невеста Людка оказалась ходжаркой! Сроду бы не подумала, что в ней есть какой-то восток. Понятно теперь, почему Толик так рвался сюда, на съемки. Когда ходжарцы мстят — милости не жди. А она с ними на короткой ноге, в экспедиции ездит!»

Дима вдруг заинтересовался — а что за экспедиция такая? Анатолий говорил — совместный проект американских и ходжарских ученых? Начал пытаться поисковик, очень быстро добыл фотографии: полноводная река, крутой песчаный склон, скудного роста, но сочного зеленого цвета растительность. Несколько мужчин — двое из них, несомненно, восточной внешности. Между ними кокетливо улыбается Петельская. Подпись гласит: «В экспедиции с нашей очаровательной переводчицей».

С российской стороны, сообщал Интернет, проектом занимался некто Юнусов. Ходжарец. Как уверял его личный сайт, товарищ являлся доктором наук и профессором. Изучал биологию, генетику и патанатомию. В Якутию, совместно с американцами, господа отправились добывать ДНК мамонта (удалось ли — в отчете об экспедиции не сообщалось).

Сайт пестрел кучей сканов — дипломы, грамоты, благодарности.

Дима быстренько свернул благостную картинку. Еще раз пробил Юнусова — теперь одного — через поисковик. И застыл с широко раскрытыми глазами.

Телевизионщики умели держать интригу. Как Надя ни старалась — выяснить тему нынешнего ток-шоу не смогла.

— Но явно не о погоде будем говорить. Что-то они задумали.

Диме, честно говоря, было наплевать. Информация о профессоре из Ходжарии Акраме Юнусове ошеломляла. Сбивала с ног.

Но пугать прежде времени Надю он не стал. Надеялся, что во время съемок никто не будет приставать лично к нему, и он сможет спокойно подумать, как ему поступить.

Зрителей сегодня не пригласили. Участников — их осталось четырнадцать человек, Кристина и Анатолий не присутствовали, — рассадили на сцене по четырем диванчикам. Петельки с микрофонами не цепляли. Анастасия строго предупредила:

— С места не орать. Никто все равно ничего не услышит. Хотим сказать — подняли руку, девочки подойдут с микрофоном. Снимаем!

На сцене появилась ведущая в очередном удивительном наряде — темно-синий приталенный костюм, черные мужские штиблеты, голову украшает фуражка, через плечо — объемная белая сумка с черной полоской.

— Сегодня я буду вашим почтальоном! — радостно провозгласила она. — Ведь вы, дорогие друзья, отрезаны от мира, соскучились по вашим друзьям и, конечно, хотите получить от них весточку! Позвольте прочитать вам первое письмо.

— Опять подстава, — громко резюмировала Василиса.

По рядам участников прошелестел шепоток. Артур нервно щелкнул пальцами.

Ведущая вынула из почтальонской сумки белый конверт и обернулась к атлету:

— Тебе передают привет, господин спортсмен. Давайте посмотрим.

Свет в студии погас. Засветился экран. На нем появился молодой человек — лицо его было размыто. Однако Артур сжал кулаки и сместился на самый край дивана — словно готов был сорваться и убежать.

Утробный (несомненно, измененный) голос произнес:

— Привет, Артур! Я слышал, с твоей новой девушкой опять несчастье? У юной спортсменки-красавицы — тяжелая, неведомая болезнь? Скажи, на что ты надеешься в этот раз? Что патологоанатомы снова напишут удобный тебе диагноз? Про сердечный приступ? У абсолютно здоровой, молодой женщины? Тебе не надоело убивать? У тебя есть хотя бы остатки совести?

Экран погас.

К Артуру кинулась ассистентка, всунула в руки микрофон.

— Прокомментируй, — ласково обратилась к нему ведущая.

— Это все вранье, — прохрипел Артур.

— Что именно?

— Я никого не убивал!

— Но, согласись, очень странно, когда твоя супруга умирает в возрасте двадцати двух лет. Кстати, знает ли Кристина о том, что ты был женат? Штампа о браке в твоём паспорте нет — документ ты предусмотрительно потерял...

— Кристи... все про меня знает, — с видимым усилием произнес Артур.

— Расскажи тогда и нам.

— Лена... моя бывшая... просто упала и умерла. Я никак поверить не мог. Не мог понять. Сам просил, чтобы экспертизу два раза сделали. У нее оказался порок сердца. Лена про него понятия не имела, болезнь себя никак не проявляла. Я не виноват! А вы... вы просто свиньи, что меня обвиняете! Я Кристи больше жизни люблю!

— Хорошо. Тогда ответь. Ты молодой, здоровый, тренированный парень. Но никогда в жизни не имел постоянной работы. На что вы с Кристиной живете?

— Квартиру сдаем. В рекламе снимаемся.

— Этого хватит — на хлеб с водой и кроссовки, — пренебрежительно отозвалась ведущая. — А вы только за тренировочный лагерь в Таиланде заплатили больше тридцати тысяч долларов.

Артур сжал кулаки и с ненавистью процедил:

— Мне в казино везет.

— Почему тогда налоги не платишь? По закону положено тринадцать процентов. Но ты декларацию никогда в жизни не подавал.

— Что я, дурной — с выигрышей налоги платить? Я деньги не по паспорту получаю.

— Великолепное, смелое, патриотичное заявление! — усмехнулась ведущая. — К тому же ни один человек в мире не может прожить на выигрыши из казино. В игорных домах всегда оставляешь больше, чем получаешь от них. Артур, несомненно, что-то скрывает, и мы его обязательно выведем на чистую воду. В самое ближайшее время.

Она резко отвернулась от поверженного спортсмена и вытащила из своей старомодной сумки новый конверт:

— Но у нас есть послание еще одному из героев.

Свет в зале снова погас.

На экране появилась женщина. Выглядела она злоеце — закутана в черный плащ, руки в перчатках, лицо скрыто венецианской маской. Голос хриплый, дрожащий, но Наде он почему-то показался знакомым.

— Я — Люда... Люда Петельская, — тяжело дыша, проговорила женщина в маске. — Толик, ты здесь? Ты меня еще помнишь? Впрочем, мне плевать — забыл ты меня уже, или нет. Я хочу рассказать тебе одну сказку. Милую-премилую историю на ночь. Помнишь, я ездила в экспедицию —

ты считал, что в славный город Якутск и дальше — в Батагай, в Бетенкес? Но я тебя обманула. В Якутске мы оставались только полдня. Я сходила на черный рынок, купила тебе бивень мамонта. Ты, дурачок, обрадовался, благодарил. Но на самом деле мы ездили вовсе не в Бетенкес, не на раскопки очередного мамонтенка Димы. Нашей целью был город Зашиверск.

— Елки-палки! — пробормотала Прасковья. Хоть кандидатские корочки и фальшивые, кошмарную историю этого места она, похоже, знала.

Дима и вовсе покрылся холодным потом. Остальные участники пребывали в очевидном неведении.

Страшная леди перешла на полусшепот-полухрип:

— Все население этого города еще в давние времена погибло от черной оспы. Люди умирали сотнями, хоронить их не успевали — дело происходило зимой, некому было копать мерзлую землю. А весной трупы плыли вниз по реке Индигирке. Зашиверск исчез, все боялись заразы и обходили его стороной. Но в 1969-м году туда отправилась экспедиция. Археологи вскрыли несколько захоронений — и все тоже очень быстро погибли от черной оспы. А ведь тогда против этой болезни еще делали прививки. В наши дни она считается побежденной, население не вакцинируют уже больше сорока лет. Но из вечной мерзлоты очень медленно поднимаются тела. Тела людей, умерших в давние времена от ужасной болезни.

— Тебе не кажется, что они начали повторяться? — тихо проговорила Надя, повернувшись к Полуянову. Он не ответил. Сидел бледный, с расширенными зрачками.

А завернутая в черное Петельская продолжала хрипеть:

— Дорогой Толик, ты давно живешь в Новосибирске, и, конечно, знаешь, что в 1991-м году ученые из «Вектора» ездили в Якутию, где на поверхность поднялись останки семьи, погибшей от черной оспы. Сотрудники «Вектора» надеялись обнаружить новый штамм вируса для своей коллекции. Тогда им это не удалось. Эксперимент повторили в 2004-м году, и он оказался успешнее. Новая мумия дала достаточно ДНК для частичного восстановления последовательности. Но настоящий — живой — штамм черной оспы смогли достать только мы. Сейчас.

Черная оспа начинается невинно — как простуда или грипп. Температура, болят мышцы, тянет спину. Через несколько дней на теле появляется сыпь. «Аллергия, ветрянка, корь», — думают доктора. Но на третий или четвертый день сыпь превращается в оспины. Они похожи на большие прыщи, внутри которых прозрачная жидкость. Затем они лопаются, а на их месте образуются эрозии. Они с каждым днем увеличиваются вглубь и вширь, превращая человека в урода. Ты считаешь, у тебя грипп, Толик? Нет, у тебя самая настоящая черная оспа. И больше никто и никогда

в жизни не согласится целовать твое лицо. Лицо некогда прекрасного принца! Смеетесь? Не верите? — зловеще добавила она. — Думаете, вас опять разыгрывают? Так посмотрите, как теперь выгляжу я! Ни один гриммер не сможет изуродовать человека так, как это делает по-настоящему страшная болезнь, — и сорвала с лица венецианскую маску.

Лицо, изрытое кровоточащими ямами, и страдающие глаза.

В студии дружно охнули.

— Боже мой! — пробормотала Надя.

А Петельская тихо произнесла:

— Повторяю. Это не грим, дамы и господа. Это натуральная оспа. Мне немного вас жаль, милые охотники за славой, и вообще безвинно пострадавшие операторы, осветители и кто там у вас еще есть. Но когда делаешь большое дело — всегда летят щепки. Вы попали под молох случайно. Что ж, благодарите за это Анатолия. Человека, который меня предал.

Картинка оборвалась.

Студию накрыла гробовая тишина.

А дальше — откуда-то из темноты — раздался оглушительный визг, и на сцену яростной фурией вылетела Кристина. Лицо и руки ее полыхали ярко-красными точками, щеки багровели нездоровым румянцем.

— Кристи! — вскочил Артур.

Но девушка бросилась не к нему — к Анастасии. Схватила редакторшу за грудки, взвыла:

— Это правда? Эта тварь сказала правду?!

Ведущая судорожно вцепилась в свою сумку. Шеф-редактор пыталась оторвать от себя Кристину. Ассистенты, осветители, гримерши сбились в кучку, и только операторы — будто ничего не случилось — продолжали снимать. Две камеры были направлены на сцену, остальные — на двух скандалящих женщин.

— Что за хрень? — В полный голос выкрикнул Александр.

А его невеста Прасковья лихорадочно затараторила:

— Я знаю про Зашиверск! Она правду сказала!

— Ребята! — попыталась возразить Надя. — У нас был уже один якобы прокаженный! Все это подстава, глупая игра!

— Все, хватит! — раздался вдруг громовой голос, и на сцену уверенной походкой поднялся Клычко-Желяев. — Я продюсер этого шоу, и я, от имени всей съемочной группы, честно признаю: мы не знаем, правду ли говорит эта женщина. Она прислала свое видеописьмо за минуту до эфира, поэтому мы не успели его предварительно просмотреть. Меня тоже шокировали ее слова. Однако в наших силах спокойно во всем разобраться и понять, правду ли она говорит. В нашей студии присутствует врач. Давайте спросим его.

Эскулап нетвердой походкой вышел на сцену. Волосы его были всклокочены, руки тряслись, зубы цокали о микрофон.

— Савелий Юрьевич Шишкин, главный врач городской клинической больницы города Грибовска, — представил его продюсер. — Вчера он прибыл в наш поселок, чтобы лично осмотреть заболевших. Какой у вас предварительный диагноз, доктор?

— У них... ОРВИ. Острая вирусная инфекция.

— Почему тогда у этой дамы сыпь? — показал на Кристину Клычко-Желяев.

— Это... реакция... — начал бормотать Савелий Юрьевич. Вдруг он резко рванул ворот рубахи и выкрикнул: — Нет! Не могу больше! Я врач, я Гиппократу клялся! Пусть будет, что будет! Я еще вчера понял: здесь все плохо... Хотел немедленно вызывать инфекционистов, информировать СЭС. Но мне... мне позвонили... Они забрали мою жену и дочь! Их похитили! И заставили меня всем говорить, что это ОРВИ! Иначе их убьют!

Студия дружно охнула.

— Кто вам звонил? — деловито осведомился Клычко-Желяев.

— Я не знаю! Но они дали трубку Ларисочке! Моей дочке. Она так плакала! Что мне оставалось?! Я не стал никого вызывать. Лариса, рыбка моя! Что они с тобой теперь сделают?!

— То есть это действительно черная оспа? И мы все теперь станем уродами?! — в ужасе выкрикнула Василиса.

— Прекратить панику! — рявкнул продюсер и набросился на несчастного врача: — Возьмите себя в руки! Включите мозг! Вы тут единственный медик! Что за болезнь у Петельской? Оспа? Или что-то иное?

— Я... я никогда лично не видел таких больных, но ее вид, характер высыпаний... они очень похожи на черную оспу. Хотя я не понимаю. ВОЗ еще сорок лет назад объявила: болезнь побеждена. Даже в беднейших африканских странах... Последний случай был в Сомали в 1977-м году...

— А что это еще за Зашиверск? Звучит, как выдумка!

— Это настоящий город! — выкрикнула Прасковья. — И все его жители погибли! В эпидемии!

— И что — вирус за многие столетия сохранил силу?

— В вечной мерзлоте такое возможно, — пробормотал врач.

— Нет! — снова завопила Кристина, бросилась на сцену и упала на колени перед врачом: — Нет! Ну, пожалуйста! У меня ведь просто аллергия! Вы вчера сами говорили!!!

— Милая, я сам не верю! — забормотал Савелий Юрьевич. — Нас учили, что черной оспы на планете давно нет. Нужны анализы, инфекционист...

Кристина рухнула ничком и горько зарыдала.

— Как вам не стыдно! — прогремел Клычко-Желяев. — Нельзя ничего принимать на веру, пока нет доказательств! Я бывал в Новосибирске, видел, как охраняется «Вектор». Похитить оттуда штамм вируса абсолютно невозможно. А байки про тела из вечной мерзлоты — обычная «страшилка», гуляющая в Интернете. Обиженная невеста просто не знает, как отомстить, вот и придумала страшную сказку.

Полуянов решительно поднялся на сцену и произнес в микрофон:

— Это не сказка. Я сегодня узнал: российско-американская экспедиция в Зашиверск действительно была. Ее организатором с нашей стороны был ходжарец Акрам Юнусов. Петельская — наполовину ходжарка и его давняя знакомая — ездила туда как переводчица с английского. Юнусов — доктор биологических наук. Профессор. Декан факультета естественных наук Ходжарского университета. В сентябре этого года его обвинили в сотрудничестве с международной террористической организацией. Сначала арестовали, но через несколько дней взяли подписку и отпустили. Адвокат заверил, что его подзащитный явится на допрос по первому требованию. Однако в тот же вечер Юнусов исчез — и из Ходжарии, и из России. Сейчас он находится в международном розыске. А террористическая группировка, с которой он сотрудничал, в начале ноября объявила, что в ее руках — опаснейшее биологическое оружие. Так как подобные заявления делались и прежде, им не придали значения. Но сейчас, сложив два и два, я думаю, что это правда. Биологическое оружие появилось. Это черная оспа. Причем инфицирована, возможно, вся страна. Ведь Петельская приехала на съемку из Новосибирска. Как она добиралась? — обернулся Дима к Анастасии.

— На самолете. Регулярным рейсом. Потом поездом. В купе, — проворчала шеф-редактор.

— И какой прогноз? Мы умрем? — спросил Клычко-Желяев почти с детским любопытством.

— Думаю, что нет. Сейчас есть лекарства, — уверенно произнес Полуянов и хотел еще что-то добавить, но его прервал Клычко-Желяев:

— На этом мы прощаемся с вами. Нам нужно срочно принять все меры, чтобы излечить заболевших и не пустить инфекцию дальше Селютино. Всем по домам, и никуда не отлучаться. Сейчас приедут врачи. Все будет хорошо.

— Не смогут они сегодня, — жалобно пискнул доктор. — Уже темно, вертолет не сядет. Только завтра с утра.

— Нет! — взвилась Кристина. — Я хочу немедленно! Вдруг еще можно успеть?! Дайте мне машину! Я сама поеду в город!!!

— Никуда ты не поедешь! — рявкнул продюсер. — Я — лично я! — объявляю карантин. Никто из Селютино не выйдет до тех пор, пока этого не позволят врачи!

— Но зачем ждать утра? — подал голос Артур. — У вас ведь есть транспорт. Давайте поедem в больницу прямо сейчас!

— Тебе мало, что нас тут больше ста человек? Хочешь весь город заразить?!

— Да мне как-то плевать, — пожал плечами Артур. Но настаивать на своем не стал. Обнял Кристину и медленно повел ее к выходу.

— А можно, я у вас посижу? — подошла к Диме и Наде Алла.

— С какой это стати? — поджала губы Митрофанова.

— Надюш! Но она ведь здорова пока. А что риск — так мы все под Богом ходим, — вступился за Аллу Полуянов.

— Я бы тебя больного не бросила! — отрезала Надежда и тут же фыркнула: — Ладно. Пусть сидит. Предательница!

— Может, правда не ждать никакой вертолет? — горячо предложила Алла. — Угоним у доктора джип. К полуночи уже будем в больнице. Пусть колют. Иммуноглобулин. Все, что можно! Не хочу я такого лица, как у этой Петельской.

— Тогда надо по справедливости, — твердо произнес Дима. — Сначала везти тех, кому хуже. Толика. Кристину. Осветителя этого с сыпью.

— Дима, — жалобно произнесла Надя, — хочешь делать добрые дела — иди, делай. Только давайте мы сначала придем домой и спокойно посидим в тишине. Хотя бы полчаса. У меня голова просто взорвется сейчас.

Алла согласно кивнула. Про своего жениха — возможно, уже умиравшего — она даже не вспомнила.

Артему Кудряшову давно хотелось сорваться и поехать в Селютино, чтобы написать о съемках телешоу, как говорится, «изнутри». Судя по тому, как участники друг друга в Интернете поливают, ситуация у них там шипит-искрит. Плюс интрига — не постановочная, настоящая: кто все-таки заезжего доктора убил? Попасть бы к ним в штат, все равно кем: разнорабочим, грузчиком, ассистентом.

«Раз у них там грипп, работать некому — может, явиться и «на голубом глазу» предложить помощь? Надюшку заодно посмущать, кавалера ее по-нервировать?»

Но планы так бы и остались планами, если бы в тот вечер в верхней строчке топовых новостей он не увидел потрясающую новость:

В деревне Селютино Грибовского района — вспышка неизвестной инфекции!

Любой нормальный человек порадовался бы, что сидит в безопасной Москве, в семи сотнях километров от очага заразы. Но Артем даже статью до конца не дочитал. Нужно мчаться, причем немедленно, иначе он свой

«гвоздь» никогда не найдет. Ехать, пока машина-государство не раскачалась и не оцепила деревеньку кордоном. Если гнать на пределе — он успеет раньше.

Дима думал: дома девчонок «накроет». Осознают, проникнутся, начнут причитать в стиле Кристины: «Умрем! Станем уродками!!»

Но то ли Алла с Надюхой все эмоции в студии выплеснули, то ли друг перед дружкой хорохорились, но никаких стенаний и слез не последовало. Наоборот, когда Дима разлил по стаканам спиртное, образованная Митрофанова, улыбаясь, процитировала:

*Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы.
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.*

Вдруг с улицы раздался яростный рев мотора, и Дима бросился к окну. По деревенской грунтовке, не щадя подвески, мчался роскошный джип продюсера. Капитан, как крыса, бежит с тонущего корабля? И в ту же секунду в дверь заколотили. Отворить он не успел — щеколда вылетела от удара ноги. На пороге, со свистом дыша, стоял Артур. Не дал Полуянову слова вымолвить, схватил его за руку:

— Бежим! — и яростно потянул за собой.

Дима послушно побежал следом за ним. Артур, отрывочно, на выдохе после каждого скачка, процедил:

— Они... сбежали.

— Кто?

— Кристи и Глеб.

— Зачем?

— Кристи... срочно хочет... в больницу. А он... ее повез. Надо их догнать... Ей с ним... нельзя.

— А я тебе зачем? — Дима тоже начал задыхаться.

— Отобрать ключи... один не смогу... У тивишников... без мазы. Продюсер... от всех машин... ключи отобрал... Сейчас доктору в рыло... и его джип заберем.

Артур еще больше увеличил скорость, на полном ходу взлетел на крыльцо и мощным ударом плеча сбил с петель дверь гостевого домика.

— В чем дело? — бросился им навстречу доктор.

— Ключи от тачки! Быстро! — схватил его за гоудки Артур.

На съемках эскулап выглядел «тетехой», тугодумом, но сейчас сообразил сразу и торопливо заговорил:

— Не надо! В Грибовске ей не помогут. А здесь уже утром будут лучшие врачи! Лекарства!

Ждать новых аргументов Артур не стал — двинул Савелию Юрьевичу кулаком в подбородок. Бедняга рухнул — и больше не спорил. Трясущаяся рука полезла в карман брюк, швырнула ключи.

— Бежим! — велел атлет Полуянову.

— Заводи, — кивнул Дима. — Я сейчас.

Он помог доктору сесть и осторожно спросил:

— Что с вашей семьей?

— Их отпустили. — Лицо с кровоточащей губой расплылось в счастливой улыбке. — Дочка звонила...

Во дворе отчаянно просигналил джип, и Полуянов, выскочив из домика, забрался в машину.

Артур вдавил педаль газа в пол. Несмотря на безумную скорость, ямы он объезжал довольно умело. Еще и рассказывать успевал.

— Этот осветитель, Глеб, к нам приперся. Я хотел выгнать, но Кристи пожалела, попросила пустить. А он свою песню завел: типа, нас всех подставили, и он не тварь дрожащая, чтоб тихо умереть. Орет: «Я в Грибовске в лучший ресторан пойду! В центр торговый! Всех заражу! Сотню за собой утащу. Тысячу!» Кристи попросила сделать чаю, и я вышел на кухню. Минут пять там был. Прихожу — в комнате пусто. И дверь снаружи на ключ заперта. Пока я понял, что они сбежали, пока выбрался — гляжу, поздно. Ну, тогда я к тебе — мужик ты вроде нормальный, не подведешь.

— Но зачем Кристина поехала с ним? — удивленно спросил Полуянов.

— Она зациклилась на этих своих оспинах и подумала, что Глеб в больницу ее отвезет. А я считаю, что он ее на окраине выбросит, в лучшем случае, а, скорее всего, с собой потащит, вместе дурить. Кристи сейчас слабая, за себя постоять не может...

Давно уже выехали за околицу, мчались меж голых, скудно посеребрённых первым снегом лесопосадок.

— У них фора — минут десять. И машина мощнее, — отчаянно пробормотал спортсмен. Он гнал старенький автомобиль на пяти тысячах оборотов, машина ревела, тряслась.

— Движок сейчас запорешь, — предупредил Дима.

— Плевать!

— Давай лучше я поведу. Я школу экстремального вождения окончил. Лед, ямы, повороты — уьемся ведь!

— Все под контролем. — Артур, от напряжения, прокусил нижнюю губу, по подбородку потекла кровь.

Расстояние между машинами сокращалось, и, когда они поравнялись, Артур резко вырвался вперед, а потом дернул ручной тормоз и азартно выкрикнул:

— Дорогу им перегорожу!

— Дебил! — взревел Полуянов.

Их джип потерял управление, заскользил, заюлил, съехал передними колесами на обочину, накренился вперед, но в последний момент удержался. Ремень безопасности больно ударил в грудь. На мгновение сознание покинуло Полуянова, а когда он открыл глаза, то увидел, что машина беглецов лежит в овражке колесами кверху.

— Кристи! — воскликнул Артур и кубарем вывалился из джипа.

Пока Дима отстегнул ремень, пока оказался у машины беглецов, он уже вытаскивал из салона недвижимое тело подруги. Руки ее бессильно болтались, грудь не вздымалась.

— Кристи, девочка! Открой глаза! — лихорадочно бормотал Артур.

Дима приблизился, взялся за пульс — сердце билось, но еле-еле.

— Положи ее к нам на заднее сиденье, — приказал он.

— Ей нужна помощь! Врач! — истерически выкрикнул спортсмен. — Едем в Грибовск!

«Сейчас ведь даст по газам — и умчится!»

— Я сам врач, — легко соврал Полуянов. — По первому образованию. Дай, я ее осмотрю.

Он очень надеялся на лучшее, но правая его рука — та, что поддерживала голову Кристи — мгновенно обагрилась кровью, а пальцы нащупали на затылке под волосами что-то острое, склизкое. С открытой травмой черепа шансов мало, особенно ночью на бездорожье, однако Дима уверенным тоном велел Артуру:

— Тащи аптечку!

Парень сделал движение в сторону покореженной машины — стоны оттуда становились все отчаяннее, однако Полуянов повысил голос:

— Первым делом — Кристина!

И Артур послушно потрусил к багажнику.

Дима отнес девушку в их автомобиль, как мог, перевязал рану, покрикивая на Артура:

— Еще бинт! Теперь марлю! Быстрей! — но в глубине души все больше убеждался: ничего не поможет. В ближайшие часы, а то и минуты, бедняжка умрет. Взглянув на часы, он проговорил: — До Грибовска еще сто

километров. В лучшем случае, доедем к восьми утра. Вертолет в Селютино прилетит раньше.

— Но ей нейрохирурги нужны! Реанимация!

— Кто ей поможет в крошечном городке? Кристи надо в Москву, в Склифф! Как раз на вертолете доставят.

Дима понимал: его аргументы не самые убедительные. Но ехать в Грибовск с умирающей девушкой он никак не хотел. И Надьку бросать нельзя. Если их посадят в разные карантинные — неизвестно, когда и где встретятся. Да и доведется ли увидеться вообще. Он коснулся лба Артура и безапелляционно произнес:

— У тебя жар. Найди в аптечке аспирин, прими три таблетки. И сиди здесь, в машине. От Кристины ни на шаг! — а сам снова побежал к месту аварии.

Из джипа продюсера неслась отборный мат.

— Заткнись! — Полуянов попытался открыть покореженную дверь.

— Хрена! Заела, падла! — злобно выкрикнул Глеб. — Помоги, а то сейчас сдохну здесь!

И тут в Димином кармане крякнул мобильник. Он вытащил трубку. Десять с половиной смс-сообщений. Все от Нади. Последнее — из одного слова, зато большими буквами: «СВОЛОЧЬ».

Полуянов прокрутил до первого послания. Оно было отправлено два часа назад и гласило: «Мы с Аллой едем за вами. На «уазике».

Дождаться девушек Дима не стал. Оставил крики Глеба без внимания, вернулся к джипу, где сидел Артур, баюкая на руках неподвижную Кристину, сел за руль и не допускающим возражений голосом произнес:

— Я сейчас развернусь, а ты пересядешь за руль и поедешь в Селютино. Медленно. Аккуратно.

— Но я не могу отпустить ее! — возмутился Артур. — Вдруг она очнется?

— Ты поедешь в Селютино, — повторил Дима. — Там есть врач. Скоро туда прилетит вертолет. Кристине помогут.

Полуянов вышел из машины, помог Артуру забраться на место водителя. Кристину оставили на заднем сиденье, положили ей под голову свернутую куртку.

— Езжай медленно и плавно. Скорость не больше двадцати в час, понял? — сказал он спортсмену.

— А ты? — жалобно спросил Артур.

— Останусь здесь, — покачал головой Дима и хлопнул парня по плечу: — Сконцентрируйся. Я в тебя верю. Ты справишься.

Он прислушался — где-то, пока еще далеко, надсадно подвывал двигатель.

Артур тоже услышал и спросил с надеждой:

— Может, это врачи?

— Нет.

— Кто тогда это едет?

— Надя и Алла. За мной.

Спортсмен не проявил к информации ни малейшего интереса. Упрямо повторил:

— Мне нужны врачи, — и бережно тронул машину с места.

Дима подождал, пока тормозные огни исчезнут за поворотом, и, с облегчением выдохнув, поспешил к джипу.

— Куда ты делся? — с новой силой заскулил Глеб. — Вытащи меня отсюда!

Полуянов открыл багажник. Клычко-Желяев оказался ответственным человеком — тут имелась и аптечка, и большая сумка с инструментами, и даже лопата. Он подцепил монтировкой, разблокировал дверь. Глеб дернулся, было, к свободе, но его лицо мигом исказилось, и он прохрипел:

— Ногу... вытащить не могу.

Дима включил телефонный фонарик, с огромным трудом сдвинул сработавшую подушку безопасности, нырнул в салон и несколькими ударами монтировкой освободил страдальца. Тот попытался вылезти — но застонал еще громче.

Помогать Глебу Дима не стал, устало сел рядом с пострадавшим джипом и почувствовал, как дрожат его руки...

По тому, сколь аккуратно и неуверенно тащился «уазик», можно было сразу догадаться, что за рулем девушка. Глеб с трудом выбрался из машины, стоял на четвереньках, охал, матерился и жаловался:

— Нога — как в огне!

«Уазик», наконец, подъехал, и из него выскочила Надя. Первым делом кинулась к Диме, обняла, выдохнула счастливо:

— Живой!

— А меня зацепило, похоже. Спину тянет. Суставы ломит, — подходя к ним, пожаловалась Алла.

— Хватит трепаться! — взвыл Глеб. — Везите меня к врачам, быстро!

Полуянов повернулся к нему спиной, отвел девушек в сторону, кратко объяснил, что случилось.

— Бедный Артур, — вздохнула сердобольная Митрофанова.

— Бедная я, — буркнула Алла и в сердцах добавила: — Вот чего меня сюда понесло? Так и умру — фальшивой невестой!

— А до меня, наконец, дошло, — вдруг проговорила Надя, — почему вне конкурса прошли только две пары — мы и Алла с Толиком.

— Ну?

— Ты до сих пор не понял, что нас объединяет?

— Бли-ин! — выдохнул Дима, до которого сразу дошло очевидное, которого он раньше не понимал из-за стремительного хода событий. — То есть меня взяли не ради статей в «Молодежных вестях», а потому что мама когда-то в «инфекционке» работала?! А Толика — потому, что его невеста ездила в эту экспедицию?! Но про меня ведь — все вранье. Постановка.

— Вот ее и использовали — на разогрев настоящей темы, — усмехнулась Надя. — Понял, господин журналист? Похоже, здесь целый заговор. Одна большая, красивая история, которую готовили старательно и долго.

— Послушайте, ребята, — вмешалась Алла. — Мне холодно. Глеб скулит. Поехали обратно, а? Потом поговорите.

Глеба было решено разместить в домике Аллы.

«Если только там Анатолий еще не умер», — пробормотала она. Однако Толик был плох — но жив. В отличие от беспрестанно скулящего Глеба даже пенять не стал, что бросили одного. Только попросил виновато:

— Воды совсем нет. Принесете?

— Я тоже заболела! — Алла плюхнулась на постель.

— А я жрать хочу! — Глеб вполне себе бодро доковылял до стола и уселся на стул.

Полуянов посмотрел на Надю:

— Справишься? — посмотрел на Надю Полуянов.

— Разберусь, — сурово сдвинула она брови. — А ты куда?

— Тоже — разбираться.

И Дима поспешно вышел. Первым делом хотел проверить, что там у Артура с Кристиной, но увидел, что в домике аборигена Петра светится окошко, а сам он во дворе выгоняет из загона корову.

— Привет, Петро!

— Полуянов! Ты еще жив?! — радостно завопил Петр и с гордым видом добавил: — Я тоже жив. Потому что самогон — самая настоящая дезинфекция! Че надо-то? Спрашивай!

— Горцы интересуют. Помнишь, ты говорил?

— Ну...

— Пошли, их палатку покажешь.

— Так это ж... они и грохнуть могут. Как дохтора, — боязливо произнес абориген. — Стремно мне!

— Тогда Расскажи хотя бы. Когда ты этих двоих впервые увидел?

— Ну... — задумался Петр. — На второй день. Как вы приехали.

— Где?

— Да с поляны они за деревней наблюдали. В бинокли. Меня увидели — сразу бежать. Я Анастасию немедленно упредил.

— А в следующий раз?

— Через день. Когда по лесу бродил. Они у палатки сидели.

— Там точно была палатка?

— Наверняка я не видел, но — похоже. А вот костер точно был.

— А еще видел их?

— Да. В тот день, когда дохтора грохнули.

— Где именно?

— Ну, я Федора проводил и корову на поле погнал. А за околицей, гляжу, опять два черных ворона.

— Те же самые?

— Да они все на одно лицо. Но, вроде, те же.

— Как они выглядели?

— Ой, ну, как и положено им! Рожи смуглые, волосья черные. Куртки черные. Один по телефону говорил.

— Расслышал что-нибудь?

— Хурды-бурды! Они ж лопчат не по-нашему!

— Но дохтора они убить не могли?

— Не, — помотал головой Петр. — Тот уже далеко уехал. — Помолчал немного и вдруг пренебрежительно произнес:

— Хреновый ты журналист!

— Это почему? — усмехнулся Дима.

— От жизни отстал! Подумаешь, джигиты! Эта информация устарела давно. Ща у меня куда круче мультка есть. Хочешь купить?

— Сколько?

— Шучу, — улыбнулся Петр. — Бутыль поставишь, и хватит.

— Говори быстрее!

— Это идти надо. Часа два. Но увидишь — вообще обалдеешь!

— Нет, двух часов у меня нет, — покачал головой Дима. — Опиши словами.

— Говорю же, хреновый ты журналист! Никакого любопытства, — укорил его Петр. Затем вытащил из кармана простенький, потертый сотовый, протер экран полой рукава и заявил: — Чего воздух сотрясать? У меня фотокамера есть. — И развернул перед Димой фотографию.

Качество оказалось паршивым, сначала Полуянов видел только нагромождение штрихов и полос. Лишь когда пригляделся, понял: это отпечаток огромного колеса.

— Квадрик отдыхает. Целую колею проделал! Это джип, что ли, такой огромный? — Петр продолжал прокручивать перед Димой серию фотографий.

— Я бы сказал, это БТР. БТР-82, — взволновано произнес Полуянов. — Где ты это видел?

— Километров восемь отсюда. Я целый час по следу шел. Хотел понять — откуда, куда? Но потом стемнело, не разобрать ничего. Да и стремно стало. Пошли вместе, а? Вдвоем не страшно расследовать.

Дима взглянул на часы. Без десяти семь утра. В столице и в области наверняка паника. Вертолет, по идее, должны были отправить с первыми лучами рассвета. И — словно по заказу — вдалеке послышался рокот.

— Восьмерочка, — любовно прошептал он. — Надежная техника. Сядет, где угодно.

Селютино вылетело из утреннего мрака внезапно. Артем инстинктивно нажал на тормоз — не следовало привлекать к себе внимания ревом мотора. Остановился у околицы, вышел из машины. Почти идиллический пейзаж — подновленные домики, дружелюбный свет фонарей. Краешек вялого солнца выглянул из ключьев туч — может получится неплохой панорамный снимок.

Но, прежде чем доставать фотоаппарат, Кудряшов вернулся за руль, сдал метров сорок назад и съехал на неприметную боковую дорожку. Запер машину. Не то, чтобы совсем спрятал, но в глаза теперь не бросалась. Куда разумнее войти в Селютино пешком, чем «дразнить гусей» вызывающе-красного цвета «Ауди».

Артем прислушался. Хотя и рань несусветная, деревня не спала. Мычала корова. Где-то далеко нестройный хор завывал «Я встретил вас, и все былое...» Два голоса — мужской и женский — яростно ругались. Домики все на одно лицо. Где, интересно, Надюша живет?

А вот и первый прохожий. Молодой парень шествовал ему навстречу нетвердой походкой, отчаянно цепляясь за заборы. Алкогольное забвение в финальной стадии? Однако нет. Сфокусировав взгляд на лице Артема, парень воскликнул с надеждой:

— Вы врач? Врач?! — Глаза блестят, щеки горят.

— Врачи сейчас будут, — уверенно отозвался Артем.

— Врете вы! Все вы врете! — скорбно констатировал парень и, не удержав равновесие, шлепнулся в грязь.

Поднимать его Кудряшов не стал, поспешил дальше.

— Ты тоже умрешь! — безнадежно крикнул вслед ему парень.

Метрах в ста впереди Артем вдруг увидел целое собрание. Человек пятьдесят собралось. В основном, молодежь. Яркие модные резиновые сапожки и куртки странно контрастировали с мрачными лицами. На него внимания никто не обратил. Он ускорил шаг, пристроился в задних рядах стихийного митинга. Телефон, включенный на режим видео, чтобы не привлекать внимания, держал в наплечной сумке на уровне бедра.

На чужака по-прежнему никто не смотрел, люди не сводили глаз со ступенек дома. Там стоял худощавый очкастый мужчина и что-то тихо говорил — однако внимали ему, затаив дыхание. Лицо оратора показалось Артему знакомо. Он стал слушать вместе со всеми:

— ...абсолютно никаких доказательств нет, поэтому не становитесь жертвами паники, — убеждал мужчину. — Почему вы принимаете на веру слова единственного человека? Тем более что Людмила Петельская по своему психологическому профилю — истерическая, невоздержанная личность. Вполне вероятно, что это просто спектакль, попытка поразить, запугать.

— А чем мы тогда боеем? — гневно выкрикнул кто-то из толпы.

— В мире существует более двух тысяч штаммов гриппа, у всех их — разные симптомы. А заболеть у вас возможности были — вы все время находились в холодном помещении. Да, павильон не отапливался, это наша вина, я ее признаю, и обещаю, что наш канал компенсирует медицинские расходы каждому из вас. В любом случае, к нам летит санитарная авиация. Нам помогут. Обязательно помогут. Все будет хорошо.

Артем, наконец, узнал оратора — Клычко-Желяев, артист, кавээнщик, а ныне продюсер канала «Просто the Best». Весьма умело утихомиривает бунт в рядах своей паствы.

Но усмирить пока удалось не всех.

— Уже светло. Почему врачей нет? — раздался чей-то возмущенный голос.

— Сейчас все будет, — ответил мужчина.

И — словно по волшебству — в воздухе отчетливо послышался рокот вертолетного мотора.

— Вот видите, нас не оставили в беде. Доктора летят к вам на помощь. — Голос мужчины стал почти ликующим.

Кудряшов достал телефон, приблизил фокус, сделал несколько снимков. Хотел уже опустить камеру, но вдруг через объектив увидел, как к вертолету стремительно приближается ярко-красная точка. Он пока еще ни о чем не догадывался, но — инстинкт охотника! — молниеносным дви-

жением сделал максимальное приближение и переключился на видео-режим. А дальше в его распоряжении оказались уникальные кадры.

Едва безопасный с виду огонек соприкоснулся с винтокрылой машиной, ту мгновенно объяло огнем. Сразу же повалил темно-сизый дым, вертолет стремительно понесся к земле. А в следующую секунду раздался оглушительный взрыв.

Первое, что подумал Артем: «Я теперь знаменит».

И только потом настигла покаянная мысль: «Сколько людей погибло!»

Артур, как и все, кто сидел по домам, выскочил на ужасающий грохот.

В воздухе ощутимо воняло гарью. Мимо галопом мчались Жека и двое операторов. Один из них на ходу крикнул:

— Вертолет упал!

Он уже приготовился бежать за ними, но в голове вдруг хлестко щелкнуло: «Зачем?!» Он, в отличие от остальных, вертолета с докторами не ждал.

Тешил себя иллюзиями много часов. Гладил. Целовал. Тряс за плечи. Подносил к губам зеркало и, наконец, окончательно понял: Кристина тихо и незаметно умерла. И какой теперь смысл оставаться на этой земле без любимой?

Артур болел редко и сейчас, когда температура зашкаливала, он соображал с огромным трудом. Самое важное решение он уже принял — лично ему лечиться смысла нет. Но, прежде чем умереть, нужно исполнить главную миссию. Отомстить человеку, который убил его Кристи. И совершить возмездие как можно скорее — пока рука еще почти тверда. А потом умереть самому. Вот и все, что ему осталось сделать на этой планете.

Пока остальные визжали, запоздало доставали телефоны, плакали, ужасались, причитали, Артем успел выложить видео катастрофы в своем блоге. Быстро добавил заголовок: «Вертолет с врачами сбит. Это явно теракт. Спасать людей от черной оспы больше никому».

Во дворе дома, где только что шел почти мирный митинг, происходило полное сумасшествие. Продюсер скрылся в помещении, и несколько мужчин с полубезумными лицами яростно колотили в дверь. Кто-то плакал. Иные отчаянно пытались куда-то звонить. Часть людей кинулась к месту катастрофы — хотя было очевидно, что спасти там некого. А тушить пожар — нечем.

Красной точки, что поразила вертолет, кажется, никто не заметил. Поэтому те, кто не рыдал, наперебой строили версии по поводу катастрофы. Что это было? Отказ двигателя? Сильный боковой ветер? Слишком низко шел над деревьями?

Дверь в дом широко распахнулась, и продюсер, несмотря на внешнюю хилость, легко столкнулся с крыльца троих мужчин, пытавшихся прорваться внутрь. Произнес в мегафон (на собственный тихий голос больше не полагался):

— Друзья! — громко произнес он в мегафон. — Земля пухом тем, кто погиб в катастрофе. Но отставить панику, к нам уже летят еще два борта. Самое позднее, через час, они будут здесь.

И тут визгливый девичий голосок умудрился перекричать мегафон:

— Вранье! Нас никто не будет спасать! Мы никому не нужны! Вакцины от оспы не существует! Выжгут деревню со всеми нами!

— Рыбочка! Что за глупости ты говоришь? — переминаясь с ноги на ногу, причитал рядом с ней пожилой, нескладный мужчина

— Василиса, прекрати! — рявкнул Клычко-Желяев.

Но она зычно вопила на всю деревню:

— Лекарства от оспы нет! Нас не будут лечить — нас просто убьют! Давайте спасать себя сами! Есть автобус, есть дорога! Они не осмелятся убивать нас при всех, в городе. Не дадим загнать себя в ловушку!!! Кто смелый — все за мной! Кто трус — оставайтесь здесь. На верную смерть! — И Василиса кинулась прочь со двора.

Толпа уже яростно толкалась локтями, штурмовала телевизионный фургон, что стоял на площадке за воротами.

Продюсер, стоявший на крыльце, продолжал убеждать тех, кто не бросился убегать:

— Не делайте глупостей! Нет смысла ехать. Врачи сейчас будут! Врачи-инфекционисты, самые лучшие! А в Грибовске — ни докторов нормальных, ни лекарств!

— Но нас не сожгут? — боязливо обратилась к нему худощавая дама в очках.

— Прасковья, вы, практически, кандидат наук, — укорил ее Клычко-Желяев. — Как такое только в голову может придти? К счастью, у нас не средневековье.

Ситуация стремительно теряла накал, и Артем уже начал вертеть головой в поиске новых убийственных сюжетов.

И тут засек Полуянова — тот на предельной скорости мчался к штабу. За ним с трудом поспевала Надя. Дима мгновенно оценил ситуацию, бросился не к продюсеру, а к автобусу, куда с трудом втискивались последние желающие. Отпихнул кого-то, вскочил на подножку и заорал:

— Оставайтесь! Вы не доедете! Вас остановят!

Но Василиса из нутра автобуса завопила:

— Газу! Уходим!!!

Мужчина, что сидел за рулем, не колебался ни секунды. Дверь автоматически поползла внутрь — Дима едва успел отскочить, — и автобус, взорвав фонтаны грязи, рванул к свободе.

А Надя, наконец, увидела Кудряшова и гневно ринулась к нему:

— Ты самоубийца?

На языке вертелся штамп: «Я тебя спасти приехал».

— Я — блогер, — устало вздохнув, ответил Артем.

И отправил новый отснятый материал прямиком в свой живой журнал.

Дима не собирался приглашать Кудряшова в дом, но Надя отрезала:

— Твоя Алла у нас уже второй день. Чем Артем хуже?

Полуянов хотел, было, вступить в перепалку, но кто-то из толпы во дворе выкрикнул:

— По телику! Спецвыпуск! Про нас!

Спор мигом угас, и все четверо поспешили к телевизору.

Артем не сводил с экрана глаз. Полуянов успевал одновременно поглядывать в Интернет и делать в блокноте заметки.

Надя принесла всем чаю, нарезала бутербродов.

— Вот это у вас жизнь! — почти завистливо вздохнул Артем, когда передача закончилась.

— Ага, — холодно отозвалась Митрофанова. — Иммунитета ни у кого нет, а оспенные вакцины давно сняты с производства.

— Но вы-то пока здоровы!

Допить чай они не успели. В небе снова раздался рокот — на сей раз куда мощнее. А спустя полчаса на пороге появилась весьма зловещая делегация — четверо бесполох существ в космически-белых костюмах, респираторах, сверху закрытых пленкой, зеленых, словно у дайверов очках, в шапочках, желтых резиновых сапогах и перчатках.

— Вы — пришельцы? — сострил Дима.

— Мы — врачи, — сухо ответили ему.

Затем один из зловещих начал осматривать пациентов, остальные — занялись странным делом: закрыли форточку, обклеили рамы лейкопластырем. Наглухо залепили вентиляционное отверстие. Извлекли емкость, открыли — и в помещении резко запахло хлоркой.

— Что за вонь? — поморщилась Алла.

— Лизол с хлорной известью, — глухо отозвался женский голос из-под респиратора.

— Но мы ведь не больны!

— Вы были в контакте с больными, потому подлежите обсервации и экстренной терапии, — отрезала дама.

Полуянову с Митрофановой разрешили остаться дома — со строгим указанием на улицу, ни под каким видом, не выходить. Надя взглянула на хитрое лицо Полуянова и сразу поняла: сбежит, как только медицинская делегация уйдет.

Однако едва дверь за ними закрылась, снаружи послышался глухой стук: их заколачивали!

— Окно вышибу, — мрачно изрек Дима.

Но двор — словно они оба опасные преступники — остались патрулировать двое.

Спасибо, хоть к информации доступа не перекрыли, и им только и осталось, как каждому уткнуться в свой гаджет.

— Наши беглецы добрались до Грибовска, в городе сумасшествие. В больницу их не берут — говорят, пока указаний нет. Так они гулять пошли, ты только представь! — хмыкнул Полуянов.

— Кошмар! — ахнула Надя. — У оспы вирулентность огромная. Какой там город — эпидемия всю страну может охватить! Все, не могу больше об этом читать!

Она захлопнула лэп-топ и побежала у окну. Из домика Аллы и Анатолия выносили носилки. Лицо человека было прикрыто.

— Толик или Глеб? — кинулась к Диме Алла.

Полуянов подошел, присмотрелся и вздохнул:

— Анатолий.

По всей деревне расходились люди в защитных костюмах. Мыли улицы, обрабатывали специальными аппаратами стоки. Изредка — в окружении дезинфекторов-марсиан — появлялись участники программы или телевизионщики. Их лица выглядели откровенно растерянными. Всех вели к околице — очевидно, к вертолетам.

— А нас почему никуда не везут? — задумалась Надя.

— Признаков заболевания нет, — тоном авторитетного доктора отозвался Полуянов.

— Мы с тобой, что ли, более здоровые, чем Артур с Кристиной?

— Мама всегда говорила: медицина — дама нелогичная.

— Я вот все думаю... Ты ведь тоже болел. Но явно не оспой. И даже для гриппа — очень быстро поправился. Что это с тобой было?

— Знаешь, Надюх... я, конечно, не уверен... но вспомни про черную оспу — и про мою маму. Если она действительно находилась в то время в инфекционной больнице, если видела, насколько это ужасная болезнь, — может, просто подстраховалась и привила меня — хотя оспа считалась побежденной, и прививок от нее тогда уже не делали?

— Слушай, а ведь запросто! Но тогда тетя Женя и меня могла привить! Моя мама говорила, что всегда Евгению Станиславовну слушается!

— Так давай посмотрим! — Дима быстро скинул с себя рубашку и увидел на предплечье характерный шрам. Поразительно! Сколько лет по земле ходит — ни разу не обращал на него внимания.

— И у меня есть, — прошептала Надя и уважительно покачала головой: — Да, твоя мама мудра. Получается, что она чуть ли ни первой в России привила от оспы себя и своих детей.

— У тебя могла быть отличная свекровь, — грустно вздохнул Дима.

— Как думаешь, сколько продлится карантин? — спросила Надя.

— Ну... наверное, месяц. Как минимум. Даже если по правилам меньше — они всячески страховаться будут.

— Значит, в загс мы, увы, опять не попадаем, — в свою очередь вздохнула Митрофанова.

Дима хотел укорить, что несерьезно в нынешней ситуации думать о глупостях, но посмотрел в расстроенное лицо невесты, и промолчал.

Артур пошел на поправку лишь в феврале — когда в окно палаты стало хотя бы изредка заглядывать солнце, а воробьи наглым чириканьем возвестили о том, что весна неизбежна.

Лежал спортсмен в одиночной палате, но запирают его давно перестали. И врачи уже месяц приходили без защитных костюмов. А вчера объявили, что он больше не опасен, и может принимать гостей.

Благодарить Артур не стал — отвернулся к стене.

Во всем мире у него был единственный близкий человек — его Кристи.

Тело — почти здорово. Душа — мертва навсегда.

Куда деваться и чем заниматься теперь — он понятия не имел.

Продолжать делать то, что он умел? Организовывать несчастные случаи, убивать?

Но зачем, для кого?

К Артуру постоянно пытались прорваться журналисты, но он категорически отказывал всем. И только когда на пороге палаты вдруг появился его брат по несчастью Полуянов, губы сами собой расплзлись в слабой улыбке.

— Артур! — кинулся к нему Дима. — Как я рад тебя видеть! — Ты не волнуйся, я к тебе не за интервью. Просто поведать пришел. Вот апельсины. Держи.

— Ну... как там на воле? — вяло поинтересовался спортсмен.

— Мороз, солнце. Надюха тебе огромный привет передает. Просится поведать — с домашними пирожками. А про остальных ты знаешь?

Артур покачал головой. Кристина умерла — а на прочих ему было плевать. Он вспомнил свой последний день в Селютино. Кажется, он шел к Глебу. Человеку, который убил его Кристи. Дойдя до его дома, попытался выломать запертую дверь. И дальше — не помнил ничего. Очнулся уже в вертолете — над ним склонялись три страшных лица в очках-консервах.

Потом то выныривал из забытья, то снова в него проваливался. А когда кризис миновал, и температура нормализовалась, Артур с удивлением понял: он больше не хочет убивать Глеба. За что мстить придурку? Кристи никто в машину к нему не затаскивал. Аварию он спровоцировал сам. Убивать за то, что тот с управлением не справился?..

Он резко сел на постели и с горечью проговорил:

— А ведь это я Кристину на проект затащил. Мы столько сил положили, чтобы туда попасть... Кто, черт возьми, виноват, что все так кончилось?! Правда, Полуянов, скажи мне: кто?! Кто всех нас подставил?! Я запутался.

— Официально считается: международная террористическая организация. У них было две цели: опробовать биологическое оружие, а главное — напугать, и громко заявить о себе.

— Кто ее главарь?

— Арзу Юнусов.

— Где-то слышал я эту фамилию...

— Его брат, Акрам Юнусов, в экспедицию вместе с Петельской ездил. Вирус оспы добыл.

— Этот Арзу, конечно, живет где-нибудь в Сирии? Или в Ираке?

— Представь себе, нет. Он удачливый бизнесмен. Москвич.

— А где оба сейчас?

— Удрали из страны. По чужим документам.

— То есть — выкрутились? — изумился Артур.

— Не совсем. Месяц назад оба погибли. В Мексике. Очень красивая, киногеничная авиакатастрофа.

— Это точно были они?

— Не сомневайся: наши спецслужбы работают на совесть, — усмехнулся Полуянов. — Подручных Юнусова — тех, кто вертолет сбил, — тоже достали. Дали пожизненное. Всем.

— А Петельская?

— Что с нее взять? Жертва. Несчастливая влюбленная. Задурили девчонке голову. «Он тебя предал. Отомсти ему. Отомсти красиво!» Она и пошла на смерть — ради любви.

— И что с ней стало?

— Умерла. Тут, в твоей больнице.

— А Глеб?

— Тоже.

— А кто убил того доктора, кто в Селютино приезжал?

— Парни из команды Юнусова-младшего. Им приказано было жить поблизости от Селютино, болтаться рядом с деревней и наблюдать. При любом форс-мажоре — действовать решительно и без жалости. Они узнали, что психиатр приехал специально к Анатолию, ключевой фигуре. Ну, и решили устранить его. Просто на всякий случай, чтобы их план не сорвался.

— А психиатр что-то знал?

— Теперь можно только догадываться. Возможно, Анатолий сказал ему, что Петельская — ходжарка, и была знакома с Юнусовым. Доктор начал разматывать клубок. Но не успел.

— А второй врач? У него, правда, жену и дочь похищали?

— Да. Арзу Юнусов хотел, чтобы болезнь распространилась по Селютино максимально. И еще — чтобы успел выйти в эфир спецвыпуск, и участники шоу в Интернете раздули бы панику до сумасшествия. Поэтому делал все для того, чтобы государственный маховик — инфекционисты, эпидемиологи, МЧС — подключились как можно позже.

— И кто мне ответит за Кристину? — горько спросил Артур.

Полуянов глубоко вздохнул:

— У меня есть одна теория, — глубоко вздохнул Полуянов. — Но только она — абсолютно без доказательств.

По официальной версии, Арзу, по-русски это имя означало «Орел», детство провел в Ходжарии. А когда ему исполнилось десять, родители развелись. Отец со старшим братом остались в республике. Но семья, пусть и мусульманская, повела себя современно. Бывший муж не стал чинить препоны жене, когда та решила переехать в столицу, и позволил ей воспитывать младшего из сыновей.

Мама — хотя по национальности тоже ходжарка — правил домостроя никогда не придерживалась. Окончила институт, увлеченно работала, хозяйство домашнее ненавидела. Сыну хотя и разрешала ходить в секцию рукопашного боя, но куда ревностнее заставляла заниматься литературой, математикой, искусствами. Любила повторять:

— С кинжалом бегать любой дурак может.

Арзу поначалу противился учебе, но уже лет в двенадцать понял: когда к твердой руке прилагается светлая голова, популярности у тебя больше. И чем показательно отлынивать от тоскливых школьных мероприятий, куда лучше — в них побеждать.

В десятом классе он решил выиграть конкурс чтецов. Выбрал Маяковского.

Текст «Облака в штанах» выучил легко. Репетировал перед зеркалом и сам себе нравился.

Бабуля, ради любимого внука тоже решившая покинуть родную Ходжарию, однажды подглядела и улыбнулась.

— Ты чего? — обиделся он.

— Забавно, когда ты так серьезно произносишь: «У меня в душе ни одного седого волоса».

Быть забавным — самое страшное в жизни. Ни с кем советоваться Арзу не стал и отправился в театральный кружок во Дворце пионеров. Педагог, красноносый и желчный, выслушал его и снисходительно улыбнулся:

— Не верю.

— И что делать?

— Выбери что попроще. «Колобок» тебе в самый раз.

— Нет. Я хочу Маяковского!

— Тогда читай «Историю Власа, лентяя и лоботряса». Что ты, мозгляк, понимаешь в пожаре сердца?

— Научите меня.

— Бесполезно, — драматическим жестом воздел руки педагог. Но из театральной студии гнать не стал.

Парень ходил туда целый месяц. Много узнал, многое понял.

Накануне конкурса снова подошел к зеркалу. Вспомнил свои недавние жалкие кривляния и усмехнулся. Теперь он не сомневался, что конкурентов у него не будет.

Когда читал — тишина в зале стояла мертвая. Девочки не сводили с него глаз, а пожилая завуч на словах про «обугленный поцелуишко» вытерла слезинку. Потом долго хлопали, жюри оживленно переговаривалось.

Но следующим на сцену вышел очкастый задохлик Клычко-Желяев из параллельного. Ждать, пока утихнет шум, не стал и спокойно произнес:

— Прощай, письмо любви! Прощай: она велела...

Руки по швам, сутулится. Голос не поставлен, не громок. Но зал мгновенно умолк.

— Минуту!.. Вспыхнули. Пылают...

Обычные слова. Ничем не примечательный парень. Но завуч вцепилась в поручни кресла — костяшки пальцев побелели. А учительница литературы вздохнула:

— Талант!

Арзу готов был убить ее за эти слова.

Победу в конкурсе в итоге присудили никчемному Клычко-Желяеву.

В мечтах Арзу резал конкурента на ремни, но в реальности — подошел и поздравил.

Потому что понимал уже тогда: талант уничтожать неразумно. Куда лучше поставить его себе на службу.

Поступить в институт Арзу не стал. Мама с бабушкой причитали про армию, про цинковые гробы из Афганистана. А он — считал дни, когда можно будет, наконец, взять в руки оружие. Своими глазами увидеть кровь и смерть.

Как ни пыталась мама превратить сына в столичного интеллигента, голос крови победить не смогла.

Учебки, дедовщины, тягот Арзу не боялся. Благо бил — безжалостно и умело. Но если до службы он боготворил «свободных, как воздух» убийц-одиночек, то после года в Афгане флер рассеялся. Да, лишать жизни оказалось чрезвычайно приятно. Но расстрелять одного, двух, даже сорок человек — это мало, ничтожно мало.

Арзу уже знал, чего хочет. Поставить на колени весь мир. А для этого нужны были не навыки снайпера, не знания, что старательно вбивала в него мамуля, а, в первую очередь, деньги.

В стране повеяло переменами. Бывшие однополчане пили водку и нанимались в охрану, а он очень скоро сам завел себе телохранителей. Продавал и перепродавал — как все удачливые и беспринципные в те времена — «вагонами и теплоходами». Предавал. Запугивал. Мошенничал. И ждал.

Старший брат оставался в Ходжарии. Увлекался биологией. Поступил в университет, писал диссертацию. Убивать не умел — даже на охоту не ходил. Но Арзу не сомневался: когда понадобится, он заставит ученого брательника понюхать пороха.

К середине двухтысячных Арзу стал мультимиллионером. По крупице собрал, вымуштровал, вышколил команду — безответно преданных, безбашенных. Оброс нужными связями — в том числе вступил в контакт с международной террористической организацией. Щедро финансировал структуру и фактически верховодил в ней. Но официально лидером не значился.

Он ждал идеи, ждал просветления, зная, что небо благосклонно к терпеливым.

И Аллах его вознаградил.

Вскоре случились два знаковых события.

Брат рассказал ему, что коллега из Америки приглашает его в экспедицию, в давно покинутый город Зашиверск.

— Зачем? — удивился Арзу.

— Он вирусолог. Хочет штамм черной оспы попробовать отыскать.

— И есть шансы?

— Сомнительно, — пожал плечами брат. — Да лично мне — и неинтересно.

— Достань этот вирус для меня, — потребовал Арзу.

— Тебе-то зачем это нужно? — запротестовал Акрам.

Он всегда был равнодушен к деньгам. Но Арзу посулил ему сумасшедшую сумму — в том случае, если экспедиция закончится удачно.

А буквально на следующий день после этого разговора Арзу узнал, что его старого школьного приятеля Клычко-Желяева только что поставили во главе перспективного телеканала «Просто the best».

И, наконец, понял, каким образом ему удастся потрясти и уничтожить насквозь прогнивший мирок.

Когда в столице закрыли все казино, Клычко-Желяев не расстроился ни капли. Успел уже понять: слишком много на них уходит времени. И денег, конечно. Мир, по счастью, велик. Поездок много. Он будет предаваться азарту во время путешествий.

Так и шло, пока однажды звезда эстрады Анна Усачева не позвала вместе поехать за город. Ждал обычной ярмарки тщеславия и шашлыков из мраморной говядины, но особняк за трехметровым забором оказался подпольным казино.

— Анечка, хоть бы предупредила. Я без денег, — упрекнул он.

Звезда царственно отмахнулась:

— С людей нашего ранга они не берут, — царственно отмахнулась звезда.

И точно. Им вынесли фишек на пять «косарей». Они с Усачевой пошли в зал. Певица отправилась к горячо любимой рулетке, ему же на сердце лег покер.

Приумножить капитал в этот вечер не удалось. Но оставшиеся фишки — полторы тысячи — безропотно поменяли на доллары.

Теплый прием запоминается надолго. Очень скоро ему захотелось вернуться. Приехал один. На сей раз играть бесплатно не предложили, но ему в этот вечер отчаянно везло. Пришел с тысячей — а ушел с десяткой.

Когда через неделю явился снова — Фортуна оскалилась. Проиграл. Пока одевался, дал себе зарок: больше сюда ни ногой. Но на выходе его догнал менеджер, улыбаясь, вручил три зеленых «куска» — половину проигрыша — и заворковал:

— Мы не любим, когда от нас уходят расстроенными.

А дальше Клычко-Желяев привык. Приезжал стабильно раз в неделю. Выигрывал. Проигрывал. Если денег вдруг не хватало — давали в долг. Безо всяких процентов.

Но однажды — как случается с любимым игроком — его понесло. Сел играть в покер, провел за ним чуть ли не тридцать семь часов и... проиграл триста пятьдесят тысяч долларов.

Подписал долговую расписку, буркнул:

— Век бы вас не видеть.

И вдруг услышал из-за спины:

— Но полно, час настал. Гори, письмо любви!

Обернулся резко — с ума сойти, он! Арзу! Незадачливый чтец Маяковского. Его покровитель в школе и на темных улицах. Не виделись больше двадцати лет. Некогда черноволосый красавец поседел, постарел, обрюзг. Глаза — холодные, наглые.

— Я — хозяин этого чудесного места, — шутливо представился бывший школьный приятель.

Ответ непроизвольно сорвался с губ:

— Решил отомстить за давний проигрыш?

— Я? Мстить? С ума сошел!

— Тогда расписку возвращай.

— Сейчас принесут.

Однако Арзу никого звать не стал, вместо этого слегка приобнял его и произнес:

— Пошли ко мне в кабинет.

А там — сразу быка за рога:

— Хочешь больше никогда в жизни не работать?

— Можешь помочь?

— Могу, — кивнул Арзу и тут же изложил свой план.

— Ты сумасшедший? — удивленно посмотрел на него Клычко-Желяев.

Школьный друг не растерялся:

— Зато в каждом доме будут только о тебе говорить. Везде. Сначала — наши сто сорок семь миллионов узнают. Потом — остальные семь с половиной миллиардов. Всю планету взорвешь!

— Мне не нужна такая слава!

— Хорошо. Тогда говори, сколько тебе нужно денег.

Клычко-Желяев фыркнул и издевательским тоном произнес:

— Давай пять. Как аванс. А потом еще пятьдесят дашь.

— Нет проблем, — хладнокровно кивнул Арзу, подошел к шкафу, достал оттуда дипломат и протянул ему: — Держи! Ровно пятерочка. Только в казино с ними сейчас не ходи.

Любопытство пересилило. Клычко-Желяев открыл, заглянул — настоящие деньги. Доллары.

— Ты сумасшедший? — повторил он.

— Ты деньги возьми и отнеси домой. Подумай. А решишь, что не нужны — вернешь, — спокойно проговорил старый друг.

Гипнозом, что ли, научился владеть? Или после тридцати семи часов игры любой превращается в воск, из которого плавь что хочешь?

Приехав домой, Клычко-Желяев рассыпал купюры по кровати, ласкал их, лелеял. А спустя какое-то время — взялся покупать.

Апартаменты в Майами.

Небольшое шале в Швейцарии.

Идея Арзу абсолютно безумна. Но есть в ней и польза — лично для него. Рейтинг у шоу получится сумасшедшим. А доказать злой умысел продюсера — каким образом? Он себя выставит безвинной жертвой. Человеком, который ничего не знал. А когда понял, что случилось, искренне старался остановить беду...

Клычко-Желяева с должности выкинули быстро и без шанса на оправдание. А вот уголовное дело, как ни старались, пришить не смогли. Почему взял в шоу вне всякого конкурса журналиста Полуянова? Хотел пиара бесплатного. Историю про черную оспу и его маму вообще не знал — это редакторы накопили. Каким образом в «Свадьбу навывлет» Анатолий попал? Тоже редакторы посоветовали. Интересное, фактурное лицо. Плюс историю с брошенной невестой-истеричкой весь театр знал, и хорошо можно было обыграть. Кто мог подумать, что Петельская на такое сумасшествие решится?

Адвокаты Клычко-Желяева бились, аки львы, и смогли убедить следствие: затея Людмилы — чистой воды самодеятельность. (Умело, впрочем, направляемая Международной террористической организацией). Сам же продюсер — оказавшись в критических обстоятельствах — наоборот, проявил себя героем и молодцом. Приложил все, дабы прекратить панику. Что не смог автобус с беглецами остановить — не его вина. Уговаривал, как мог.

Ну а за то, что протащил провокационную передачу в эфир, его уже наказали — лишением должности.

«Хотя любой продюсер поступил бы на моем месте точно так же», — говорил во всех интервью Клычко-Желяев.

Он — в отличие от Артура — не скрывался от журналистов. Черная оспа прошла у него в крайне легкой форме, поэтому делегации писак (страшно возбужденных тем, что их одели в противочумные костюмы) Клычко-Желяев принимал чуть ни каждый день.

Активно каялся — что допустил нечестную игру в отношении журналиста Полуянова. Показательно печалился, что не увидел в Петельской роковой

фигуры. Публично бичевал себя, что выпустил ее видеобращение в эфир, даже предварительно не просмотрев. Красиво страдал, что стал виновником паники — не только в Селютино и Грибовске, но в целой стране.

Впрочем, Россия — как когда-то Советский Союз — всегда умела выживать в особо сложных условиях.

Во время вспышки оспы — той, что случилась почти шестьдесят лет назад — только за январь 1960-го года создали три с лишним тысячи прививочных пункта и больше восьми тысяч передвижных бригад. Привили — меньше, чем за тридцать дней! — почти десять миллионов человек.

Сейчас задача чрезвычайно усложнялась из-за отсутствия вакцин. Да и масштабы эпидемии оказались мощнее.

Петельская заразила множество человек, пока ехала, через всю страну, на съемки. А когда в Селютино случился бунт, двадцать восемь инфицированных и активно больных смогли доехать до районного центра Грибовска и рассеяться по городу. А Василиса — виновница паники — даже умудрилась сесть на поезд, доехать до Сочи и заразить немало народу там.

Но государство наше умеет мобилизовать. В прошлом веке над ликвидацией хаоса работало около тридцати тысяч врачей — сейчас их мобилизовали втрое больше. Подключили Армию, ФСБ, полицию, МЧС.

На Западе раздували панику, многие страны закрывали в России свои представительства, прекратили авиасообщение. Но уже к Новому году президент объявил: все инфицированные и потенциально контактные взяты на карантин. Миру больше ничего не угрожает.

В середине января Клычко-Желяева выпустили из больницы. И практически немедленно последовало приглашение от американцев — прочесть в университетах Калифорнии курс лекций под условным названием «Голодные игры в реальности».

Заняться здесь, в России, бывшему продюсеру было нечем. Смотреть, как на его детище — канале «Просто the best» — бездарно хозяйничают другие?

Поэтому он предложение американцев с радостью принял.

От Лос-Анжелеса до Лас-Вегаса — час лету. Или четыре часа космически красивой дороги. Клычко-Желяев, конечно, дал себе слово: воздерживаться от азартных игр. И — кто бы сомневался — зарок не сдержал.

Но всячески подавлял, ограничивал, контролировал свою страсть. В том числе обязательно — каждый час, как бы ни везло! — вставал из-за игрового стола. Шел на воздух. Перекусить. Пощекотать нервы на роллер-костере. Посмотреть на Моне.

Прежде, когда оказывался в Лас-Вегасе, частенько нарывался на наших. Его узнавали. Просили автограф. Сфотографироваться. Или попробовать в роли ведущих. Сейчас русских в Америке почти не было, и Клычко-Желяев расслабился абсолютно.

Во время одиноких своих прогулок часто вспоминал разговор в подпольном казино под Москвой. И бесконечно пытался понять: вознес его старый школьный друг или, наоборот, — бросил в пропасть?

С одной стороны — он теперь никто, безработный.

С другой — его имя, действительно, прогремело — на все семь с половиной миллиардов. На всю планету.

Но истинной его роли, по счастью, никто не знал.

Ничего криминального в том, что он лично летал в Новосибирск приглашать Анатолия.

И никто не выведал, что подсказку сценаристам — где когда-то работала мать журналиста Полуянова — дал именно он.

Смерть психиатра из Грибовска, а также похищение жены и дочки главного врача городской больницы взяла на себя Международная террористическая организация и лично его бывший одноклассник Арзу Юнусов.

О том, что Клычко-Желяев тоже был в курсе, — никто не ведал.

Никому не было дела до того, что сумасшедший террорист и известный телепродюсер когда-то учились в параллельных классах. И соперничали на школьном конкурсе чтецов.

...Безработный продюсер шел по Стрипу, улыбался всегда яркому солнцу Невады. Ему даже в голову не приходило — заволноваться, обернуться. Задуматься — почему спортивного вида парень в темных очках идет за ним от самого “MGM”?

Днем на улицах Вегаса малоллюдно — народ прячется от жары, ждет прохладного вечера. И когда хорошо одетый мужчина вдруг зашатался, схватился за горло и упал, бросились к нему не сразу. А человека в темных очках и вовсе никто не заметил.

Клычко-Желяев лежал на спине, в мертвых глазах отражалось небо. Зеваки, с очевидным запозданием, подняли визг.

Артур в это время уже садился в машину. Страх не было — только блаженство. Из-за того, что безжалостная игла — впервые после смерти Кристины — прекратила терзать его сердце.

Тем же вечером об убийстве Клычко-Желяева в Лас-Вегасе сообщили по всем телеканалам.

Надя простодушно отреагировала:

— И поделом ему.

Полуянов промолчал.

У него не было никаких доказательств, что Клычко-Желяев причастен к случившемуся злу.

Дима выяснил единственное: террорист Арзу Юнусов и продюсер когда-то учились в одной школе.

Но высококлассный наемный убийца Артур и не потребовал у него подтверждающих документов. Ему просто нужна была достойная жертва.

Спустя месяц, в субботу утром, Дима получил по электронной почте фотографию. В объектив беззаботно улыбался атлет. Рядом с ним стояла очень красивая, очень спортивная и очень похожая на Кристину девушка.

Подпись гласила:

— Благодарю тебя. Теперь все сначала!

Полуянов еще раз посмотрел на симпатичную пару. Поставил комп в спящий режим. Вышел на кухню.

Надя, как всегда, хлопотала. Скворчит на сковороде лук, в кастрюле бешено кипит картошка, сама девушка — с видом снайпера — работает блендером.

— Митрофанова! — Полуянов с трудом перекрикнул кухонные звуки. — Выключай тут все!

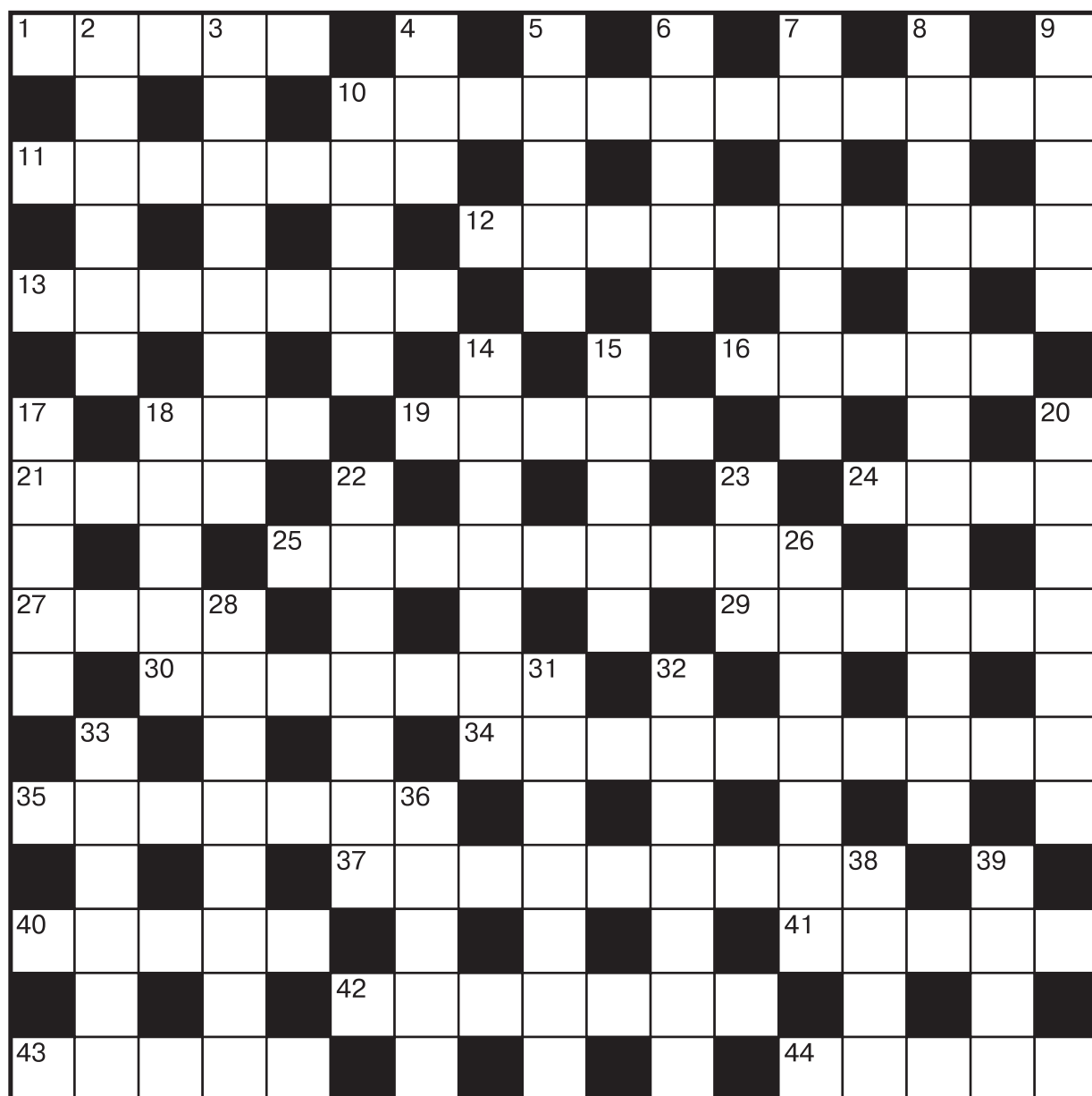
— Зачем?

— Бери паспорт, и пойдем, прогуляемся.

— Куда?

— Как куда? В ЗАГС. Сколько можно откладывать! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Кто пловцами закусывает? **10.** Словесный букет радости по поводу. **11.** Инертный газ из рентгеновской трубки. **12.** Какое дерево «одело» библейских Адама и Еву? **13.** Что добавляет джинсовой ткани «тягучести»? **16.** Какое приспособление делает из курицы «жарптицу»? **18.** Прическу под Элвиса Пресли называют «утиный ...» **19.** Ко-

го американцы признали «Величайшей блондинкой всех времен»? **21.** На чем ездил ходжа Насреддин? **24.** Легендарная группа, чья солистка позже стала немецкой принцессой. **25.** «Дальновид инженера Брейтбарта», поступивший впервые в продажу в 1935 году. **27.** Кто не тратит из скупости, а не из экономии? **29.** Какого шекспировского героя

играл Александр Блок в домашнем театре? **30.** Каждый из солдат Урфина Джюса. **34.** Кто первым предсказал Михаилу Зощенко большое литературное будущее и трагический конец? **35.** Какая олимпийская дистанция имеет географическую родословную? **37.** Кому отправили ключ от Бастилии после того, как она была разрушена? **40.** Трубочка с кремом внутри. **41.** Что оказывается в кустах «совершенно случайно»? **42.** Какие чувства чаще всего рождает в зрителях созерцание праздничного фейерверка? **43.** Насколько снизил численность сената император Август. **44.** Внеальбомная песня.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** «Зубки — жемчуг, а губки — ...! Хороши также грудь и улыбка!» **3.** «Оборванец» при гадании о любви на ромашке. **4.** «Показуха» от Оле-Лукойе. **5.** Мировая эстрадная звезда из семьи сицилийского каменщика. **6.** Кто увлекается дайвингом в русских былинах? **7.** Проекция мировосприятия на алфавит. **8.** Какое общественное движение

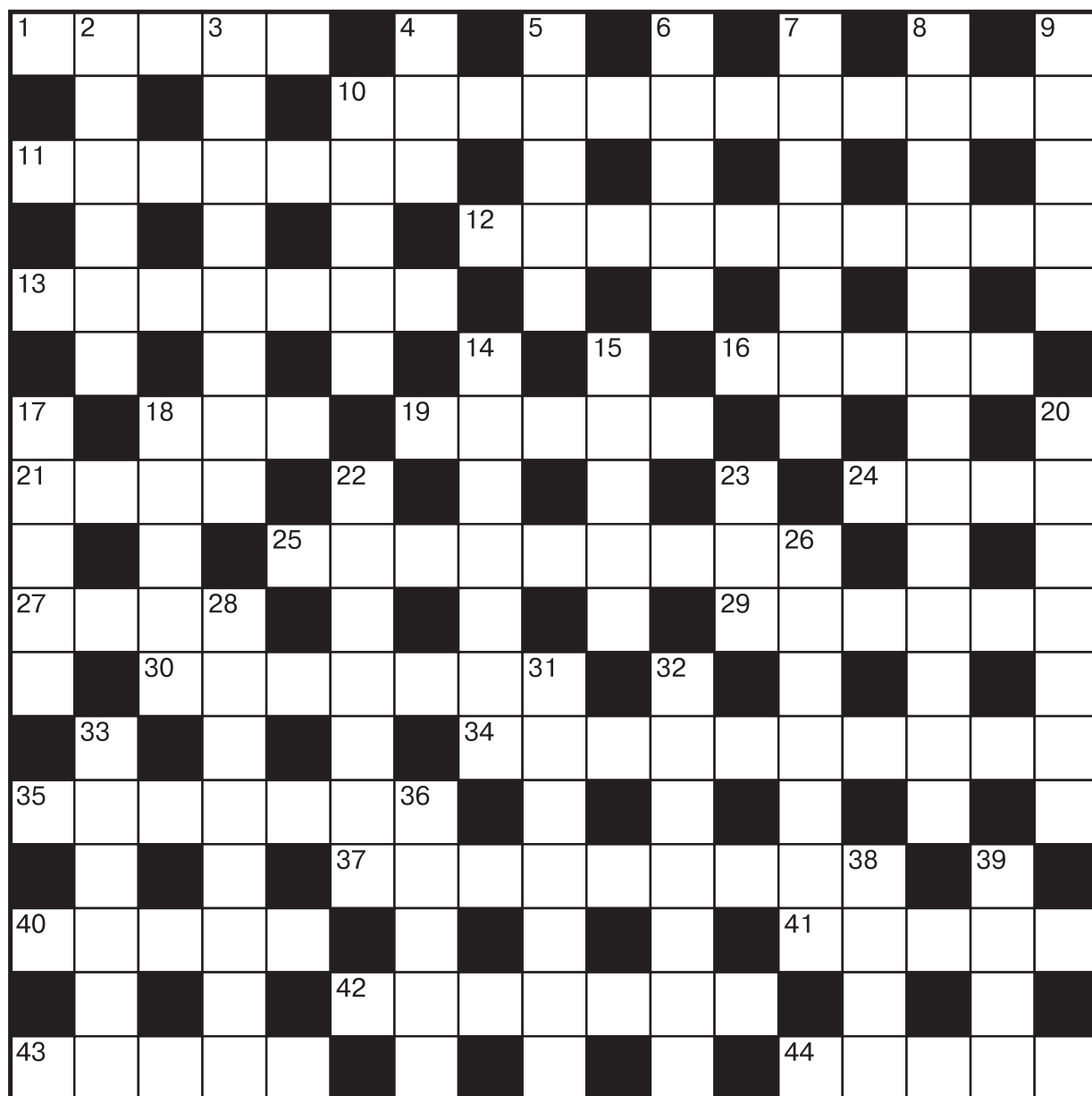
борется с влиянием транснациональных компаний? **9.** В каком штате расположена самая скоростная дорога в США? **10.** Кем работал Аль Пачино до начала своей актерской карьеры? **14.** Какой знак «сдает вахту» Водолею? **15.** Кому поручают исправлять ошибки дипломатов силовыми методами? **17.** Где акции размещают? **18.** Кому, с точки зрения Томаса Фуллера, служить «труднее, чем двум господам»? **20.** Данные материала. **22.** Первый, кто исполнил в футболе удар «сухой лист». **23.** Блаженный Августин полагал, что «...лучше познается неведением». **26.** Смесь на мастерке. **28.** Где в 1972 году состоялся первый всемирный конкурс вин? **31.** Кто принимает решения на уровне правительства? **32.** «Туда, где душе и глазу откроется мудрый мир и где на плече у вяза волшебный поет ...» **33.** Профессия отца Айседоры Дункан. **36.** Какое из южных созвездий посвящено физики Роберту Бойлю? **38.** Какие водоросли добавляют в японские супы? **39.** «... тебе в руки».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пуаро. **7.** Крыса. **10.** Одеяло. **12.** Кандидатура. **13.** Глазунов. **14.** Ловелас. **17.** Толстосум. **18.** Лорд. **19.** Тур. **22.** Киров. **23.** Догилева. **24.** Суфле. **26.** Бодибилдинг. **28.** Букет. **30.** Пион. **31.** Базар. **32.** Очки. **34.** Век. **36.** Талмуд. **38.** Ротмистр. **39.** Шекспир. **40.** Лень. **41.** Стивен. **42.** Паинька.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Зорге. **2.** Сенатор. **3.** Алеутские. **5.** Удав. **6.** Роддом. **8.** Ритуал. **9.** Серп. **11.** Адрес. **12.** Коловорот. **14.** Лук. **15.** Соперничество. **16.** Идеал. **17.** Тубус. **20.** Ионизатор. **21.** Хинди. **22.** Клоун. **25.** Ширак. **26.** Бес. **27.** Шпатель. **28.** Боулинг. **29.** Витрина. **31.** Бессон. **33.** Буш. **35.** Смута. **37.** Дева. **38.** Риск.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Черепашья» аватара Вишну. **10.** Семь холмов, на которых возник Рим. **11.** Озноб от того, что вам нравится. **12.** Пленительная грузинская девочка, на которой Александр Грибоедов женился по пути в Тегеран. **13.** Джакомо среди друзей великого Петрарки. **16.** Демон с Тибета. **18.** С какой династией закончилась история Китайской империи?

19. Научное название «первого дня творения Земли». **21.** Какое инфекционное заболевание особенно несовместимо с авиаперелетами? **24.** Неочищенный рис. **25.** На чем работает «генератор быстрого старения» Нортон Нимнула? **27.** Святой, чьи огни предупреждают моряков о наступлении шторма. **29.** Богородская трава, чтобы отучать от пьянства. **30.** Свя-

ценный особняк масонов из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна. **34.** В какое село определили Михаила Булгакова после получения диплома земского врача? **35.** Разделитель гитарных ладов. **37.** Народный танец из Баварии. **40.** Друг и confident последних лет жизни Коко Шанель. **41.** Эпоха «новых мечей» у японцев. **42.** Эстонская цитра. **43.** Белое вино из Грузии. **44.** Дух во власти демона Магота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Кто из мировых художников открыл в свое время сеть ресторанов для одиноких людей? **3.** «Оконное стекло» в Древней Руси. **4.** «Ботаник в красных штанах», увидевший свет через два года после Барби. **5.** Бальзам на душу коррупционера. **6.** Сладкий чай у японцев. **7.** Что обнаружил в саквояже Симора герой повести «Выше стропила, плотники» Джерома Сэлинджера? **8.** Какая звезда Девы «появилась после смерти» любимца Диониса? **9.** Великий физик, чье место во Французской академии наук однажды

занял Наполеон Бонапарт. **10.** Какое холодное оружие происходит от крестьянской косы? **14.** Какая рыба мечет икру на берегу? **15.** «Ботинки ромовой бабы», которым The Beatles помогли стать модными. **17.** Кто в своей книге описал, как волки в канадской тундре по цепочке на огромные расстояния передавали информацию о том, как стадо оленей двинулось на юг? **18.** Девичья фамилия супруги Михаила Ломоносова. **20.** Какой чин получил граф Гавриил Головкин после Полтавского сражения? **22.** Наш горнолыжный курорт, где прошел фестиваль по спуску с гор лыжников и сноубордистов в купальниках и плавках. **23.** «Съедобные вершки» растений в белорусской кухне. **26.** Какой купец заказал первый перевод Библии на французский язык? **28.** Кто учит, как надо учить? **31.** «Человек с арийской и еврейской кровью» во времена Третьего рейха. **32.** Зимний летник на Руси. **33.** Английская канарейка. **36.** Кактус с Мадагаскара. **38.** Восточная принцесса в любовниках Одина. **39.** Башкирские сапоги.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Пикты. **7.** Унаги. **10.** Тохтуй. **12.** Гакенрихтер. **13.** Актуарий. **14.** Хеновес. **17.** Хатшепсут. **18.** Тегу. **19.** Аюк. **22.** Спика. **23.** Гирошима. **24.** Агела. **26.** Разумовская. **28.** Дурис. **30.** Броч. **31.** Силал. **32.** Мора. **34.** Мем. **36.** Рианна. **38.** Нифлесет. **39.** Агевзия. **40.** Киго. **41.** Скмидт. **42.** Циклист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Атлас. **2.** Кхаттак. **3.** Шунахшепа. **5.** Инай. **6.** Тхелет. **8.** Нехбет. **9.** Греч. **11.** Орион. **12.** Гиппокрас. **14.** Хук. **15.** Селивановский. **16.** Шубат. **17.** Хюгге. **20.** Филокалия. **21.** Дорси. **22.** Слауч. **25.** Пурим. **26.** Рис. **27.** Иберико. **28.** Добаогэ. **29.** Баттуто. **31.** Сейвал. **33.** Хна. **35.** Глико. **37.** Агли. **38.** Никс.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
---	---	--

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ,

! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

